

О. Х. Аймаганбетова

**КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
СТРУКТУРЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ**

(СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

**Алматы
2006**

ББК 88.5

А 31

***Выражаю искреннюю благодарность Исполнительному директору
«Тин Челлиндж Казахстан» ДАГЛАСУ БОЙЛУ за поддержку и
содействие в издании этой книги***

*Рекомендовано к изданию Ученым Советом факультета философии и
политологии и РИСО КазНУ им. аль-Фараби*

Рецензенты:

*Доктор педагогических наук, доктор психологических наук,
Заслуженный деятель науки и техники Республики Казахстан,
профессор **К.Б.Жарикбаев**;*

*Доктор психологических наук, профессор **Р.Б.Каримова**;
Кандидат психологических наук, доцент **У.А.Уакпаева***

А 31 Аймаганбетова О.Х.

**Кросс-культурное исследование структуры межэтнических
отношений: Социально-психологический аспект.** Алматы: Нур-
пресс, – 2006. – 236 с.

ISBN 9965-830-01-0

Научное издание, посвященное исследованию социально-психологических характеристик, определяющих структуру межэтнических отношений, которая представлена в виде трехкомпонентной системы. На материале теоретического анализа и прикладных эмпирических исследований этнической идентичности, межэтнического восприятия, межэтнического взаимодействия автор анализирует факторы, закономерности динамики межэтнических отношений, обладающих большим эвристическим потенциалом, необходимым для осмысления и понимания межэтнических процессов, происходящих в современном казахстанском обществе.

Выражаем надежду, что книга будет полезной и интересной для студентов, магистрантов не только психологических специальностей, но и для тех, кто непосредственно участвует в практическом решении проблем межэтнических отношений.

ББК 88.5

А 0303040000
00(05) – 06

ISBN 9965-830-01-0

© Аймаганбетова О.Х., 2006

© Нур-пресс, 2006

ВВЕДЕНИЕ

Особенности современного этапа развития казахстанского общества вызваны пересечением нескольких ценностных матриц: этнокультурной, постсоветской, либерально-демократической, евразийской. Их сочетание предопределяет общий мировоззренческий контекст социального выбора Казахстана, и поэтому требуется исследование их взаимодействия в плане влияния на новую личностную и групповую идентичность. В этих условиях важно знать, как осуществляется процесс приобщения личности, групп, сообществ к важнейшим механизмам социальной адаптации в условиях реальной мультикультурности. Одним из путей, который позволит выявить тенденции разворачивающихся социально-психологических процессов, является изучение структуры, тенденций развития и динамики трансформаций межэтнических отношений.

В последние годы в психологии, социологии, политологии, философии, в сфере педагогических наук, то есть практически во всей социогуманитаристике понятие «межэтнические отношения» становится одним из наиболее обсуждаемых. А сам этот феномен представляет собой одно из приоритетных звеньев теоретико-методологического анализа в области современного человековедения и обществознания. И дело здесь не только в том, что исследование межэтнических отношений становится сегодня мультидисциплинарной отраслью знания. Оно становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются, изучаются многие важные черты и динамика современной жизни. На уровне теоретического познания межэтнические отношения выступают наиболее адекватным механизмом, который соответствует социально-психологической адаптации к современному процессу.

Следовательно, межэтнические отношения – это новая предметная область социально-психологических исследований, которая позволяет подойти по-новому к анализу ряда важнейших закономерностей социального развития и поведения.

Растущий интерес к социально-психологическому исследованию межэтнических отношений совершенно закономерен. Современное положение социальной психологии показывает существующее противоречие между большим количеством наблюдений, фактов,

и закономерностей, полученных в ходе прикладных эмпирических исследований и способностью их теоретического, концептуального осмысления.

Теоретическая актуальность социально- психологического подхода заключается в том, что он несет в себе потенциальную возможность создания единой теоретической концепции, которая позволила бы интегрировать исследования межэтнических отношений.

Интерес к теоретическому исследованию межэтнических отношений не случаен в условиях современного полиэтнического и мультикультурного казахстанского общества. В современных условиях сложились новые предпосылки для обращения в этнокультурную ситуацию с целью реконструкции современной модели мультикультурного пространства жизни. Для каждого осознающего свое бытие в пространстве социального времени казахстанца последние полтора десятка лет совпали с интенсивным переопределением отношений, в том числе, особой акцентуацией межэтнических. Для этого было немало факторов различного порядка, начиная со смены экономического уклада и модернизации политического устройства и завершая распадом существовавших идеологем, которые выступали своеобразными интеграторами во взаимоотношениях этносов в условиях советской государственности и наступившей вслед за этим anomией.

Поэтому обращение к феномену межэтнических отношений как специальному предмету социально-психологического исследования представляется актуальным и в теоретическом аспекте. Такой анализ важен не столько для фундаментальных теоретических знаний, сколько он востребован актуальными запросами современности, в частности, практикой строительства новых суверенных государств, появившихся в результате распада Советского Союза. Вследствие чего, в контексте социально-психологического исследования актуализируется не только изучение психологических особенностей межэтнических отношений, но и разработка конкретных способов разрешения ситуаций, возникающих в сфере этих отношений.

Актуальность кросс-культурного исследования межэтнических отношений определяется еще и тем, что, несмотря на широкое использование данного понятия и на кажущуюся однозначность в его трактовке, вопрос о его внутреннем содержании и причинах прояв-

ления его особенностей в жизни казахстанского общества остается еще открытым.

Таким образом, основная цель данного научного исследования состояла в раскрытии социально-психологической природы межэтнических отношений в полиэтничном и мультикультурном обществе, переживающем политические, социальные, экономические и этнические трансформации. Только через детерминацию структуры межэтнических отношений можно решить задачу диагностики этого социально-психологического феномена и воздействия на групповом и личностных уровнях.

Регуляторная функция межэтнических отношений психологически реализуется в отношениях национально-этнических групп как социальных субъектов к самим себе, друг к другу и к действительности. Эти отношения объективизируются через этническую идентичность, межэтническое восприятие и межэтническое взаимодействие.

Исследование особенностей этих образований, механизмов их трансформаций, их влияния на групповое поведение личности определило предмет нашего исследования. В ходе дальнейшего исследования предмет конкретизировался как основная характеристика: когнитивного и аффективного компонентов этнической идентичности и ее основных трансформаций, характеристики содержания и направленности авто- и гетеростереотипов, этномобилизационного поведения участников межэтнических отношений, определяющихся уровнем напряженности, общения и адаптации.

Исходя из вышесказанного, в нашей работе отстаивается положение о том, что социально-психологический анализ, заключающийся в кросс-культурном исследовании структуры межэтнических отношений от исследования этнической идентичности до изучения межэтнического восприятия и межэтнического взаимодействия, позволяет разработать конструктивную содержательно-динамическую модель диагностики состояния межэтнических отношений и прогнозирования их дальнейшего развития в условиях мультикультурного государства.

И, если другие отрасли научного знания, как правило, ограничиваются фиксацией и констатацией сформировавшихся межэтнических отношений, на основе которых они пытаются делать умозаключения относительно их дальнейшего развития, то только психология,

исследующая внутреннее содержание межэтнических отношений, которое определяет этническое поведение может дать наиболее точный прогноз их дальнейшего развития.

Это предопределило структуру книги, состоящей из четырех разделов, в которых последовательно представлены теоретические позиции, методы их эмпирической проверки и конкретные исследования, осуществленные на основе специально разработанной программы кросс-культурного исследования.

В первом разделе обозначены методологические и теоретические принципы социально-психологического подхода к исследованию структуры межэтнических отношений. На основе исследования генезиса и содержания межэтнических отношений разработан и обоснован методологический, понятийно-концептуальный аппарат, детерминирующий феноменологическое поле этого социально-психологического феномена.

Во втором разделе главное внимание уделено изучению этнической идентичности как центрального конструкта структуры межэтнических отношений, раскрывается ее социально-психологическое содержание, определяемое когнитивным, аффективным, поведенческим компонентами, анализируются основные уровни и типы проявления этнической идентичности. Кроме того, здесь представлены социально-психологические методы, дается анализ результатов конкретных эмпирических исследований этнической идентичности в системе самокатегоризации личности на основе групповых идентификационных матриц, а также изучения содержания, типов и уровней в контексте их трансформаций.

Третий раздел посвящен анализу этнических стереотипов, рассмотрены современные подходы к исследованию этнических стереотипов в контексте межэтнического взаимодействия, анализируются результаты конкретных эмпирических исследований основных характеристик содержания и направленности авто- и гетеростереотипов, проведенных с использованием целого комплекса современных психосемантических методик – метода семантического дифференциала, метода реконструкции семантических пространств, диагностического теста отношений.

В четвертом разделе дается анализ межэтнического взаимодействия: от парадигмы конфликта, напряженности

к толерантности и мультикультурализму, рассматриваются социально-психологические показатели межэтнических конфликтов и напряженности большое внимание уделено социально-психологическому исследованию теоретических и прикладных аспектов межэтнического общения и адаптации. Также представлены результаты проведенных кросс-культурных эмпирических исследований межэтнической напряженности и межэтнического взаимодействия

В ходе проведения эмпирической работы была разработана система социально-психологических индикаторов, составивших основу для создания программы кросс-культурных эмпирических исследований и проведения мониторинга межэтнических отношений, сконструированы, апробированы и обоснованы адекватные методические приемы и статистическая обработка полученных в ходе исследований данных.

Именно эти эмпирические материалы послужили главной опорой при построении теоретических оснований исследования.

Сегодня Республика Казахстан – это обновляющееся полиэтническое и мультикультурное государство, и от того, как здесь складываются процессы взаимодействия и взаимной адаптации народов, зависит очень многое. Более того, каким будет характер межэтнических отношений, зависит судьба не только Казахстана, но и всего постсоветского пространства. Характерной чертой современного развития Казахстана является усиление межэтнического взаимодействия, усиление межэтнических контактов. В связи с этим остро возникает проблема оптимизации межэтнических отношений. Поэтому главным мотивом написания этой книги было стремление внести свой посильный вклад в решение этих проблем.

1. МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ПРЕДМЕТ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Категория «отношения», представляя собой своеобразный феномен, является предметом исследования многих отраслей научного знания, в том числе и психологии.

Однако в поисках инвариантов этого понятия мы пришли к выводу, что в современной социальной психологии относительно определения его основных детерминант до сих пор нет четкого и общепринятого понимания. Сегодня здесь выделяются две основные точки зрения на сущность и особенности этой многозначной категории.

Согласно одной из них, понятие «отношения» можно рассматривать как готовность к определенному взаимодействию, возникновение которой, детерминируются наличием человеческой потребности и объективной ситуацией удовлетворения этой потребности.

С другой стороны, понятие «отношения», являясь одной из базовых психологических категорий, находит свое проявление в любых контактах и взаимодействиях человека с человеком, человека с группой, группы с группой, а также с материальными и идеальными вещами и явлениями. В этом случае «отношения» можно рассматривать как определенный индикатор, являющийся средством выражения и объективизации всех действий человека.

В ракурсе такого понимания основных детерминант категорию «отношения» можно рассматривать как «субъект-субъектные» и «субъект-объектные». Наибольший интерес для нас представляют «субъект-субъектные» отношения, которые определяются как целостная система индивидуальных, избирательных и сознательных связей личности и которые обнаруживают себя, прежде всего, в отношениях, складывающихся между личностями и группами, т.е. в межличностных и межгрупповых отношениях.

В социальной психологии межличностные отношения рассматривают как субъективно переживаемые взаимосвязи между людьми, в которых проявляется система их межличностных установок, ориентаций, потребностей, мотивов, детерминируемых их совместной деятельностью.

Что касается межгрупповых отношений, то они определяются как отношения, субъектом которых могут быть, как малые, так и большие группы, в том числе, и этнические общности. Однако, как конс-

татирует Т.Г.Стефаненко, сегодня многие социальные психологи под межгрупповыми отношениями понимают, прежде всего, – и даже исключительно – отношения, складывающиеся между индивидами как представителями конкретных групп [Стефаненко, 2006, 232].

В контексте такой детерминации значимым становится понимание того, что межгрупповые отношения – это не только те отношения, которые устанавливаются между группами, а, прежде всего, это субъективные переживания отношений между людьми как представителями различных групп.

Вследствие этого, сегодня в социальной психологии выделяют два уровня межгрупповых отношений - личностный и групповой. На личностном уровне эти отношения определяются индивидуально - психологическими особенностями индивидов как отдельных представителей той или иной группы и проявляются в различных сферах группового восприятия и взаимодействия. В связи с этим одной из составляющих психологию межгрупповых отношений должна стать психология личности.

Традиции культурно-исторической психологии Л.С.Выготского и деятельностный подход А.Н.Леонтьева предопределили исследование личности в контексте межгрупповых отношений как продукта этносоциальной и этнокультурной истории общества.

Историко-эволюционный подход к личности дополнил эту позицию постановкой задачи выявления закономерностей развития изменяющегося человека в изменяющемся мире [Асмолов, 2001; Леонтьев, 1983]. В контексте такого понимания личностного уровня межгрупповых отношений личность должна исследоваться как представитель данной национально-этнической группы, данной этносоциальной и этнокультурной среды, данного времени и данной конкретной ситуации, претерпевающей в трансформирующемся обществе изменения вместе с группами, к которым он принадлежит и с самим обществом в целом.

Поэтому социально-психологическое и кросс-культурное исследование национально-этнических групп и отношений, сложившихся между ними, должно осуществляться через исследование отдельной личности как представителя той или иной группы.

Однако, как замечает В.С. Агеев, разрыв между микро- и макро-уровнем в исследовании отношений и взаимодействия продолжает сохраняться. Параллельно этому трактовка человека как уникаль-

ности, индивидуальности, неповторимости, целостности и трактовка его как члена группы, как элемента более широкого целого со всеми вытекающими отсюда последствиями до сих пор остаются оторванными друг от друга [Агеев, 1990].

Один из вариантов решения этой проблемы был предложен А.Тэшфелом и Дж.Тернером, рассматривавшими межличностные и межгрупповые формы отношений как два полюса единого биполярного континуума, на котором можно расположить все возможные варианты социального поведения. Один полюс отражает взаимодействие, полностью определяемое межличностными отношениями и индивидуальными характеристиками участников. На другом полюсе располагаются отношения между людьми, детерминированные их групповым членством, и на которое не оказывают влияния их индивидуальные отношения и характеристики [Стефаненко, 2006, 232].

В.С.Агеев, поддерживая позиции А.Тэшфела и Дж.Тернера считает, что личностные и групповые начала, определяющие особенности отношений, находятся в обратных началах друг к другу. Более того, он считает, что существующая оппозиция между межличностными и межгрупповыми отношениями определяется не полярно-дихотомическим, а континуальным характером, то есть, точнее было бы говорить в каждом конкретном случае о степени приближения к одному из двух полюсов единого континуума «межличностный – межгрупповой», а не просто о принадлежности данного механизма к группе межличностных или межгрупповых отношений [Агеев, 1989].

Результаты проведенных эмпирических исследований дали ему возможность не только определить характер соотношения межличностных и межгрупповых механизмов, их природу и генезис, но и увидеть принципиальные различия в тех задачах, которые призваны решать эти механизмы. Вследствие этого, он пришел к выводу, что межличностные и межгрупповые механизмы, определяющие отношения, взаимодополняют, но не дублируют друг друга.

Из этих рассуждений следует, что одни и те же индивиды в одних обстоятельствах могут вступать в определенные отношения друг с другом как отдельные личности, а в других ситуациях – как члены определенных групп. При этом степень влияния межгрупповых отношений на межличностные определяется тем, насколько люди, включенные в эти отношения, воспринимают себя и других (или воспринимаются другими), прежде всего, как членов группы.

Таким образом, мы видим, что в современной социальной психологии существует несколько подходов к проблеме исследования категории «отношения». Достоинством всех этих исследований является то, что их авторы, выделяя межгрупповые и межличностные отношения, говорят о необходимости и возможности совмещения этих уровней для изучения проблематики отношений в целом. Нет сомнений, что наиболее продуктивным будет формирование такого подхода, который смог бы синтезировать личностный и групповой уровни, показать механизм их реального взаимодействия, выявить особенности каждого из них.

Что касается определения основных детерминант межэтнических отношений, то сегодня их рассматривают, прежде всего, как отношения, складывающиеся между большими группами, а именно этническими. Однако мы понимаем, что не существует особенных, психологических явлений и процессов, характерных только для межэтнических отношений. Они являются универсальными, как для межгрупповых, так и для межэтнических отношений. В мировой психологической науке до сих пор нет четкости в обозначении терминов «межгрупповые» и «межэтнические отношения», «межгрупповое» и «межэтническое поведение», «межгрупповое» и «межэтническое взаимодействие». Вследствие этого, в современной социальной психологии эти понятия часто используются как равнозначные.

Сегодня в период, определяемый «этническим парадоксом» и «этническим ренессансом», приведших, с одной стороны, к увеличению числа межэтнических взаимодействий и контактов, с другой к нарастанию межэтнической напряженности и межэтнических конфликтов, проблема изучения межэтнических отношений приобрела особую значимость и находится в центре внимания целого ряда наук. Исследовательские интересы, как правило, синхронизированы с событиями, происходящими в соответствующих сферах жизнедеятельности этносов. Поэтому сегодня исследованием основных детерминант, определяющих содержание, динамику, характер и развитие межэтнических отношений, занимается целый ряд гуманитарных наук, что дает право Г.М.Андреевой назвать проблематику межэтнических отношений маргинальной в силу ее интегрированности в систему социологических, политических, культурологических знаний. Поэтому «родительскими» дисциплинами, исследующими межэтнические отношения, считают социологию, политологию, но

не психологию, которая вплоть до последнего времени делала основной акцент на исследовании проблем, возникающих в рамках малой группы, оставив вне поля зрения проблематику межгрупповых и особенно межэтнических отношений.

Более того, как отмечает В.С. Агеев, такое «ограничение исследования только рамками малых групп неудовлетворительно, прежде всего, в общетеоретическом плане. Ведь вырывание малой группы из ее естественного окружения и социального, этнокультурного контекста носит искусственный характер. ...Полностью изолированная малая группа является не более, чем абстракцией» [Агеев, 1989, с.65-66].

Действительно, в реальности ни одна малая группа не может быть самостоятельной и независимой от большой группы, не может быть изолированной от ее внешнего влияния и от тех процессов, которые здесь осуществляются и которые определяются взаимодействием между макро- и микроуровнями. Такая ограниченность исследования отношений, возникающих в большой (этнической) группе, явилась причиной того, что в современной социальной психологии до сих пор не определена теоретико-методологическая база исследования межэтнических отношений и не отработан концептуальный аппарат проведения прикладных эмпирических исследований.

Отсутствие до сегодняшнего дня теоретико-методологической концепции психологического исследования межэтнических отношений часто становится причиной того, что некоторые психологи, приступая к их изучению (особенно это касается детерминации основных теоретических принципов и методики исследования), часто утрачивают свою профессиональную позицию и переходят в область социологии, культурологии и других отраслей научного знания, каждая из которых рассматривает проблему межэтнических отношений под своим определенным углом зрения.

Отсюда иногда рождается убеждение, что область психологии отношений, возникающих в больших (этнических) группах, вообще не поддается анализу.

Однако сегодня проблема межэтнических отношений представляет собой не просто рядоположенную проблему социальной психологии, а является ее важнейшей проблемой, поскольку «содержание социально значимых черт человеческой психики формируется именно на макросоциальном уровне».

Необходимость выделения психологии межэтнических отношений в отдельную отрасль социальной психологии, по мнению Г.М.Андреевой, диктуется, прежде всего, усложнением самой общественной жизни, где эти отношения оказываются ареной сложных межгрупповых конфликтов, в том числе и этнических [Андреева, 1997]. Этой точки зрения придерживаются и другие российские исследователи [Л.М.Дробижева, 1997, Г.У. Солдатова, 1998, Т.Г.Стефаненко, 2006], рассматривающие психологию межэтнических отношений в качестве одного из важнейших направлений современной социальной психологии, настоятельно требующего к себе самого пристального внимания в условиях социальной и этнической нестабильности.

Социально-психологический анализ проблематики межэтнических отношений становится наиболее актуальным и важным не столько для фундаментальных теоретических знаний, сколько он востребован практикой строительства новых суверенных государств, появившихся в результате распада Советского Союза. Вследствие этого, в контексте социально-психологического исследования актуализируется не только изучение психологических особенностей межэтнических отношений, но и разработка конкретных способов разрешения ситуации, возникающих в сфере этих отношений. Из этих рассуждений следует, что именно в контексте социально-психологического исследования проблема межэтнических отношений становится наиболее перспективной, а в ходе последних событий, происходящих в современном мире, приобретает особое звучание и значимость.

Подчеркивая актуальность социально-психологического взгляда на межэтнические отношения, необходимо, прежде всего, определить предмет психологического исследования в области межэтнических отношений

И.С.Кон видел специфику психологического исследования межэтнических отношений в изучении этнического самосознания и этнической идентичности.

В.Г.Крысько в качестве предмета исследования межэтнических отношений, отмечает, что межнациональные отношения сложны, тем, что всегда присутствуют внешние и внутренние (психологические) препятствия и противоречия, возникающие в процессе форми-

рования и развития этнических связей, контактов и общения между людьми. «На макроуровне такого рода трудности возникают чаще всего с исторически сложившимися противоречиями между народами - экономического, политического, религиозного или культурного характера....На микроуровне сложные отношения чаще всего объясняются подозрительностью, языковыми барьерами...игнорированием национальных традиций, обрядов, обычаев» [Крысько, 2002, с.123].

По мнению Т.Г.Стефаненко, только выявив психологические особенности взаимодействующих этносов, которые могут мешать в налаживании отношений между ними, можно предложить психологические способы их урегулирования [Стефаненко, 2006, с.41].

Л.М.Дробижева, разрабатывая теории «среднего уровня», способствующие концептуализации знаний и методологии в области межэтнических отношений в условиях социальной и политической нестабильности, в качестве предмета психологии межэтнических отношений предлагает рассматривать «прежде всего, представления о своей и другой группе, восприятие ее, готовность к контактам, наконец, психические состояния и процессы» [Дробижева, 1997, с.61].

Г.М.Андреева считает, что «социально-психологический анализ концентрирует внимание на проблеме отношений, возникающих в ходе взаимодействия между группами, как внутренней, психологической категории».

Такое понимание, считает она, предполагает не только «самую тесную связь субъективного отражения межгрупповых отношений с реальной деятельностью исследуемых групп, но и детерминацию ею всех когнитивных процессов, сопровождающих эти отношения. В данном случае уместно рассуждение по аналогии: группы существуют объективно, и для этнопсихологии важно, при каких условиях группа превращается для индивида в психологическую реальность; точно так же межгрупповые отношения существуют объективно и для этнопсихологии важно, как этот факт отражается в сознании членов групп и предопределяет их восприятие друг другом» [Андреева, 1996, с. 252-253].

Таким образом, можно сформулировать вывод, что принципиальное отличие социально-психологического взгляда на проблему исследования межэтнических отношений состоит в том, что здесь в центре внимания находятся не межэтнические процессы и явления

сами по себе или их многообразные связи и опосредования общественными отношениями, а субъективное внутреннее отображение и восприятие этих процессов личностями, как членами тех или иных национально-этнических групп, т.е. когнитивно-эмоциональная сфера, детерминируемая реально развивающимся межэтническим взаимодействием.

И, если другие отрасли научного знания, как правило, в основном ограничиваются фиксацией и констатацией существующих межэтнических отношений, на основе которых они пытаются анализировать их дальнейшее развитие, то только социальная психология, исследующая внутреннее содержание этих отношений, которое детерминирует их внешнее проявление, может дать наиболее точный прогноз.

Совершенно права Г.М.Андреева, утверждающая, что многие психологические механизмы социального познания в ситуации социальной нестабильности изменяются, создается новый образ социального мира в целом и его отдельных элементов в частности [Андреева, 1996].

В связи с этим мы полагаем правомерным перенос на исследование предмета психологии межэтнических отношений категории, предложенной Л.С. Выготским и известный как «социально-историческая ситуация развития». Если иметь в виду отношения дезинтеграции прежней – советской – социальной общности (с ее многомерными характеристиками, включающими, в том числе – и полиэтнический состав населения), то сегодня предстоит заново эмпирически обнаружить и описать в моделях тот образ социального мира (включая его конфликтность на этнической почве), который соответствует новым социально-историческим реалиям.

Другими словами, социально-психологическое исследование межэтнических отношений заключается в изучении отражения реальных межэтнических отношений в сознании людей как представителей той или иной этнической группы, которые находят свое проявление в когнитивно-эмоциональной сфере и реализуются в реальном поведении и деятельности.

Следовательно, основу теоретического и эмпирического осмысления кросс-культурного исследования межэтнических отношений составило понимание того, что целью этого исследования является изучение структурных компонентов, детерминирующих когнитив-

но-эмоциональную сферу и определяющих «этномобилизационное» поведение представителей национально-этнических групп. Исходя из этого, психологическую структуру межэтнических отношений можно представить в виде следующих конструкторов - межэтнического восприятия и межэтнического взаимодействия.

А.Н.Леонтьев в работе «Образ мира» отмечал, «что...проблема восприятия должна ставиться как проблема построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности». Одновременно он подчеркивал, что мерность или категориальность мира суть характеристика образа мира, не имманентная самому образу, т.е. когнитивный процесс категоризации отражает категориальность объективного мира [Леонтьев, 1983, с.254].

Вследствие этого, межэтническое восприятие мы рассматриваем как социально-психологический феномен, который определяет субъективные, когнитивные, перцептивные характеристики и свойства межэтнических отношений. Относительно межэтнического взаимодействия, проявляющегося внешне, осязаемого, экстериоризированного и непосредственно наблюдаемого, следует отметить, что оно является внутренним психологическим процессом, формирующимся на основе продуктов социально-этнического познания, социальной перцепции и атрибутивных процессов.

В ракурсе такого понимания межэтнического восприятия в качестве его основных компонентов выделяются представления, стереотипы, установки, предубеждения, предрассудки, ценности, ценностные ориентации, этнические чувства.

В рамках нашего кросс-культурного исследования межэтнического восприятия как структурного конструкта межэтнических отношений наибольшую значимость приобретает изучение стереотипизации, являющейся формой отражения в массовом, бытовом сознании состояния этих отношений. При исследовании межэтнического восприятия важно определить наиболее общий горизонт его существования – этнические стереотипы.

Как замечает Г.М.Андреева, «восприятие чужой группы через стереотип – явление широко распространенное... Стереотип помогает быстро и достаточно надежно категоризировать воспринимаемую группу, т.е. отнести ее к какому-то более широкому классу явлений... Особенно жестко эта закономерность проявляется в межэтнических отношениях» [Андреева, 1996, с.225]. Исходя из этого, мы полагали,

что изучение этнических стереотипов даст нам возможность более полно исследовать существующие реальные межэтнические отношения, сложившиеся в современном Казахстане.

Что касается изучения межэтнического взаимодействия, то с одной стороны, его можно рассматривать как одну из фундаментальных категорий социально-психологической теории, а с другой - как достаточно узкое и частное понятие, детерминируемое через категории «деятельность» и «общение», которые, реализуясь в стратегиях кооперации и конкуренции, определяют поведение представителей различных этносов как участников межэтнических отношений.

Следует отметить, что в структуре межэтнических отношений выделяется еще одна группа социально-психологических феноменов, детерминирующих их - это те механизмы, которые опосредуют взаимосвязи между межэтническим восприятием и межэтническим взаимодействием. К этой группе мы отнесли этническую идентичность, в самом широком смысле понимаемую как процесс внутри и межэтнической индентификации.

Однако в рамках нашего кросс-культурного исследования межэтнических отношений этническую идентичность нельзя воспринимать только как процесс внутригрупповой и межэтнической индентификации. Изучение этнической индентичности дает возможность связать в одно целое объективные и субъективные аспекты межэтнического восприятия и взаимодействия и их субъективные отражения в форме стереотипов, напряженности, конфликтов и общения. При этом мы исходим из понимания того, что именно это опосредующее звено в структуре межэтнических отношений должно стать центральным в нашем кросс-культурном исследовании, потому что именно оно способно создать специфику собственно социально-психологического и кросс-культурного подхода к исследованию особенностей межэтнических отношений.

Предлагаемая структура межэтнических отношений позволяет нам достаточно объективно исследовать реальные межэтнические отношения, сложившиеся в современном Казахстане на примере изучения этого социально-психологического феномена в студенческой среде.

При определении теоретико-методологической базы кросс-культурного исследования структуры межэтнических отношений важно

обратить внимание на то, что, если выделенные нами конструкты представить как процесс интериоризации, когда внутренние структуры человеческой психики формируются на основе усвоения структур внешней социальной деятельности, в результате чего происходит преобразование структуры предметной деятельности в структуру внутреннего плана сознания, тогда все три группы выделенных переменных могут быть рассмотрены следующим образом: межэтническое взаимодействие как причина, межэтническое восприятие как результат (следствие) и этническая идентичность - как средство, сопровождающее и определяющее переход от причин к следствию (см. Рисунок 1).

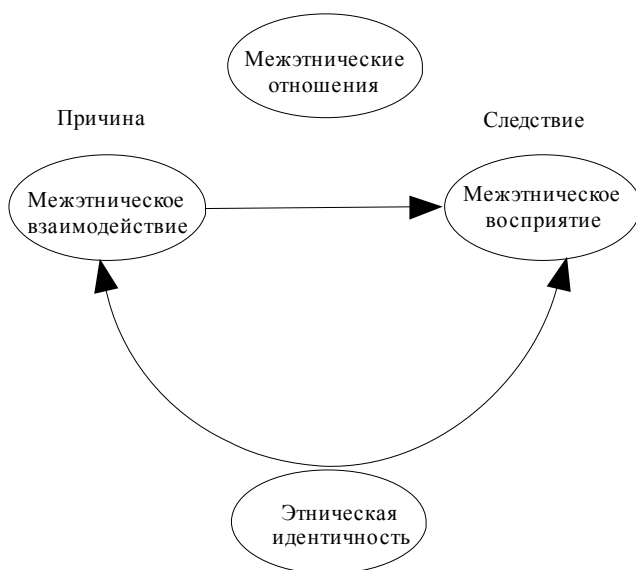

Рисунок 1

В ходе изучения концептуальной базы и проведения прикладных эмпирических исследований мы пришли к пониманию того, что межэтнические отношения можно рассматривать как процесс экстериоризации, при котором внешние действия порождаются на основе преобразования внутренних структур. Это дает нам право выделить межэтническое восприятие в качестве причины, межэтническое взаимодействие как следствие, а средством перехода, сопровождающим

и определяющим эти процессы, становятся этническая идентичность (см. Рисунок 2).

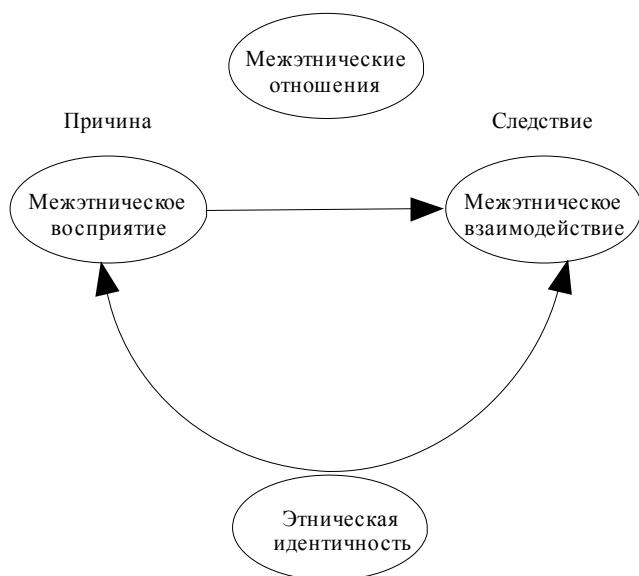

Рисунок 2

При определении социально-психологической структуры межэтнических отношений мы опирались на точку зрения В.С.Агеева, взявшего за основу своего теоретического осмысления психологии межгрупповых отношений идею, что когнитивные процессы и процессы социальной идентификации должны стать предметом специальных психологических исследований [Агеев, 1990].

В этом случае значение воздействия субъективной сферы человека на его социальное поведение, детально прослеженное и проанализированное представителями когнитивистского направления [Кембеллом, Тешфелом, Тернером], может быть принято почти без оговорок. Влияние когнитивных процессов на межэтническое взаимодействие является одним из существенных звеньев в общей цепи причин и следствий.

Следует отметить, что возможно и весьма существенно и обратное влияние, когда межэтническое взаимодействие во многом определяемое когнитивным знанием, воздействует по механизму обратной связи.

Межэтническое взаимодействие включает практически все формы взаимосвязи, осуществляемые между людьми как представителями разных этносов, начиная от самых отдаленных, характеризующих межгрупповой или межэтнический контакт до самого близкого, подразумевающего только непосредственный, лицом к лицу, межличностный контакт.

Следуя логике этих рассуждений, по нашему убеждению, исследовать проявления межэтнических отношений нужно на основе взаимосвязи трех уровней анализа, а именно на уровне широкого социального контекста, на уровне национально-этнической группы и на уровне отдельной личности как члена этой группы и представителя этнической общности.

Следовательно, изучение этнической идентичности, межэтнического восприятия и межэтнического взаимодействия как структурных элементов межэтнических отношений позволяет нам не ограничиваться только изучением отношений «группа-группа» или «этнос-этнос», а предполагает исследование более глубинных отношений как «группа-личность», «личность-личность», «личность-группа», что в свою очередь дает возможность изучать особенности переходов «интерсубъективных» и «интрасубъективных» отношений в различных ситуациях межэтнического восприятия и межэтнического взаимодействия.

В связи с этим предлагаемая концептуализация предмета кросс-культурного исследования структуры межэтнических отношений приводит к обозначению круга явлений (и обозначающих их понятий), среди которых межэтническое восприятие и взаимодействие в условиях современных социально-политических и социально-экономических трансформаций казахстанского общества предстают наиболее емкими по социально-психологическому смыслу.

Именно с позиций такого общего определения социально-исторической ситуации развития правомерно исследовать этническую идентичность как результат когнитивно-эмоционального процесса самоопределения не только отдельной личности, но и целого этноса.

Поскольку восприятие и взаимодействие предполагает соответствующую идентичность, то ее в рамках специфики социально-психологического исследования корректнее изучать посредством выявления содержания авто- и гетеростереотипов и их трансформаций, изучение напряженности, конфликтности и адаптации.

На основе исследования этих взаимосвязанных конструкторов, составляющих структуру межэтнических отношений и поставленных задач кросс-культурного эмпирического исследования динамики их развития в контексте социально-этнической ситуации, характерной для Республики Казахстан, задается логика изучения содержательно-динамической характеристики межэтнических отношений.

Поэтому основная цель нашего исследования заключается в выявлении и изучении социально-психологической природы межэтнических отношений и через ее конструкторы - этническую идентичность, межэтническое восприятие и межэтническое взаимодействие решить задачу психологической диагностики этих отношений, как на личностном, так и на групповом уровнях.

Исследуя названные социально-психологические феномены, мы исходим из понимания, что самая важная теоретическая задача заключается в том, чтобы представить их не просто как составные концепты межэтнических отношений, но и как их проявления, которые выполняют не только регулятивную функцию в межэтнических отношениях, но и дают возможность проводить их мониторинг и прогнозировать их дальнейшее развитие. В связи с этим актуальной задачей стало создание целостной программы кросс-культурного эмпирического исследования, с помощью которой мы могли бы найти способы и методы изучения межэтнических отношений в целом и процедуры их измерения. Ряд процедур и приемов измерения межэтнических отношений представлены в тексте самого исследования, их обработка отражена в Приложении.

В последующем изложении они подробнее анализируются, подкрепляются и обосновываются исследовательским содержанием.

Таким образом, предметом кросс-культурного исследования структуры межэтнических отношений стали выделенные группы социально-психологических феноменов в их органической связи с центральным опосредующим звеном, являющимся психологическим механизмом регуляции межэтнических отношений.

Сформулируем выводы, которые связаны с реализацией кросс-культурного исследования структуры и содержания межэтнических отношений.

1. В ситуации утраты значимости прежних социальных норм, ценностей, установок, дискредитации идеалов, в течение длительного времени консолидирующих уникальную макрогруппу - советский народ – становятся востребованными способы нахождения и осуществления своей идентичности, как на уровне отдельной личности, так и на уровне групп. Во время суверенизации и в ситуации распада прежней экономической и социальной общности у людей объективно возрастает тяга к поиску своей личностной идентичности в этногруппе, которая в условиях деструкции выступила определенной константой. Данный процесс становится предметом исследований не только социологии, политологии, культурологи, но и социальной психологии.

2. Обострение межэтнических отношений, рост напряженности и появление военных конфликтов актуализировали эту проблему во всем мире, где появляется много исследований, посвященных изучению этой проблемы. Как правило, они носят эмпирико-прикладной характер, отражающий констатацию социологических и культурологических данных и политологических умозаключений и прогнозов. На наш взгляд, проблема межэтнических отношений как теоретическая реальность не заняла еще должного места в психологии, несмотря на свою актуальность и многозначность и до сих пор находится «на периферии» научного социально-психологического анализа.

3. Особую актуальность исследование проблем межэтнических отношений приобретает в полиэтническом и мультикультурном Казахстане, где сегодня проживают представители более ста тридцати национально-этнических групп. Изменение социально-психологической ситуации в целом определили сферу межэтнических отношений как область важнейших социально-политических и психологических трансформаций. Реалии современного Казахстана как многонационального государства должны стимулировать появление как теоретических, так и эмпирических исследований, посвященных кросс-культурному изучению содержания и динамики развития межэтнических отношений. Видимая стабильность межэтнических отношений между народами Казахстана не должна способствовать игнорированию исследований для дальнейшего сохранения и улуч-

шения межэтнического согласия, для более глубокого развития общества на основе межэтнического взаимопонимания и межэтнического взаимодействия. Вопросы изучения сущности межэтнических отношений, их структуры должны быть включены в социальную и политическую проблематику общества, так как на межэтнические отношения проецируются все сферы жизни современного общества. Их актуализация дает возможность исследовать реальные отношения, которые сложились между различными национально-этническими группами.

4. Межэтнические отношения определяются не только особенностями этнических общностей, но также и каждым человеком, как членом этой общности. Поэтому, чтобы увидеть и изучить проявления основных компонентов межэтнических отношений на групповом и индивидуальном уровнях, необходимо попытаться найти то концептуальное основание, которое предопределяет общность национально-этнической группы и личности.

5. Необходима и теоретически актуальна разработка социально-психологического и кросс-культурного подхода к изучению межэтнических отношений, определению их предмета и структуры. Межэтническое восприятие и межэтническое взаимодействие развиваются и реализовываются через осознание этнической идентичности. В связи с этим правомерно выделить основные концепты, при помощи которых выстраивается предмет психологии межэтнических отношений - этническая идентичность, межэтническое восприятие, межэтническое взаимодействие.

2. ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СИСТЕМЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

2.1 Этническая идентичность как центральный конструкт феноменологического поля межэтнических отношений

Впервые понятие «идентичность» было использовано У.Джеймсом в работе «Принципы психологии», где он соотносил его с пониманием «личностного-Я», в котором одновременно соединяются и существуют во взаимосвязи две стороны: «Я - объединяющее» и «Я - как объект». В контексте такого понимания идентичности У.Джеймс пришел к выводу, что предметом психологии должно стать «чувство личного тождества» между этими сторонами «Я» [Джеймс, 1991, с.105].

В психологическом контексте понятие «идентичность» впервые было использовано З.Фрейдом в работе «Психология масс и анализ человеческого «Я». Как позже заметил Э.Эриксон, термин «идентичность» З.Фрейд употребил в тексте только один раз, но «не просто мимоходом, а в очень существенном этническом смысле» [Эриксон, 1996, с.30]. Именно З.Фрейд задал новую парадигму исследования идентичности, считая, что идентичность проявляется не только как бессознательная эмоциональная связь ребенка с родителями, но и как важный механизм взаимодействия между личностью и социальной группой [Фрейд, 1925]. Исследуя проблемы отождествления индивида с определенной группой, З.Фрейд связал идентичность с противопоставлением любви к собственной группе и агрессии по отношению к другим. Таким образом, именно З.Фрейд впервые обозначил основные свойства идентичности как понятия, разделяемого всеми членами группы, ставшего основой сплоченности всей группы.

В последующие годы понятие «идентичность» становится в центре внимания социологии, политологии, этнологии. Однако только тогда, когда оно стало исследоваться в ракурсе психологии отношений индивида и группы, оно приобрело научный смысл.

После выхода работы Э.Фромма «Бегство от свободы», где был дан анализ особенностям взаимоотношений человека и общества, понятие «идентичность» становится одним из центральных в психологии. Э.Фромм, четко разграничивая понятия - персональная и

социальная идентичность, под персональной понимает осознание человеком самого себя, как независимого и отдельного существа; социальная идентичность, по его мнению, «...составляет самую сущность человеческого бытия... потребность связи с окружающим миром». А достигается это, как он считает, путем самоотождествления с какими-либо идеями, моральными ценностями, социальными стандартами [Фромм, 1998, с.195].

Особого внимания заслуживает точка зрения Э.Эриксона, который определил проблему идентичности как стратегическую не только для социально-психологического, но и всего гуманитарного знания. Предсказывая, что изучение идентичности станет таким же центральным, как анализ сексуальности во времена З.Фрейда, Э.Эриксон одним из первых стал рассматривать понятие «идентичность» как самостоятельную научную категорию, выделив круг ее основных проблем.

Рассматривая идентичность как «субъективное вдохновенное ощущение тождества и целостности» [Эриксон, 1996, с.28], ученый считал, что в одном случае оно относится к сознательному чувству уникальности индивида, в другом – к бессознательному стремлению к непрерывности жизненного опыта, а в третьем – к солидаризации с идеалами группы [Эриксон, 1996, с.218]. В контексте такого понимания, он пришел к выводу, что идентичность соответствует наиболее глубинному функциональному единству, это те элементы, благодаря которым «Я узнаю себя», отличаюсь от тех, кто «Совершенно не похож на меня», ибо они отличаются от того «Кем являюсь я и кем хочу быть» [Эриксон, 1996, с.28]. Вследствие этого, он рассматривает идентичность как тот личностный конструкт, который отражает внутреннюю солидарность человека с социальными, групповыми идеалами и стандартами и тем самым помогает процессу «Я – категоризации»: это те наши характеристики, благодаря которым, мы делим мир на похожих и непохожих на себя, - указывает он [Эриксон, 1996, с.218].

На личностном уровне «Я-идентичность» включает физические параметры и природные задатки, осознание собственной неповторимости, стремление к собственному развитию и реализации своих способностей. На групповом уровне идентичность предполагает включение в различные группы и осознание значимости своего существования в рамках данного общества.

Свое дальнейшее развитие проблема идентичности, определяющая не только психологическую структуру личности, но и группы, получила в рамках когнитивистского направления, где она становится одной из приоритетных. В этом ракурсе особый интерес представляет концепция социальной идентичности А.Тэшфела и Дж.Тернера.

А.Тэшфел важное значение в формировании идентичности в группе придавал социальной категоризации, в которой он видел «когнитивный способ распределения по группам, способ классификации и упорядочивания социального окружения, позволяющий индивиду осуществлять различные формы социальных действий», «процесс упорядочения окружающей среды в терминах категорий, то есть через группировку людей и событий так, как если бы они были бы подобны или эквиваленты одно другому в их отношении к индивиду» [Гришина, 1977, с.129].

Дж.Тернер также замечает, что «самоопределение индивидов в социальном контексте, смысл их поступков и установок в этом контексте зависит от социальной категоризации. Там, где соответствующая категоризация подразделяет индивидов на социальные группы, поступки в рамках контекста приобретают ясный смысл и значимость межгрупповых отношений» [Тернер, 1994, с.10].

Следовательно, процесс социальной категоризации помогает человеку не только систематизировать свой социальный опыт, но и ориентироваться в своем социальном окружении и определить свое место в окружении других групп. Когда групповое различие становится наиболее значимым, тогда человек начинает выступать уже не с позиции отдельной личности, а с позиции своего группового членства и в связи с этим социальную категоризацию и межгрупповое сравнение можно рассматривать как способ осознания личностью своего места в группе и в межгрупповых отношениях в целом.

При этом межгрупповое поведение определяется восприятием себя и других с позиции принадлежности к социальным категориям. Если на первый план «Я-концепции» выходит социальная идентичность, то личность начинает воспринимать себя и других членов своей группы, как имеющих типичные характеристики, благодаря которым группа воспринимается как единая целостность. В результате этого происходит акцентуация «воспринимаемого сходства

внутри группы и воспринимаемого различия между теми, кто относится к другим группам», что способствует развитию определенных групповых отношений и ожиданий, построенных на эмоциональных переживаниях.

С целью приспособления личности к различным ситуациям отношений «Я-концепция» регулирует поведение человека в группе, делая более значимым осознание им социальной или личностной идентичности, вследствие чего в разных ситуациях один и тот же человек может действовать как личность или как член группы. Иначе говоря, категоризация себя как человеческого существа доминирует в ситуациях внутригруппового взаимодействия, в межгрупповом и межэтническом взаимодействии начинает доминировать социальная и этническая самокатегоризация, что дает право рассматривать личностные и социальные компоненты идентичности как части одного целого, а именно «Я-концепции».

При актуализации различных уровней самокатегоризации существует функциональный антагонизм - с позиции личностной идентичности индивид не воспринимает черты сходства или различия между группами, тогда как с позиции социальной идентичности он не дифференцирует индивидуально-психологические качества отдельных членов группы. Это обусловлено тем, что «Я – концепция» регулирует поведение человека, делая осознание социальной или личностной идентичности более выраженным. Следовательно, более выраженное осознание социальной идентичности влечет за собой переход от межличностного поведения к межгрупповому и межэтническому.

Таким образом, социальная идентичность является ценностно и эмоционально насыщенным осознанием личности своей принадлежности к конкретным социальным группам (этническим, профессиональным и др.).

В структуре социальной идентичности особое место занимает этническая идентичность, которая является важным социально-психологическим феноменом, определяющим механизмы внутригрупповой и межэтнической идентификации, ставшим по существу формой отражения реальных межэтнических отношений между представителями различных национально-этнических групп.

Сам термин «этническая идентичность» сравнительно новый, впервые он был использован в исследованиях американского ученого Д.Рисмана в 1953 году [Лебедева, 1999, с.20].

Начиная с 70-е годов в связи с глобальными социально-политическими изменениями в мире, с одной стороны, способствующими углублению и усилению межэтнического и межкультурного взаимодействия, с другой, вызвавшими межэтническую конфронтации, в западной психологии увеличилось количество исследований, посвященных изучению этого социально-психологического феномена.

Что касается постсоветского пространства, то проблема этнической идентичности приобрела здесь особую актуальность и значимость в связи с развалом СССР и появлением новых независимых, суверенных государств, отношения между которыми перешли совершенно на другой уровень развития. Сегодня соответственно эта проблема определена как стратегическая и приоритетная, что выразилось в поисках национальной идеи, способствующей внутри- и межэтнической интеграции и дифференциации всего постсоветского общества. В связи с этим в современной российской, в том числе и в казахстанской социальной психологии, проблема этнической идентичности и ее трансформаций стала одним из главных предметов теоретических и эмпирических исследований, посвященных изучению межэтнических отношений.

Однако, несмотря на это, сегодня мы вынуждены констатировать, что в современной социальной психологической науке до сих пор отсутствует единая общепринятая концептуализация самого понятия «этническая идентичность», нет единства в видении ее основных парадигм, выделяются и исследуются лишь отдельные ее детерминанты.

На наш взгляд, сложность изучения проблемы этнической идентичности, в первую очередь, определяется той терминологической путаницей, которая существует сегодня в психологической науке в детерминации понятий «этническая идентичность», «этничность» и «этническое самосознание».

Если обратиться к «международной библиографии социальной и культурной антропологии», то здесь категории «этничность», «этническая идентичность» и «этническое самосознание» определяются как «если не синонимы, то близкие» [Александренков, 1996, с.20]. В

исследованиях российских ученых [Арутюнова, Мамбеевой, Галкина] эти понятия также рассматриваются как синонимы.

В современной зарубежной социальной психологической литературе большее распространение получили термины «этничность» и «этническая идентичность», вытеснившие собой понятие «этническое самосознание», используемое здесь для обозначения группового сознания, например, расового или религиозного. В целом в зарубежных исследованиях этничность и этническая идентичность в самом широком смысле рассматриваются как социально - психологические категории, реализующиеся в осознании своей принадлежности к определенной этнической общности и сегодня они исследуются в рамках трех основных научных направлений - примордиализма, инструментализма и конструктивизма.

Представители примордиалистского направления К.Гирц, У.Коннер, Э.Стюарт считают, что этничность формируется на ранних стадиях эволюции человечества в результате необходимости распознавать представителей родственной и враждебных общностей, а в дальнейшем превращается во врожденное чувство. Поэтому этничность, на их взгляд, это характеристика человека, которая изначально присуща ему как члену реально существующей этнической общности.

Российские исследователи Ю.В.Бромлей, Ю.В.Арутюнян, А.Ф.Дашдамиров в контексте примордиалистского направления делают акцент на исследовании этничности как способе формирования группы на основе убеждений о существовании общности происхождения, сходства антропологических признаков или единства культурных представлений. На уровне отдельных индивидов этничность выступает как одна из форм идентичности, сознательно выбираемой в зависимости от конкретных социально-исторических, политических обстоятельств.

Смысл понимания этничности в контексте конструктивистской ориентации нашел отражение во взглядах Ф.Барта, для которого этничность форма социальной организации культурных различий. В развитии этничности, по мнению идеологов этого направления К.Митчелла, Ф.Мэйера, а также российских ученых В.А.Тишкова и Н.А.Соснина, особая роль принадлежит субъективной стороне этнической группы, воплощенной в групповом сознании, мифотвор-

честве, чувстве солидарности. Вследствие этого, в рамках конструктивизма получил развитие так называемый «символический подход», согласно которому, этничность «символична» и мифологична». Это дает право определять ее как ситуативный, нередко «навязанный феномен», когда межэтнические отношения детерминируются социальным контекстом.

Что касается инструменталистского направления, то оно гармонично соединяя в себе элементы примордиалистского и конструктивистского направлений, рассматривает этничность как средство достижения групповых интересов, идеологию, создаваемую элитой для мобилизации группы [Дж.Девос, Л.М.Дробижева, В.А.Ядов].

Экстраполируя это определение этничности на исследование психологии межэтнической напряженности, Г.У.Солдатова утверждает, что такой взгляд на понимание феномена этничности позволяет рассматривать ее как присущий группе внутренний «психокультурный ресурс». Такая «разбуженная», «возбужденная» этничность используется в целях этнополитической мобилизации, социального контроля, распределения баланса доминирования и подчинения в межэтнических отношениях [Солдатова, 1998,с.43]. Сама Г.У. Солдатова, изучая проблему соотношения понятий «этничность» и «этническая идентичность», отождествляет эти категории.

Заслуживает внимания позиция Н.М. Лебедевой, которая считает, что к определению этих понятий можно подойти с позиций «и» и «и», а не «или» - «или» [Лебедева, 1999, с.11-12].

В противовес этим взглядам Т.Г.Стефаненко в рамках разрабатываемой концепции этнической идентичности в социальной психологии приходит к выводу, что «необходимо разводить понятия этнической идентичности и этничности – социологической категории, относящейся к самоопределению этнической принадлежности по ряду объективных причин: этнической принадлежности родителей, месту рождения, языку, культуре». «Если этничность, приписываемая обществом, характеристика, то этническая идентичность достигается индивидом в процессе конструирования социальной жизни на основе этничности, но не сводится к ней», - отмечает она [Стефаненко, 2006, с.234].

Таким образом, исходя из теоретического анализа проблемы соотношения этничности и этнической идентичности, мы пришли к

выводу, что этничность – это задаваемый социумом социально-психологический феномен, а этническая идентичность – это, прежде всего, процесс персональной идентификации личности со своей национально-этнической группой. Вследствие этого, мы рассматриваем их как взаимосвязанные и взаимоопределяющие, но, тем не менее, разные социально-психологические категории.

Логика дальнейшего исследования проблемы этнической идентичности направляет нас к изучению соотношения основных детерминант категорий «этническая идентичность» и «этническое самосознание», которые в широком междисциплинарном ракурсе часто рассматриваются как тождественные. Однако непосредственно в контексте социально-психологических исследований они определяются как разные социально-психологические феномены.

По представлению Т.Г.Стефаненко этническая идентичность и этническое самосознание – это разные понятия. Этническая идентичность представляет собой когнитивно-мотивационную основу этнического самосознания. В этом контексте, считает она, представляется плодотворным исследование этнической идентичности не только на основе процессов осознания, но и переживания индивидуумом отношений «Я» и этнической среды [Стефаненко, 2004, с.14].

Заслуживающей внимания представляется точка зрения В.Ю.Хотинца, для которой этническое самосознание является результатом широкой идентификации, включающей в себя этническую и другие формы актуальной идентификации. Тем самым этническая самоидентификация является фактором формирования представления о себе как об этническом субъекте, одним из уровней становления этнического самосознания [Хотинец, 1999, с.72].

Г.В.Старовойтова, введя понятие «этнизация», рассматривала его как одну из форм социализации, связанную с приобретением индивидуумом национального самосознания путем освоения им поведения, языка, обычаев и других особенностей, характерных для данного этноса [Старовойтова, 1983, с.78-85].

В.П.Левкович и Н.Г.Панкова, разводя эти понятия, утверждают, что ключевым моментом этнического самосознания является идентификация с определенной этнической общностью [Левкович, Панкова, 2003, с.170-171].

Для Г.М.Солдатовой также характерно разграничение понятий «этническая идентичность» и «этническое самосознание», которые

по ее мнению, представляют собой разные социально-психологические категории.

Этническое самосознание - это специфический способ мировосприятия, это определенное отношение социальной группы к этнокультурной действительности, это осознание своей принадлежности к своему народу, осознание интересов своего народа, представление о культуре, языке, территории [Солдатова, 1998, с.43].

Что касается этнической идентичности, то она считает, что ее можно определять как результат осознания и переживания индивидом личностного «Я» и группового «Мы» в системе межэтнических отношений, как способ формирования когнитивно-эмоциональных представлений о собственной и других национально-этнических группах, о стратегии поведения внутри своей группы и в межэтнических отношениях с другими группами. Следовательно, этническая идентичность с одной стороны уже. «Это когнитивно-мотивационное ядро этнического самосознания. С другой стороны – это понятие более широкое, так как содержит в себе слой бессознательного. В силу этих различий этническая идентичность должна изучаться, во-первых, как концентрированная форма и главная характеристика этнического самосознания и, во-вторых, как его «изнанка» – этническое бессознательное» [Солдатова, с.43].

Этническое бессознательное как атрибут этнической идентичности выделяется и А.В.Сухаревым, утверждающим, что понятие «бессознательного в отношении этничности» признается в настоящее время подавляющим большинством исследователей» [Сухарев, 1998, с. 80].

Этническое бессознательное было выделено еще современ психоанализа З.Фрейда, в современном психоанализе оно рассматривается как подавленный или вытесненный большинством людей данной этнической группы феномен. Однако в кризисных ситуациях, когда происходят изменения в обществе, одновременно происходит нарушение компенсаторной связи между коллективным бессознательным и групповым сознанием, вследствие чего, образы бессознательного начинают превалировать над сознанием. В результате возникает социально-психологическое явление, определяемое К. Юнгом как «психическая инфляция», которая обладает способностью распространяться не только на отдельных людей, но и на целые национально-этнические группы и которые распространяются в

группе посредством психических процессов заражения, подражания и внушения.

Эти идеи созвучны с выводами, сформулированными Г. Лебоном и Г.Тардом. В частности, Г. Лебон, изучая психологию толпы, отмечал, что коллективное бессознательное составляет душу толпы. Вследствие этого, коллективное бессознательное является законом духовного единства толпы [Лебон, 1995].

Г.Тард понимал под коллективным бессознательным совместно переживаемые чувства. Для психики отдельного человека и психологии целой общности важно, чтобы эти чувства носили позитивную направленность, что способствует образованию общности на долговременных основах, порождает сплоченность, солидарность, чувство единения. В коллективное бессознательное, по мнению Г.Тарда, попадает только чувственный компонент единого познания мира. Следовательно, группа, в том числе и этническая, являясь коллективной формой поведения, пробуждает в человеке бессознательное. Прорыв бессознательного в сознание побуждает человека к коллективным действиям.

Л.Г.Почебут также приходит к выводу, что коллективное бессознательное является одной из важных характеристик этнической идентичности и, что его позитивная роль возможна только при условии положительных, доброжелательных чувств, «только тогда коллективное бессознательное будет способствовать сплочению этноса» [Почебут, 2004, с.224].

В ракурсе такого же понимания этнического бессознательного как компонента этнической идентичности А.Г.Асмолов утверждает, что главной характеристикой бессознательного является слитность человека и мира – человека и этнической группы в одно целое. Когда нарушается баланс между сознательным и бессознательными уровнями, то происходят изменения в этнической идентичности, приводящие к ее трансформациям. Поэтому важной психологической силой, определяющей характер этнического самосознания, является взаимодействие между сознательным и бессознательными уровнями этнической идентичности [Асмолов, 2001].

Исходя из этих рассуждений, определяющих основные парадигмы этнической идентичности и этнического самосознания, можно сделать вывод, что это два взаимосвязанных, но все же разных

социально-психологических понятия, имеющих свой уровень проявления и реализации в межэтнических отношениях.

Этническое самосознание, являясь формой отражения этнической структуры общества и отношений в ней, понятие более широкое, чем этническая идентичность. Оно не ограничивается только осознанием и отождествлением себя со своей этнической принадлежностью, а является частью всего общественного и обыденного сознания, включающего определенные взгляды, представления, традиции, обычаи.

Что касается этнической идентичности, то ее, прежде всего, следует рассматривать как процесс осознания и переживания личностью отношения своего «Я» и этнической среды, своего тождества или отличия от нее. В связи с этим сегодня изучение особенностей проявления этнической идентичности при общем подъеме этнического самосознания является наиболее актуальной проблемой кросс-культурного исследования.

Тем не менее, в современной российской психологии существует и другая точка зрения, доказывающая их тождественность. Например, Э.Г.Александренков, исследуя эти социально-психологические категории, пришел к выводу, что они тождественны [Александренков, 1996, с.13].

Особый интерес представляет точка зрения В.А.Тишкова, рассматривающего этническую идентичность и этническое самосознание как близкие по смыслу понятия, но различие видит в теоретических подходах к этим понятиям [Тишков, 1997].

Б.Е.Винер, сопоставляя эти понятия, считает, что термин «этническое самосознание» может иметь два толкования: осознание людьми своей принадлежности к определенной этнической группе; сочетание этнической идентификации с комплексом знаний об этнодифференцирующих и этноинтегрирующих признаках этноса [Винер, 1998, с.17].

В связи с тем, что каждый человек соотносит себя, как правило, только с одной национально-этнической группой, этническую идентичность можно представить как одну из возможных форм идентичности, которая актуализируется в сознании индивида в ходе категоризации им окружающего мира.

Следовательно, на формирование этнической идентичности, кроме обстоятельств индивидуальной человеческой жизни, оказывает

влияние целый ряд факторов, детерминированных особенностями социального окружения. Среди них выделяются, прежде всего, происходящие изменения в социально-политической, экономической сферах, гетерогенность/гомогенность этнического окружения.

В качестве примера интенсификации этнической идентичности можно привести ее развитие у титульных народов ряда постсоветских государств, когда осознание своей принадлежности, с одной стороны, к своей этнической общности, а с другой - к государству, дополняют и усиливают друг друга. В исследованиях, проведенных в 1990-1996 гг. в Беларуси и в Литве, у групп большинства была обнаружена политизированная позитивная этническая идентичность, тесно связанная с чувством Родины и гражданской принадлежности.

Осознание этнической идентичности во многом предопределяется особенностями самой полиэтнической или моноэтнической среды. Ситуации межэтнического взаимодействия и общения, характерные для полиэтнических гетерогенных обществ, способствуют усилению осознания своей принадлежности к определенной общности. И, напротив, гомогенная, моноэтническая среда, отсутствие опыта межэтнического взаимодействия и общения определяют меньший интерес к собственной этнической идентичности.

По мнению Т.Г.Солдатовой этническая идентичность – это не только принятие определенных групповых представлений, готовность к сходному образу мыслей и разделяемые этнические чувства. Это также построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях. Таким образом субъект определяет свое место в многонациональном обществе и усваивает способы поведения внутри и вне своей группы. Устойчивость идентичности и ее позитивность – центральные моменты для ощущения групповой психологической безопасности и стабильности, - отмечает она [Солдатова, 1998].

Исходя из этих рассуждений, можно сделать вывод: этническая идентичность является отражением представлений человека о себе как о члене определенной национально-этнической группы наряду с эмоциональным и ценностным значением, приписываемым этим членством и отделением себя от других групп. Следовательно, этническую идентичность можно рассматривать, с одной стороны, как фактор идентификации со своей национально-этнической группой,

а с другой – как фактор дифференциации с другими группами. Это особенно четко прослеживается в сфере межэтнических отношений, где она регулирует степень, характер и особенности внутригрупповой и межэтнической интеграции, реализующихся в межэтническом взаимодействии.

Говоря о своеобразии проявления этнической идентичности в межэтнических отношениях, нельзя не учитывать также то, что этничность всегда в той или иной степени конфронтационна, потому что отношения с другими группами исходят из принципа оппозиционности - «мы» и «они».

С одной стороны, эти чувства опираются на глубокие эмоциональные связи с этнической общностью и моральные обязательства по отношению к ней. А с другой – такие негативные чувства, как обиды, страхи, оскорбленное чувство собственного и национального достоинства, чувство ущемленности, вины, сопровождающие образ представителей других национально-этнических групп, находят свое проявление в формировании их негативных образов, в формировании недоверия к ним, в чувстве неудовлетворенности, что находит свое проявление в характере отношений с ними.

Вследствие этого, в современных условиях усиления межэтнических контактов, межэтнического взаимодействия, с одной стороны, и усиления напряженности - с другой, этническую идентичность можно рассматривать как важный ориентир личности в окружающем ее социуме и определяющий ее восприятие и взаимодействие с представителями других национально-этнических групп.

По существу сегодня этническая идентичность превратилась в важную форму взаимодействия между национально-этническими группами, отражающего существующие отношения между ними. Следовательно, этническая идентичность в силу своих особенностей очень чувствительна к изменениям в сфере межэтнических отношений и ее чрезмерная акцентуация через актуализацию межэтнического восприятия и межэтнического взаимодействия может стать причиной возникновения напряженности и дезинтеграции полиэтнического общества. Вследствие этого, внутри группы и особенно в отношениях между группами происходит доминирование этнических форм восприятия и взаимодействия.

Таким образом, особенностью социально-психологического подхода к изучению этнической идентичности является то, что в кон-

тексте этих исследований она определяется как важный феномен, сопровождающий и определяющий интеграционные и дезинтеграционные процессы межэтнического восприятия и взаимодействия, как основных конструкторов межэтнических отношений.

2.2 Кросс-культурное эмпирическое исследование этнической идентичности на основе групповых идентификационных матриц

В соответствии с целями и задачами изучения структуры межэтнических отношений нами была создана программа кросс-культурного эмпирического исследования, включающая несколько этапов, каждый из которых имел самостоятельное значение, но в тоже время являлся логическим продолжением предыдущего.

Основная цель этого этапа исследования состояла в изучении значения этнической идентичности в системе самокатегоризации личности, определяющей категоризацию окружающего ее социума, межэтнического восприятия и взаимодействия, в том числе.

Для реализации этой цели были поставлены и решены следующие задачи: разработка процедуры кросс-культурного эмпирического исследования доминирующей идентичности на основе групповых идентификационных матриц; изучение места этнической идентичности в системе самохарактеристик личности; исследование влияния политических, социально-экономических дискурсов жизнедеятельности казахстанского общества на развитие и трансформации этнической идентичности.

Разрабатывая процедуру кросс-культурного исследования этнической идентичности на основе групповых идентификационных матриц, мы исходили из понимания, что этническая идентичность представляет собой результат сложного социально-психологического процесса самоотождествления личности со своей национально-этнической группой. Однако при этом мы четко осознавали, что было бы преувеличением считать, что в реальной повседневной жизни обычного человека вопросы, связанные с определением его этнической принадлежности, этнической идентификации и дифференциации, являются самыми приоритетными и значимыми.

Вследствие этого, теоретико-методологическим основанием эмпирического исследования послужили выводы Г.Лебона, что в ис-

торические периоды социального благополучия этническая принадлежность теряется среди идей и образов современного мира. Для человека приоритетными становятся не этнические ценности, а, прежде всего, общечеловеческие, цивилизационные. И, наоборот, в кризисные периоды истории, во время социальной, экономической, политической нестабильности, кризисов в обществе человек начинает искать поддержку в своей этнической группе, в ее ценностях и традициях [Лебон, 1995].

В то же время мы опирались на точку зрения Э.Эриксона, считавшего, что кризисы, происходящие в обществе, становятся поворотными моментами в развитии личности, вследствие чего, у нее формируются элементы новой идентичности. Кризисы способствуют появлению новых форм идентичности, причем это касается развития не только отдельной личности, но и целых общностей, в том числе, и этнических [Эриксон, 1996].

Кризис советского тоталитарного государства, вызвавший революционную перестройку всей прежней системы политической, социально-экономической организации жизнедеятельности общества, привел к кризису всей социальной идентичности «бывших» советских людей.

Эти реалии современного дня постсоветского пространства актуализировали идеи С.Московичи, что в определенной жизненной ситуации, вызванной, социально-политическими, историческими, экономическими, психологическими или другими изменениями, как в личностном, так и в групповом плане, одна из идентичностей становится ведущей и доминирующей в иерархии всей социальной идентичности человека. Исходя из такого понимания социально-психологической природы социальной идентичности, С.Московичи предложил рассматривать организацию сознания человека как категориальную систему знания по типу идентификационной матрицы, горизонтальная структура которой, определяя основу идентификационной матрицы, включает общечеловеческую, половую, религиозную, этническую, профессиональную и другие виды идентичности, расположенные в определенном иерархическом порядке; вертикальная - представлена личностным и групповым уровнями идентичности.

Экстраполируя выводы Г.Лебона, Э.Эриксона и С.Московичи в плоскость нашего эмпирического исследования, в соответствии с его

целью нами была построена групповая идентификационная матрица, которая с учетом специфики объекта исследования и особенностей развития казахстанского общества была модифицирована.

Для составления групповой идентификационной матрицы в качестве основной методики был использован «Тест установок на себя» (Self-attitudes test), разработанный М.Куном и Т.Макпартлэндом, который с учетом специфики социально-этнической ситуации, сложившейся в Казахстане, был также модифицирован.

Кросс-культурное эмпирическое исследование доминирующей идентичности было проведено в два этапа; первый - проводился в 2001 году, который вошел в историю молодого суверенного государства Казахстан как сложный период реформирования всей политической, социально - экономической систем жизнедеятельности государства, в частности, были проведены реформы в системе здравоохранения, образования, жилищно-коммунальной сфере, в области языковой политики.

Второй этап эмпирического исследования был проведен в 2006 году, особенностью которого стала стабильность во многих сферах жизнедеятельности казахстанцев. Дальнейшее развитие рыночной экономики, модернизация в социальной и политической областях, формирование демократического и гражданского общества, повышение уровня жизни способствовали не только усилению межнациональной интеграции всего казахстанского общества, но и созданию новой модели этносоциальной структуры общества.

В качестве респондентов выступили студенты, при выборе которых как объекта эмпирического исследования, мы исходили из понимания того, что студенты – это, во-первых, самая прогрессивная и образованная часть казахстанской молодежи, во-вторых, это молодые люди, которые уже достаточно психологически зрелые, чтобы правильно оценивать себя и окружающих их людей, и, в-третьих, характерной возрастной особенностью студенчества является то, что в этот период актуализируется сам процесс формирования избирательных установок, как в сфере межличностного, так межгруппового и межнационального взаимодействия. Кроме того, студенты – это наиболее чуткая к общественным настроениям часть молодежи, являющаяся своего рода «барометром» общественного мнения. Следовательно, основной характеристикой современного студенчества является активный поиск самоидентичности, определяющей их социальное поведение.

Через вопрос «Что я за личность?» студент оценивает не только себя, но и те ценности, которым он следует. Он определяет свое «Я» и проектирует себя и свою жизнь на социальные нормы. Украинские исследователи В.В.Гаврилюк и Н.А.Трикоз отмечают, что «при формировании собственной системы ценностей молодые люди ориентируются не только на общественную аксиологическую систему, но и на выбранные ими самими образцы для подражания» [Гаврилюк, Трикоз, 2002, с.101].

Следовательно, выявление доминирующей идентичности в системе самокатегоризации личности казахстанской студенческой молодежи дает возможность определить ее основные ценностные ориентации, способствующие адаптации к новым социально-политическим и межэтническим условиям.

На первом этапе кросс-культурного исследования этнической идентичности приняли участие 500 студентов юридических факультетов Казахского национального университета им. аль-Фараби и Российско-Казахстанского университета. Юридический факультет Казахского национального университета (КазНУ) всегда отличался своей социально-политической активностью. Большинство студентов этого факультета (80 %) составляют представители титульного этноса; однако только 66% могут свободно на нем общаться, 20 % студентов владеют как казахским, так и русским языками и 14 % не владеют казахским языком, тем не менее, называя его своим родным. Среди студентов Российско-казахстанского университета преобладают молодые люди русской национальности (90 %), многие из которых нацелены на получение образования по российским стандартам с тем, чтобы в будущем выехать за пределы Казахстана.

В ходе исследования мы получили палитру ответов, квантификация которых дала нам возможность составить представление о приоритете статусно-ролевых идентичностей личности студентов в качестве представителей той или иной национально-этнической группы. Полученная таким образом совокупность свободных самохарактеристик была подвергнута контент – анализу, в ходе которого подсчитывался процентный состав полученных данных, затем на основе обобщения личностных самохарактеристик «Я-образа» составлялся собирательный групповой образ «Мы».

При этом мы исходили из понимания, что, как общественная психология, вбирая в себя все психические процессы, психические

свойства, психические состояния каждой конкретной личности, являющейся ее носителем, не может быть просто механической суммой индивидуально-психологических особенностей, так и групповой собирательный образ «Мы» не может быть лишь просто констатацией всех личностных «Я», а является их обобщенным представлением.

В контексте социального опосредования группового «образа-Мы» полученные ответы в соответствии с программой изучения самохарактеристик были условно разделены на объективные и субъективные характеристики (М.Кун, С.Московичи). К объективным были отнесены те характеристики, явившиеся отражением уровня групповой идентичности и связанные с общечеловеческой, половой принадлежностью, этнической, религиозной, гражданской идентичностью, возрастными и семейными ролями, которые рассматривались нами как базовые и этносоциальные категории (см.Таблицу 1).

Таблица 1

Групповая идентификационная матрица (исследование 2001 г.)

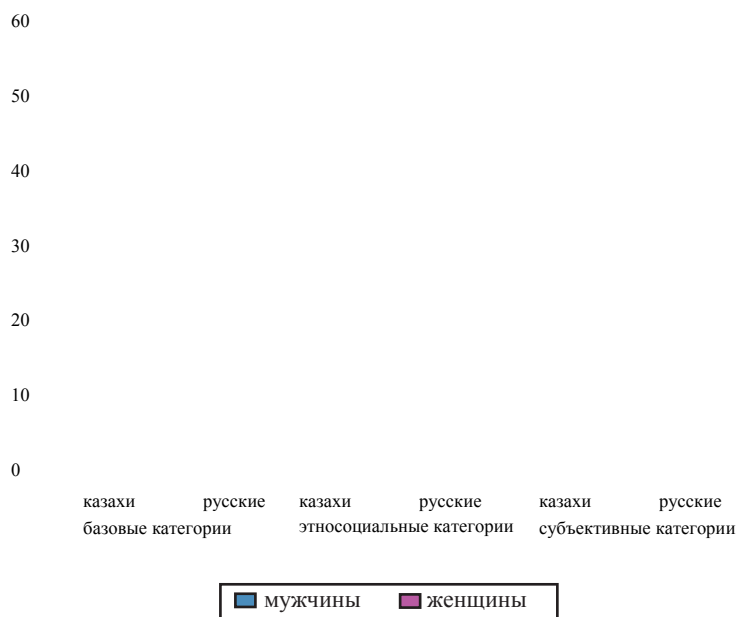
Категории	Казахский национальный университет				Российско-казахстанский университет			
	казахи		русские		казахи		русские	
	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.
Объективные характеристики								
Базовые категории								
Человек	1,3	2,5	2,9	7,8	1,9	6,6	1,9	14,8
Пол	19,6	8,0	19,7	17,5	13,5	9,3	11,6	13,9
Возраст	10,4	3,2	6,9	7,8	4,9	4,8	3,4	3,1
Семья	8,9	5,1	9,8	5,6	12,4	7,9	7,2	4,8
Этносоциальные категории								
Национальность	24,3	25,4	26,6	28,2	17,8	20,3	36,6	39,2
Религия	3,4	12,7	5,8	2,8	7,8	13,6	6,2	1,5
Гражданин Казахстана	20,8	19,8	9,8	7,9	19,7	19,8	6,8	7,6
Гражданин СНГ				4,1		3,9	5,9	3,0
Гражданин мира				0,5				0,1
Субъективные самохарактеристики								
Личностные качества	8,0	12,1	11,6	11,8	13,3	9,8	10,7	8,2
Самооценки	2,8	1,5	3,4	2,6	4,5	2,6	5,9	2,2
Другие	1,5	2,7	2,6	3,4	4,2	1,4	3,8	2,5

Характеристики, отражающие самоидентификацию, личностные ценности, мотивы, эмоции, позитивные и негативные самооценки и другие были определены как субъективные самохарактеристики.

На основании выделения вышеобозначенных категорий была составлена групповая идентификационная матрица (см.Таблицу 1) и гистограмма, отражающая иерархию предпочитаемых идентичностей в двух исследуемых выборках (см.Гисторамму 1,2).

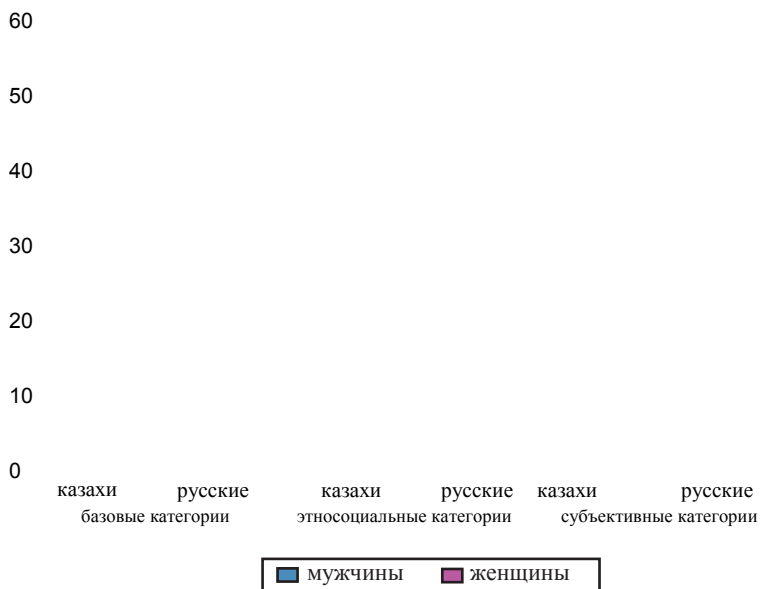
Анализ восприятия субъектами самих себя в системе социальных отношений, проведенный в 2001 году, показал преобладание объективных характеристик над субъективными самохарактеристиками.

Гистограмма 1. Казахский национальный университет (исследование 2001)

Более детальная градация объективных и субъективных категорий по национально-этническому признаку показала, что по своей групповой представленности в «Я-образах» у респондентов казахской национальности этническая идентичность оказалась на первом месте у юношей (45,7%) и соответственно у девушек (42,1%).

Гистограмма 2. Российско-казахстанский университет (исследование 2001)

У русских респондентов, представляющих Российско-казахстанский университет, этническая идентичность по своей групповой представленности в «Мы-образах» также заняла первое место, опережая все остальные групповые характеристики: у юношей (67,4%), у девушек соответственно (63,2%).

Таким образом, анализ результатов кросс-культурного исследования доминирующей идентичности в системе самохарактеристик личности студентов, проведенного в 2001 году, позволил констатировать, что для респондентов обеих национально-этнических групп, самой приоритетной в определении их личностного статуса явилась этническая идентичность. Полученные результаты исследования оказались созвучными с выводами российских исследователей Т.Г.Стефаненко, Г.У.Солдатовой, В.А.Тишкова утверждавшими, что в сложные, кризисные периоды развития общества личность переходит за пределы своего «Я» и начинает искать опору в более сильном «Мы».

Доминирование этнической идентичности у респондентов казахской национальности среди других категорий, на наш взгляд, явилось показателем осознания ими особой ответственности за сохранение своего этноса, за будущее своей молодой и суверенной страны. Отожествляя и идентифицируя себя со своей этнической группой, они тем самым усиливают свою этническую принадлежность непосредственно к казахскому этносу.

Характерное доминирование этнической идентичности в русской выборке, на наш взгляд, прежде всего, носит «защитный характер», когда в новых условиях статусно-этнических трансформаций, наибольшую значимость стало приобретать стремление не раствориться среди других этносов, проживающих в Казахстане, сохранить себя как самостоятельный этнос.

С одной стороны, реализация этого «защитного механизма», противодействующего ассимиляции явилась показателем социально-психологической адаптации русских к новым историческим и политическим условиям.

С другой стороны, усилению этнической идентичности у русских студентов способствовало появившееся ощущение себя этническим меньшинством и связанные с этим беспокойство и неуверенность в своем будущем в данном регионе. Вследствие этих причин, категория «национальность» для русской выборки оказалась наиболее значимой.

Следовательно, в полиэтническом обществе в кризисные периоды развития этническая идентичность превращается в «важный психологический инструмент», с помощью которого группа фиксирует наиболее заметные и надежные этнические границы.

Следует отметить значимость для респондентов обеих национально-этнических групп гражданской идентификации. Однако для казахской выборки гражданская идентификация явилась более приоритетной и актуальной, чем для русской.

Гендерный срез исследования показал, что в групповом образе для юношей казахской национальности гражданская идентичность явилась более значимой, чем для девушек-казашек, у которых она была отмечена после всех базовых объективных категорий. В русской выборке студентов гражданская идентификация у девушек была отмечена среди этносоциальных категорий после этнической, религиозной идентичностей, опередив идентичность с гражданс-

твом с СНГ; у юношей гражданская идентичность опередила религиозную.

Дополнительно исследуя соотношение ответов на вопросы «Кто я?» и «Кем Вы себя чувствуете – казахом, русским или гражданином Республики Казахстан?» мы проанализировали идентификационные связи между категориями «национальность» и «гражданство».

В групповых образах казахов было отмечено доминирование соотношения понятий «национальность» – «гражданин Республики Казахстан», у русских студентов эта связка проявлялась не так однозначно, при доминировании категории «национальность». Следовательно, для них более значимой оказалась этническая идентичность и они меньшее значение придавали гражданской идентичности, что явилось свидетельством их меньшей ассоциированности с гражданством Республики Казахстан.

Относительно религиозной идентичности следует отметить, что в структуре «Я-образов» она не стала актуальной статусной характеристикой студенческой молодежи, как для казахской, так и для русской выборок. Следовательно, религия в условиях многоконфессионального Казахстана не стала значимым этноконсолидирующим фактором, как это произошло в ряде стран постсоветского пространства.

Исследование также показало неактуальность, как для казахской, так и для русской выборок, идентификации с гражданством в СНГ; лишь 16,9% студентов идентифицировали себя гражданством в СНГ, остальные посчитали эту собирательную категорию нежизнеспособной и не нужной в современных условиях развития; лишь 0,6% студентов идентифицировали себя с «гражданством мира».

Таким образом, в условиях модернизации глобальных исторических, политических, социально-экономических парадигм жизнедеятельности молодого суверенного государства этническая принадлежность превратилась в важный консолидирующий фактор, своего рода «Мы», способное объединить и защитить личностное «Я». Для казахской студенческой молодежи доминантная этническая идентичность явилась этноконсолидирующей и этномобилизующей категорией, проявляющейся в стремлении сохранить этнокультурную самобытность и независимость своего народа. Для представителей русской молодежи этническая идентичность оказалась не менее зна-

чимой категорией, которая явилась отражением этнической консолидации и этномобилизации, которая носила защитный характер.

В соответствии с целями и задачами второго этапа исследования для выявления ведущей идентичности в структуре самокатегоризации личности студентов, а также для определения места этнической идентичности дополнительно к используемой методике М.Куна и Т.Макпартлэнда был предложен список из утверждений, расположенных в случайном порядке: «Я – азиат», «Я - студент», «Я - православный», «Я - казах», «Я – русский», «Я - европеец», «Я – гражданин Республики Казахстан», «Я - гражданин СНГ», «Я – гражданин мира», «Я - мусульманин».

На основании полученных данных была построена групповая идентификационная матрица (см. Таблицу 2) и гистограмма, отражающая иерархию предпочитаемых идентичностей в двух выборах (см. Гистограмму 2).

Таблица 2

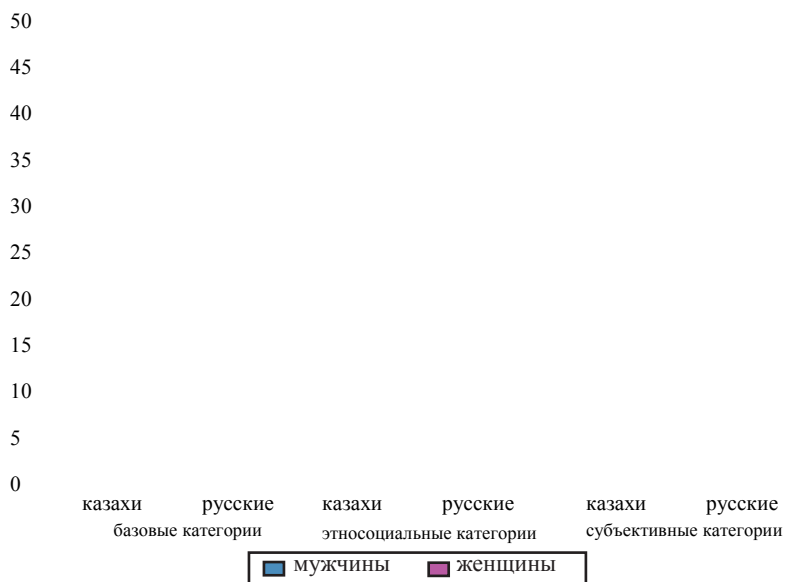
Групповые идентификационные матрицы (исследование 2006 г.)

Категории	Казахский национальный университет				Казахстанско – российский университет			
	казахи		русские		казахи		русские	
	жен.	муж	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.
Объективные характеристики								
Базовые категории								
Человек	0,4	10,8	0,5	15,2	0,5	8,2	0,6	9,9
Пол	12,6	5,2	12,1	14,5	13,3	7,1	12,5	9,8
Возраст	6,7	1,5	4,2	13,2	5,9	2,4	10,0	3,8
Семья	9,2	8,8	9,1	8,2	7,7	5,6	7,1	7,5
Этносоциальные категории								
Национальность	4,5	19,5	12,6	11,4	15,9	15,8	17,9	16,9
Религия	2,0	10,3	6,2	3,7	2,9	12,9	10,8	3,9
Гражданин Казахстана	7,1	18,5	12,5	14,3	15,0	17,3	12,9	18,9
Гражданин СНГ								
Гражданин мира				2,2				1,7
Субъективные самохарактеристики								
Личн. качества	40,3	20,6	32,1	10,4	28,3	20,5	18,9	17,7
Самооценки	2,7	12,6	7,6	7,1	5,7	6,8	5,5	8,9
Другие	2,1	7,3	3,1	2,0	4,8	3,4	3,8	2,7

Гистограмма 3. Казахский национальный университет (исследование 2006)

Гистограмма 4. Российско-казахстанский университет (исследование 2006)

Проведенный контент-анализ восприятия субъектами самих себя в системе социальных отношений, позволил нам констатировать произошедшие трансформации всех типов идентичностей. В казахской и русской выборках было зафиксировано примерно одинаковое соотношение объективных и субъективных характеристик «Я-образов» в групповых образах «Мы».

Более детальная градация основных характеристик показала, что для девушек казахской национальности доминирующими оказались субъективные категории, среди которых наиболее значимой стала самохарактеристика «Я-алматинка». Затем по степени важности следовали половая, семейная, возрастная, этническая, гражданская и религиозная идентичности.

Что касается дополнительного списка утверждений, то их анализ показал наибольшую значимость для девушек казахской национальности статусной категории – «Я-студентка» (58,2%), этнической категории «Я-казашка» (20,1%), гражданской «Я-гражданка РК» (18,5%), расовой – «Я-азиатка» (0,5%), религиозной – «Я-мусульманка» (2,7%). Никто из участвующих в кросс-культурном исследовании респондентов-казашек не идентифицировал свой статус как гражданки СНГ.

Изучение казахской выборки юношей показало преобладание объективных характеристик над субъективными. По своей групповой представленности в «Мы-образах» этническая идентичность прочно заняла ведущее место среди других базовых категорий, следуя, а у многих и, опережая общечеловеческую категорию, затем были отмечены гражданская и религиозная идентичности.

В русской выборке юношей этническая идентичность по своей групповой представленности в «Мы-образах» также заняла важное место. Однако в отличие от студентов казахской выборки она была отмечена после таких базовых категорий «Я - человек», «Я - мужчина», «Я - молодой человек».

Заметим, что в групповых образах русской выборки было отмечено повышение роли гражданской идентичности, которая в личностных характеристиках часто опережала этническую. В дополнительном списке утверждений она шла после общечеловеческой и субъективной ролевой характеристики – «Я студент».

Для русской выборки студенток КазНУ наиболее приоритетными оказались субъективные самохарактеристики, связанные с их

становлением как личности, как профессионалов; наибольшую значимость при этом имели самохарактеристики «Я – алматинка», «Я - студентка».

В русской выборке юношей, обучающихся в Казахстанско-российском университете, несмотря на значимость этнической идентичности, было отмечено доминирование гражданской идентификации с Республикой Казахстан.

Относительно девушек русской национальности КРУ следует отметить, что этническая идентичность, как и прежде, для них оказалась актуальной. Однако в отличие от 2001 года по своей значимости она уступила субъективным самохарактеристикам; не менее востребованной стала гражданская идентичность.

Что касается казахской выборки студентов, обучающихся в Казахстанско-российском университете, то для группового «образа-Мы» как юношей, так и девушек наиболее приоритетными и значимыми оказались этническая и гражданская идентификации.

Таким образом, проведенное в 2006 году кросс-культурное исследование групповых предпочтений на основе групповых идентификационных матриц показало, что в казахстанском обществе среди самой образованной части молодежи в структуре социальной идентичности произошли значительные трансформации. В групповых образах «Мы» наиболее значимыми, в отличие от 2001 года, стали субъективные самохарактеристики, что является свидетельством того, что для современной казахстанской молодежи наиболее приоритетными становятся свои личностные проблемы - проблемы любви, дружбы, профессионального становления, поиска своего места в жизни, своя самооценка и др. Особенно это характерно для девушек казахской национальности и юношей русской национальности.

Тем не менее, не смотря на возросшую значимость субъективных самохарактеристик, для студентов не менее актуальной остается этническая идентичность. Ее доминирование среди других объективных категорий является отражением того факта, что сегодня она продолжает быть ведущей этносоциальной категорией, как на личностном, так и на групповом уровнях. Более того, в современных условиях суверенного и независимого Казахстана этническая идентичность, будучи тесно связанной с государственным и гражданским самоопределением, превратилась в стратифицирующую категорию.

Проведенное исследование позволило констатировать произошедшие трансформации в сфере гражданской идентичности, усиление которой явилось свидетельством того, что молодые люди стали больше идентифицировать себя с гражданством Казахстана, которое в данном случае являющимся консолидирующим фактором. Приоритетность гражданской идентичности в казахской выборке явилась отражением этнической идентификации, т.е. более выраженной оказалась идентификационная связка «казах - гражданин Казахстана», а возросшая значимость гражданской идентификации в русской выборке, на наш взгляд, связана с привлекательностью статуса гражданина Республики Казахстан для тех, кто связывает свое будущее с этой страной.

Религиозная идентичность, как и в первом исследовании, так и не стала значимой характеристикой для студентов обеих национально- этнических групп. Дополнительное устное определение религиозных предпочтений студенческой молодежи показало, что среди казахской и русской выборок встречаются молодые люди, которые не идентифицируют себя с основными официально представленными в Казахстане конфессиями. С одной стороны, такое отношение к вероисповеданию своих сограждан является подтверждением высокой конфессиональной терпимости и религиозной толерантности, как казахов, так и русских, проживающих в Казахстане. С другой стороны, подобное индифферентное отношение к религиозным предпочтениям своих сограждан свидетельствует о равнодушии современной казахстанской молодежи к религиозным проблемам, которое укоренилось в нашей стране со времен советской власти.

Следует отметить особую значимость самохарактеристики «Я-алматинец» или «Я-алматинка», как для казахской, так и для русской выборок. Доминирование этой самохарактеристики представляется нам закономерным вследствие того, что для Алматы, отличающегося не только определенным этническим балансом между представителями казахской и русской национально-этническими группами, но и своим особым мироощущением и духовной культурой, характерен тип евразийского мышления, который одновременно является основой и результатом определенного межэтнического взаимодействия и интеграции, имеющей здесь наиболее яркое проявление.

Таким образом, произошедшие с 2001 до 2006 года в структуре социальной идентичности трансформации, позволяют нам утверж-

дать, что чем стабильнее развивается Казахстан в социально-экономической и политической сферах, тем более приоритетными становятся субъективные самохарактеристики. В благополучном обществе люди, отвлекаясь от этнического фактора, концентрируют внимание на самих себе, определяют и актуализируют свои интересы в сфере личностных, материальных и моральных проблем. В результате этого, несмотря на значимость этнического фактора, на первый план выходят семейная, ролевая и статусная категории.

Следовательно, мы можем отметить влияние политических, социально-экономических дискурсов жизнедеятельности казахстанского общества на развитие и трансформации этнической идентичности.

2.3 Социально-психологическое обоснование содержания, уровней проявления и основных типов этнической идентичности

Логика дальнейшего исследования этнической идентичности как важного конструкта межэтнических отношений направляет нас к рассмотрению ее содержания, детерминированного когнитивным и аффективным компонентами.

Когнитивный компонент в самой общей детерминации определяется знанием, пониманием и представлением особенностей своей национально-этнической группы, проявляющимися в осознании и восприятии себя ее членом на основе определенных этнодифференцирующих признаков. Поэтому вполне допустимо рассматривать его как социально-психологический феномен, способствующий процессу самоидентификации личности со своей национально-этнической группой.

Аффективный компонент этнической идентичности содержит в себе эмоциональную оценку качества собственной национально-этнической группы, отношения к своему членству в ней, понимание значимости своего членства в данной группе, эмоциональное ощущение чувства значимости группы в своей жизни.

Следовательно, когнитивный и аффективный компоненты, детерминирующие внутренние содержание этнической идентичности, определяют эмоциональные, ценностные, защитно-адаптационные механизмы осознания и проявления себя членом определенной группы.

Ряд российских исследователей [*Л.М.Дробижева, А.Р.Аклаев, Г.У.Солдатова*] в содержании этнической идентичности выделяют еще и поведенческий (конативный) компонент, который раскрывается не только в осознании, проявлении, эмоциональном ощущении себя членом определенной группы, но и в вовлеченности в его социальную жизнь, реализующуюся в развитии определенных отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях.

По представлению Г.У.Солдатовой, таким образом субъект определяет свое место в многонациональном обществе и усваивает способы поведения внутри и вне своей национально-этнической группы; чем больше членов группы разделяют общую идентичность, тем больше вероятность совместных действий в ее защиту. В этом случае этническая идентичность выступает психологической основой этнополитической мобилизации, которая рассматривается как готовность людей, объединенных по этническому признаку к групповым действиям по реализации национальных интересов [*Солдатова, 1998, с.296*].

Т.Г.Стефаненко в противовес этой точке зрения утверждает, что выделение конативного компонента в содержании этнической идентичности является излишним, если его и правомерно выделять, то его следует рассматривать лишь как один из компонентов установочной структуры, т.е. как готовность к коллективным формам деятельности, стремление к достижению групповых целей [*Стефаненко, 2004, с.237*].

Кроме того, она отмечает, что многочисленные эмпирические исследования показали независимость двух измерений – представлений о себе как о члене этнической группы и использования, типичных для нее моделей поведения, а в некоторых случаях человек может идентифицировать себя с этнической общностью, но не иметь никакого желания сохранить этнический язык и обычаи [*Стефаненко, 2003, с.175*].

Действие этого социально-психологического феномена можно наглядно проиллюстрировать на поведении «городских» казахов, которые, четко идентифицируя и отождествляя себя со своей национально-этнической группой, более того, гордясь своей принадлежностью к ней, переживая за сохранение своего родного языка, тем не менее, не прилагают особых усилий для овладения им, не отличаются стремлением сохранить национальные обычаи и традиции. В

этом случае мы видим, что когнитивный и аффективный компоненты этнической идентичности реализовались только лишь в психологическую установку, но не в реальные действия.

Поэтому до сих пор под вопросом остается доказательство существования связи между тем, кем себя считает личность и как она реализует свои действия в реальной жизни, т.е. между ее этнической самоидентификацией и степенью ее этнической вовлеченности в жизнь своей национально-этнической группы, и в отношении с представителями других групп.

Исходя из этих реалий, выделение в содержании этнической идентичности поведенческого компонента на сегодняшний день является спорным и приветствуется не всеми специалистами в области социальной психологии. Тем не менее, при проведении кросс-культурного исследования этнической идентичности мы исходили из понимания, что ее когнитивный и аффективный компоненты реализуются в определенном поведении, которое проявляется в различных стратегиях межэтнического взаимодействия. Следовательно, когнитивный и аффективный компоненты этнической идентичности являются такой социально-психологической детерминантой, которая определяет и задает направленность поведению в реальных межэтнических отношениях.

Следует отметить, что когнитивный компонент этнической идентичности, кроме этнической самоидентификации, основанной на восприятии своей принадлежности к данной национально-этнической группе, в свою очередь, включает ряд социально-психологических признаков, реализующихся в этнической осведомленности, определяемой объективными знаниями об этнических группах – как о своей, так и чужих, истории и традициях, а также различиях между ними. С получением новой информации, с развитием когнитивных способностей этническая осведомленность возрастает. На основе самоидентификации и этнической осведомленности формируются этнические образы, которые включают целую систему этнодифференцирующих признаков, как язык, религию, ценности, обычаи, традиции, историческую память, миф об общих предках, представления о родной земле и др. Следовательно, этнические образы способствуют не только самоопределению личности, отождествлению и идентификации личности со своей национально-

этнической группой, дифференциации с другими, но и осознанию межэтнических различий.

Таким образом, в контексте определения основных детерминант компонентов, определяющих содержание этнической идентичности, мы можем рассматривать ее не только как осознание своей тождественности с определенной национально-этнической группой, но и как определение значимости своего членства в ней, ее оценку, разделяемые вместе с другими членами этнической группы этнические образы, этнические чувства.

С рассмотренными позициями соотносятся выводы, развиваемые Т.Г.Стефаненко, Г.У.Солдатовой, Н.М.Лебедевой, считающих, что этнические чувства, опирающиеся на глубокие эмоциональные связи со своей этнической общностью и моральные обязательства перед ней, формирующиеся в процессе социализации личности, находят свое проявление в аттитюдах, представляющих эмоционально-оценочный аффективный компонент, имеющих как позитивный, так и негативный характер [Солдатова, 2002, с.49].

Если позитивные аттитюды проявляются в чувстве удовлетворенности от своего членства в данной национально-этнической группе, раскрывающегося в чувстве гордости, уважения, то негативные - находят свое проявление в отрицании собственной этнической идентичности, раскрывающейся в предпочтении других групп в качестве референтных.

Исследования, проведенные Н.М.Лебедевой, показали способность этих аттитюдов к трансформациям. На примере исследования представителей якутского этноса, она увидела как негативные этнические аттитюды, присущие многим из них при проводимой в те годы политике русификации и ассимиляции, в современный период поменялись на позитивные.

Кроме того, она обнаружила утрату позитивного восприятия своей этнической группы у русских, проживающих в странах ближнего зарубежья. В частности, она отмечает, что после распада Советского Союза, когда они из признанного большинства перешли в категорию этнического меньшинства, многие из них стали переживать негативные чувства, связанные с их этнической принадлежностью – стыд, обиду, ущемленность, унижение - от 6,3% опрошенных в Казахстане до 71,4% в Эстонии. При этом рост негативно окрашенных аттитюдов русских нового зарубежья сопровождается пробуждением у них эт-

нической идентичности, связанное с кардинальным и изменениями в жизни общества, в котором они живут [Лебедева, 1997].

Исследования Г.У.Солдатовой также показали развитие негативных аттитюдов у представителей русского этноса, проживающих в бывших республиках Советского Союза. «За последние годы, - отмечает она, - они испытали немало разочарований, связанных с их исторической судьбой. Преобладание в целом чувства стыда за свой народ над чувством гордости отражает рост среди русских противоположных солидаризации процессов отчуждения от своей этнической группы» [Солдатова, 2002, с.31]. И, если раньше татары, якуты, тувинцы скрывали принадлежность к своим национально-этническим группам, то сегодня они рассматривают их как более привлекательные, чем другие. Повышение этносоциального статуса этих народов в новых условиях развития российского государства привело к изменению их этнических аттитюдов.

Что касается Республики Казахстан, то можно отметить, что реализация этого механизма имела место и здесь, когда казахи из разряда «младший брат» перешли в категорию «титультный этнос», что соответственно привело к повышению их социально-этнического статуса. Поэтому мы считаем, вполне допустимо рассматривать когнитивный и аффективный компоненты в контексте этнической идентичности как ее основные парадигмы, определяющие позитивные и негативные аттитюды, реализующиеся в позитивной и негативной этнической идентичности.

Как показывает практика существования Казахстана, отличающегося своей этнической уникальностью, позитивная этническая идентичность свойственна большинству казахстанцев независимо от их национально-этнической принадлежности и находит свое проявление в толерантности и терпимости, как в отношении к представителям своей собственной группы, так и к другим. Поэтому с одной стороны, ее можно рассматривать как значимое условие стабильного существования своей группы, а с другой - как готовность к взаимодействию с представителями других национально-этнических групп, отличающихся по многим параметрам, в условиях Казахстана - по расовым, антропологическим, культурным, конфессиональным, языковым и др.

В контексте такого понимания позитивную этническую идентичность можно расценивать как важное условие формирования реаль-

ного позитивного межэтнического взаимодействия, реализующегося в ценностных межэтнических отношениях. Это дает нам право определять позитивную этническую идентичность как норму этнической идентичности.

В зарубежной социальной психологии [Berry et al, 2002] предлагается модель двух измерений этнической идентичности, выделяющая высший уровень идентификации со своей этнической группой и высший уровень идентификации с «чужой» этнической группой. Российские исследователи [Дробижева, 1996; Солдатова, 1998; Стефаненко, 2006], опираясь на эти традиции, в структуре позитивной идентичности выделяют несколько уровней ее проявления.

Высшим уровнем проявления позитивной этнической идентичности, определяемой официальной «объективной» этнической принадлежностью, является моноэтническая идентичность, которая раскрывается не только в позитивном отношении к собственной национально-этнической группе, но и предполагает проявление подобного отношения к представителям других групп.

Однако моноэтническая идентичность, в свою очередь, может определяться разными уровнями проявления. В крайней форме она представляет собой этническую гиперидентичность, детерминируемую развитием негативно окрашенных этнических стереотипов, негативных установок, проявлением предубеждений, нетерпимости к представителям других национально-этнических групп.

В исследовании, проведенном А.И.Донцовым, Т.Г.Стефаненко и Ж.Т.Уалиевой, в качестве моноэтнических с уровнем гиперидентичности приводятся казахи, продемонстрировавшие низкую толерантность к русским в сфере близкого общения: 77,6% казахов исключили возможность своего брака с русскими, а 19,5% предвидели распад такого брака. Их гиперидентичность наиболее ярко проявилась в том, что 71,6% из опрошенных обиделись бы, если бы из посчитали похожими в чем-то по характеру с русскими [Стефаненко, 2004, с.231].

В то же время исследования, проведенные Н.К.Сатыбалдиной, изучавшей специфику этнических установок и социальной дистанции между казахскими и русскими студентами, выявили наличие гиперидентичности у русских студентов, для которых представители своей национально-этнической группы оказались наиболее желаемыми во всех социальных ролях [Сатыбалдина, 1998, с.40-43].

Не менее значимым уровнем проявления этнической идентичности является моноэтническая идентичность с «чужой» национально-этнической группой, которая воспринимается как более высокостатусная, чем своя. Вследствие этого, личность выбирая в качестве референтной другую национально-этническую группу, идентифицирует себя с ней, воспринимает ее культуру, язык, традиции, ценности, нормы, что может привести не только ассимиляции, но и растворению в ней. Наглядным примером реализации этого уровня идентичности является ситуация, сложившаяся сегодня с так называемыми «малыми народностями Севера», которые вследствие проводимой ассимиляторской политики, разрушившей их традиционный уклад и образ жизни, попытались идентифицироваться с русским этносом. В результате этого появилось целое поколение, которое, так и не став русскими, потеряли свой родной язык, традиции, культуру. История этих народов явилась подтверждением выводов, сформулированных в свое время Э.Эриксоном, считавшим, что потеря своей этнической идентичности проявляется в ощущении человеком безымянности, безликости, в понимании, что «Я-никто» [Эриксон, 1996].

Отдельные проявления этого социально-психологического феномена имели место и в Казахстане, где наиболее ярко проявилась политика «этнического преваляирования» представителей русского этноса, в силу чего, они получили более привилегированный политический, экономический, социальный статус. Вследствие такой политики, некоторая часть казахов, особенно из числа «городских», отказавшись от своей этнической самоидентификации, для получения более высокого социального статуса вынуждена была интегрироваться в доминантную группу русских путем языковой ассимиляции. В результате этого сформировалось целое поколение казахов, которых сегодня иногда называют «русскоязычные казахи» или «шала-казахи».

А.И.Донцов, Т.Г.Стефаненко, Ж.Т.Уталиева, исследуя язык как фактор этнической идентичности, показали, что казахи-билингвы помимо владения казахским и русским языком как родными, при этом четко декларируя свою принадлежность к казахскому этносу, тем не менее, соглашались с тем, что в их характере много черт, схожих с русскими [Стефаненко, 2006].

Подобная идентификация с несколькими национально-этническими группами, характерная для Казахстана, явилась основой для

формирования еще одного уровня этнической идентичности - биэтнической идентичности. В современных условиях казахстанского общества она оказалась свойственной не только для казахов-билингвов, но и для представителей многих национально-этнических групп, проживающих здесь.

Создавая позитивную установку к восприятию другой этнокультуры, ее ценностей, традиций, биэтническая идентичность способствует формированию позитивных этнических стереотипов, установок на взаимодействие и интеграцию в межэтнических отношениях.

На границе с биэтнической идентичностью выделяется еще один уровень – маргинальная этническая идентичность, которая в условиях полиэтнического государства приобретает особую значимость и актуальность.

Создание концепции маргинального человека связывают с автором книги «Маргинальный человек» Э.Стоунквистом, который считал, что «личность, покидающая в результате миграции, брака, получения образования одну группу или культуру, не найдя удовлетворительного приспособления к другой, оказывается на периферии каждой из культур и является как бы «маргинальным человеком». В типы маргинального человека Э.Стоунквист включает личности, маргинальные по социальной роли, личности, маргинальные по биологическому происхождению и личности, маргинальные по этнической культуре [Стоунквист, 1979, с.100].

По мнению большинства исследователей основной характеристикой маргинальной личности является наличие внутреннего конфликта этнической идентичности, который переживается как критическая ситуация и ведет не только к развитию негативных эмоций, но и может способствовать нарушению психического здоровья. Вследствие этого, сегодня маргинальную этническую идентичность рассматривают как объективную этнопсихологическую двойственность, являющуюся показателем наличия переживаний собственной двойственности, вызываемой смешением этнокультур. Личности с подобной маргинальной этнической идентичностью проявляют наибольшую активность в ситуациях межэтнических контактов, в конфликтных ситуациях межэтнических отношений они высказывают повышенный уровень агрессивности.

Психологи со времен З.Фрейда, Г.Олппорта такое поведение интерпретируют как проявление реакций психологической неполноценности, которая компенсируется «комплексом превосходства».

При определенной социальной или политической ситуации этот внутренний конфликт может субъективно переосмыслиться в групповой и проявиться в негативном отношении к представителям другой национально-этнической группы.

В то же время российские и казахстанские исследователи (Стефаненко, Джакупов, Мулдашева, Жукешева) описывают еще один тип проявления маргинальной идентичности, когда ситуация собственной маргинальности субъективно не связывается с переживанием кризиса этнической идентичности и приводит к принятию личностью какой-либо культуры или же, когда конфликт «вытесняется за порог сознания». В этом случае у группы или у отдельной личности не возникает переживаний внутреннего конфликта, не происходит осознания своей двойственности. Такой тип маргинальности обозначают как «объективная этнокультурная маргинальность».

А.Б.Мулдашева, работающая в парадигме исследования маргинальной идентичности в межэтнических отношениях, выделила несколько основных типов маргинальной личности. Первый тип – «равнодушный к проблемам межэтнических отношений», для которого характерно отсутствие переживаний и «проблематизации» самого факта принадлежности к двум этническим общностям. Этот тип, по мнению А.Б.Мулдашевой, соответствует объективной этнокультурной маргинальности.

Для второго типа маргинальной личности характерно наличие выраженного противоречия этнокультурной смешанности, переживание своей «раздвоенности» между двумя этнокультурами, эмоционально окрашенное чувством горечи и боли по поводу собственного кризиса этнической идентичности. А.Б.Мулдашева считает, что этот тип обусловлен этнопсихологической двойственностью.

Третий тип «пассивный», для которого характерно переживание конфликта этнопсихологической двойственности. Путаясь в своей этнической идентичности, для разрешения внутреннего конфликта этот тип выбирает наиболее легкие способы поведения, в частности, «уход» от конфликта как защитный механизм [З.Фрейд, 1923].

Четвертый тип соответствует «националистическому» [Стоункист, 1979], поведение которого определяется по типу националистического, а основным принципом деятельности в межэтнических отношениях является агрессия.

Пятый тип – «творческий», для которого маргинальная этническая идентичность становится источником личностного развития. Осознавая и переживая свою этнокультурную маргинальность, такая личность более болезненно воспринимает имеющиеся негативные стороны межэтнического взаимодействия. Как правило, личности такого типа, вступая в межэтнические контакты, пытаются делать то, что способствует улучшению межэтнических отношений. В этом случае межэтнические установки определяются творческой направленностью [Мулдашева, 1991].

Подобная группа стала объектом исследования А.И.Донцова, Т.Г.Стефаненко и Ж.Т.Уталиевой, которые пришли к выводу, что казахи-маргиналы, плохо владеющие казахским языком и полностью не включенные в русскую культуру, проявляют такую же предубежденность по отношению к русским, что и индивиды с этнической гиперидентичностью, например 45 % из них считают, что при их браке с русскими у них будут проблемы с родственниками, 25 % полностью исключали саму возможность подобных браков, 25 % затруднялись ответить. Исследователи объясняют такое предпочтение маргиналами внутригрупповых контактов, тем, что они, таким образом, пытаются решить свой личностный конфликт этнической идентичности, а также свое положение в обществе, где казахский язык и культура в последнее время стали приоритетными [Стефаненко, 2004, с.270].

Проведенный в 2001 г. контент-анализ результатов кросс-культурного исследования маргинальной идентичности среди студентов Казахского национального университета им. аль-Фараби, показал не только наличие внутриличностных конфликтов, но и выявил существующие гендерные различия. Например, девушки - маргиналы из смешанных семей, где отец - казах, а мать - русская чаще испытывают внутриличностный конфликт и определенный дискомфорт при определении своей национальности (69,2 %). В качестве родного языка они выбирают - русский и казахский, языком общения называют - русский. По характеру и по внешности идентифицируют себя как с матерью, так и с отцом. При выборе друзей нет предпочтений по этническому признаку. Однако в качестве будущего супруга в основном видят представителей казахского этноса.

Юноши-маргиналы из семей, где отец - казах, мать - русская отрицают наличие внутреннего конфликта при выборе национальности (86,4 %). В основном они указывают свою принадлежность к

русскому этносу и предпочитают видеть в качестве близкого друга и супруги представителей русского этноса. Большинство из них характером и внешностью идентифицируют себя с матерью, в качестве родного и языка общения выделяют русский язык. У многих из них доминирует негативная установка на представителей казахского этноса, вплоть до проявлений шовинизма.

Что же касается молодых людей из семей, где мать - казашка, а отец - русский, то следует отметить, что для выходцев из таких семей, как девушек (85,3 %), так и юношей (92,2 %) характерно отсутствие внутриличностного конфликта и дискомфорта, вызываемого этнической двойственностью. Они чаще общаются с родственниками со стороны матери, характером идентифицируют себя как с матерью, так и с отцом, во внешнем сходстве также не наблюдается доминирования одного из родителей, в качестве родного языка называют как казахский, так и русский язык, при этом языком общения называют русский язык. Почти все они, особенно это, характерно для юношей, в качестве близких друзей и будущих супругов предпочитают видеть представителей казахского этноса.

Изучение и осмысление в ходе проведенного кросс-культурного исследования типологии, этнической маргинальности, предложенной А.Б.Мулдашевой, стало основой для ее дополнения и расширения, вызванного тем, что сегодня условиях полиэтнического казахстанского общества представлена еще одна группа - маргиналов во втором, в третьем, четвертом поколениях, которые одновременно идентифицируют себя сразу с несколькими национально-этническими группами. Как показало исследование, при определении своей национальной принадлежности такие студенты-маргиналы не испытывают личностный конфликт, свою национальность определяют по отцу, в качестве родного языка указывают свой национальный язык, даже, если им не владеют, языком общения называют русский язык. В качестве близких друзей, будущих супругов маргиналы этого типа предпочитают видеть представителей не конкретно каких-либо национально-этнических групп, а себе подобных - «восточных», если это выходцы из казахско-уйгурско-татарско-узбекско-турецко-корейских семей или, наоборот, «европейцев», если это выходцы из русско-украинско-белорусско-немецко-еврейских семей. Имея богатый повседневный опыт общения с представителями многих национально-этнических групп, в межэтнических отношениях они проявляют

более высокую толерантность, легко идут на контакт и взаимодействие с представителями самых разных этносов.

Появление подобной группы маргиналов послужили почвой для констатаций, что к концу XXI века в Казахстане будут проживать представители только двух этносов – «восточного» и «европейского» [Татимов, 2003]. Появление подобных концепций достаточно условно, однако оно может оказаться продуктивным для дальнейшего понимания и прогнозирования развития межэтнических отношений в Казахстане.

В реальных межэтнических отношениях, характеризующих современный Казахстан, выделяется еще один уровень этнической идентичности, характерной особенностью которого является слабая, четко не выраженная этническая идентичность или ее полное отсутствие. Данная стратегия была обнаружена в исследовании, проведенном А.И.Донцовым, Т.Г.Стефаненко, Ж.Т.Уталиевой при выявлении места этнической идентичности в структуре самокатегоризации личности, когда респонденты, владеющие казахским языком, намного чаще указывали свою этническую принадлежность (71,6 %), чем не владеющие им (12, %). Это дало повод исследователям сформулировать вывод, что респонденты, не владеющие своим родным языком и, чувствуя от этого некоторую «ущербность» в качестве члена этнической группы, стремятся защитить свою самооценку, вытесняя этническую принадлежность из структуры категоризации.

Однако исследование, проведенное совместно с Т.К.Раимбековой в 2006 году, показало, что так называемые «русскоязычные казахи», несмотря на то, что они сами не владеют своим родным языком и чувствуют при этом комплекс неполноценности и свою ущербность, тем не менее, четко декларируют свою этничность и принадлежность к казахскому этносу. Более того, именно для этой группы казахов характерен наиболее высокий уровень гиперидентичности в отношениях с представителями русского этноса. В качестве факторов, отличающих их от представителей русского этноса, они назвали: внешность – 73,2 %, язык - 88,8 %, обычаи и традиции - 47,7 %, особенности поведения – 72,6 %, религию – 89,2 %.

Логика дальнейшего исследования когнитивного и аффективного компонентов, определяющих негативные аттитюды, направляет нас к изучению негативной этнической идентичности, отличительной

особенностью которой является то, что она формируется при неблагоприятном межгрупповом сравнении, когда члены этнического меньшинства принимают самоидентификацию вместе с негативной оценкой своей национально-этнической группы, что находит свое проявление в униженности, ущемленности.

Российские исследователи Л.М.Дробижева, В.А.Тишков, Т.Г.Стефаненко, Г.У.Солдатова, справедливо отмечая неоднозначность этого типа этнической идентичности применительно к межэтническим отношениям, указывают, что это влияние «сопровождается обострением восприятия дискриминации и увеличением субъективной культурной дистанции с группой большинства» [Стефаненко, 2004, с.259]. Кроме того, в исследованиях Т.Г.Стефаненко было зафиксировано, что те дети, для которых была характерна негативная этническая идентичность, имели низкую самооценку и проявляли недостаток уверенности. Вследствие этого, она пришла к выводу, что негативная этническая идентичность отрицательно сказывается на личностном росте тех, кто ее переживает.

Этот социально-психологический феномен имел свое проявление в Казахстане, когда с конца пятидесятих годов начался процесс ассимиляции, приведший к доминированию русского языка, культуры и ценностей, многие казахи, особенно из числа «городских», продолжая идентифицировать себя со своим этносом, тем не менее, негативно стали оценивать других представителей своего этноса и всю национально-этническую группу в целом. Это нашло проявление в развитии чувства неполноценности, неудовлетворенности, чувство стыда за свою этническую группу, за принадлежность к ней. В эти годы появилась целая группа казахов, которая четко дистанцировала себя от своей национально-этнической группы и приписывала себе более позитивные характеристики, отличающие их от всех, например, от жителей сельских областей, аулов. Установив, таким образом, психологическую границу между собой и группой, многим из них удалось сохранить высокую личностную самооценку.

Трансформировавшаяся за последние годы этнополитическая ситуация отразилась на современном этносоциальном статусе казахов как этноформирующего и титульного народа. По замечанию Г.Ж.Байтеновой, казахи сегодня из этнического меньшинства превращаются в доминирующее большинство, из роли «младшего брата» они перешли в разряд «старшего брата» [Байтенова, 1998], что

стало причиной того, что сегодня казахи оценивают свою национально-этническую группу как более привлекательную, чем другие. На основе произошедших трансформаций негативных аттитюдов на позитивные стали формироваться позитивные чувства к своей этнической общности, самоуважение, гордость за свой народ, уважение к своему родному языку, обычаям и традициям.

Таким образом, мы можем констатировать, что внешние социальные, политические, экономические, исторические условия явились причиной трансформаций этнической идентичности и ее аттитюдов. Следовательно, несмотря на утверждения некоторых исследователей, считающих, что этнический статус человека не меняется на протяжении всей его жизни, тем не менее, мы видим, что он способен к трансформациям. В контексте этих выводов, можно утверждать, что этническая идентичность по своей социально-психологической сущности является не статическим, а динамическим образованием, подверженным изменениям в зависимости от исторической, политической, экономической и социально - психологической ситуации.

В связи с этим современный период, переживаемый сегодня многими странами постсоветского пространства, определяют не только революционным периодом трансформаций политического, социального и экономического уклада, формирования новых рыночных отношений, но и периодом трансформаций межэтнических отношений в целом и этнической идентичности, в частности.

По представлению Г.У.Солдатовой «трансформация структуры идентичности выражается в том, что членство в этнической группе становится важной категорией личностной социальной идентичности». В этих условиях, - далее отмечает она, - проблема этнической идентичности и ее трансформаций становится не просто философской или психологической проблемой общества, она становится проблемой определения субъектом своей позиции в системе человеческих отношений в целом [Солдатова, 2002, с.103]. И, если раньше в условиях существования единой страны - Советский Союз внутриэтнические или межэтнические отношения в системе других типов отношений в жизни отдельно взятого человека занимали незначительную роль, то в современной ситуации трансформаций во всех дискурсах жизнедеятельности постсоветского государства именно эти сферы отношений вышли на первый план, что послужило при-

чиной актуализации проблем не столько этнической идентичности как таковой, сколько детерминации ее основных трансформаций, определяющих характер межэтнических отношений.

Экстраполируя эти теоретические выводы непосредственно на наши эмпирические исследования процесса трансформаций этнической идентичности на примере казахстанской студенческой молодежи, мы исходили из понимания, что все эти изменения осуществляются в рамках позитивной этнической идентичности, раскрывающейся не только в развитии позитивного восприятия и позитивного отношения к своей собственной национально-этнической группе, но и предполагающей проекцию этих отношений в межэтническом контексте.

Это позволило нам в рамках кросс-культурного исследования рассматривать позитивную этническую идентичность как норму, в структуре которой позитивный образ своей национально-этнической группы благоприятствует развитию позитивного отношения и к другим группам.

Однако реальность жизнесуществования человека как представителя определенной национально-этнической группы, особенно в условиях полиэтнического и мультикультурного общества, такова, что норма этнической идентичности может проявляться в различных ракурсах. Поэтому вполне допустимо утверждать, что человек с нормальной этнической идентичностью позитивно оценивает и предпочитает свою группу другим. Это вполне закономерное явление, вследствие чего, сохраняется не только целостность своей национально-этнической группы, но и ее особенности, ценности, нормы в окружающем полиэтническом и поликультурном мире. В этом смысле норма этнической идентичности представляет собой «идеальную конструкцию», отражающую реальные позитивные межэтнические отношения.

Как показали проведенные исследования для большинства жителей Казахстана характерно доминирование «нормы» над всеми другими типами этнической идентичности. Более 80% из них отнесли себя к категории людей, для которых эта позиция наиболее приемлема в межэтнических отношениях, что соотносится с исследованиями других авторов. [Малаева, 2000]

В ракурсе исследования этнической идентичности как важного конструкта межэтнических отношений, определяющего феномено-

логическое поле и характер этих отношений, особое значение приобретает выделение трех типов этнической идентичности, которые рассматривались нами как отклонения от «нормы».

Для первого типа этнической идентичности характерно проявление этнической индифферентности, которая раскрывается в безразличии личности к своей этнической принадлежности, к этническим проблемам в целом. В этом случае этническая идентичность размывается и находит свое воплощение в неопределенности этнической принадлежности, в ее неактуальности для личности.

Второй тип этнической идентичности характеризуется отходом от собственной национально-этнической группы в пользу другой группы в силу ее более высокого социального статуса и престижности быть ее членом. Этот тип этнической идентичности в психологии определяют как гипоидентичность, которая реализуется в моноэтнической идентичности с другой группой.

Для третьего типа этнической идентичности характерно преувеличение роли этнического фактора в повседневной жизни человека. Вследствие этого, этническая идентичность гиперболизируется до чувства превосходства своей национально-этнической группы над другими и в рамках межэтнических отношений принимает дискриминационные формы, вплоть до ненависти и раздражения при общении с представителями других этнических групп. Этот тип соответствует моноэтнической идентичности с уровнем гиперидентичности, который реализуется в проявлениях, начиная от этноэгоизма, этноизоляционизма вплоть до этнического фанатизма.

Российские исследователи Л.М.Дробижева, Г.У.Солдатова отмечают, что выделенные типы этнической идентичности в контексте межэтнических отношений, являются показателем состояния психической инфляции, отражающей характер рассогласования между сознательными и бессознательными компонентами в структуре самой этнической идентичности. В результате такого рассогласования и «нарушения баланса» взаимодействия между сознательным и бессознательным уровнями идентичности в случаях психической инфляции» происходит «изменение содержания структуры этнической идентичности» или ее трансформации по типу гипер- или гипоидентичности.

Как показали исследования, проведенные А.Смагуловой, подобные трансформации этнической идентичности, присущи для студентов казахов-оралманов, прибывших на свою историческую Родину

из России, где они, часто испытывали личностный кризис из-за переживаний своей гиподентичности, выражающегося в чувстве неполноценности, ущемленности. Сегодня они, будучи полноправными гражданами Казахстана, демонстрируют гиперидентичность, особенно по отношению к представителям русского этноса, со стороны которых, они в свое время они испытывали ущемление своих этнических прав.

Психологическая сущность подобных трансформаций с точки зрения психологии объясняется воздействием определенных «защитных механизмов», когда для сохранения своей собственной этнической идентичности агрессия направляется против тех, в которых прежде видели угрозу для себя. В данном случае «казахстанские русские» выполняют роль «замещающего объекта», в отношении которых проявляется враждебность и агрессия.

Следовательно, трансформация этнической идентичности по типу гиперидентичности, определяясь стремлением к позитивной идентичности, переходит от простого предпочтения собственной национально-этнической группы к убежденности в ее превосходстве над другими. В межэтнических отношениях гиперидентичность проявляется в различных формах интолерантности, начинающейся от раздражения и доходящей порой до физического насилия.

В связи с этим особую значимость приобретают кросс-культурные исследования трансформаций этнической идентичности в полиэтнических государствах.

Таким образом, внутреннее содержание этнической идентичности, определяемое когнитивным и аффективным компонентами, находит свое проявление в аттитюдах, реализующихся через позитивную и негативную этническую идентичность в определенных типах и их трансформациях.

2.4 Кросс-культурное эмпирическое исследование содержания, основных типов и уровней этнической идентичности в контексте их трансформаций

В контексте второго этапа программы кросс-культурного исследования структуры межэтнических отношений было проведено эмпирическое исследование, целью которого стало изучение содержания, типов и уровней проявления этнической идентичности и ее трансформаций в контексте межэтнических отношений.

Для реализации этой цели были поставлены и решены следующие задачи: исследование когнитивного и аффективного компонентов этнической идентичности; изучение основных типов и уровней этнической идентичности; выявление основных трансформаций этнической идентичности.

Поставленные в работе цели и задачи определили использование набора специфических методик, позволяющих выявить основные компоненты этнической идентичности и определить типы, уровни этнической идентичности.

Данное исследование состояло из двух частей, каждая из которых имела самостоятельное значение, но одновременно служила базой для проведения следующих этапов исследования.

Для изучения когнитивного и аффективного компонентов этнической идентичности использовалась методическая разработка «Определение этнической идентичности» [Стефаненко, 2006]. Для оценки различий по параметрам «чувство» и «значимость» этнической принадлежности между представителями казахской и русской национально-этнических групп был применен параметрический метод *t*-критерий Стьюдента.

Объектом исследования выступили представители студенческой молодежи трех регионов Республики Казахстан - Алматинского, являющегося сегодня эпицентром и отражением всех этнополитических и этносоциальных процессов, происходящих по всей республике, Южно-Казахстанского, большую часть которого составляют представители титульного этноса и Актюбинского, для которого характерно доминирование представителей русского этноса.

Предметом исследования стало внутреннее содержание этнической идентичности, определяемое когнитивным и аффективным компонентами, выражающимися не только в осознании своей тождественности, но и в оценке значимости своего членства в ней, а также в разделяемых с другими членами группы образами и чувствами.

Объем выборки составил 100 человек по национальной принадлежности - казахи и русские, студенты Казахского национального университета им. аль-Фараби, Южно-Казахстанского университета М.О.Ауезова и Актюбинского государственного педагогического института.

Анализ полученных результатов первого этапа кросс-культурного исследования содержания этнической идентичности показал,

что, как для казахской, так и для русской выборок доминирующим оказалось чувство принадлежности к своей этнической общности (в казахской выборке 6,24%), в русской соответственно – 7,3 %. Чувство значимости своей этнической общности у казахов составило – 8,54%; у русских – 9,68%.

По критерию Стьюдента значимых различий между выборками казахов и русских по параметрам «чувство этнической идентичности», «значимость этнической идентичности» не было выявлено: чувство этнической принадлежности между казахами и русскими статистически значимых различий не имеет ($t = 0,09$; $p 0,01$); чувство значимости своей этнической принадлежности между казахами и русскими значимых различий также не имеет ($t = 0,03$; $p 0,01$).

Что касается определения мнений студентов о существующих межэтнических отношениях между представителями изучаемых национально-этнических групп, то исследование показало, что русские респонденты чаще, чем казахи не соглашались, с тем, что «при общении с людьми нужно ориентироваться на их личностные качества, а не на национально-этническую принадлежность» (-2,06%). В то же время согласие некоторых респондентов казахов (0,66%) с утверждениями, что политическую элиту должны составлять представители государствообразующего этноса, что представители титульного этноса должны иметь определенные преимущества перед представителями других этносов, свидетельствует об их ориентированности в межэтнических отношениях на «гиперидентичность». Тем не менее, t - критерий относительно мнений о существующих межэтнических отношениях между казахами и русскими значимых различий не выявил ($t = 0,49$; $p 0,001$).

Таким образом, анализ результатов проведенного исследования показал актуальность, как когнитивного, так и аффективного компонентов, определяющих внутреннее содержание этнической идентичности, как для казахской, так и для русской выборок. При этом чувство этнической принадлежности и чувство значимости своей этнической принадлежности между казахами и русскими значимых различий не имеет.

Что касается изучения основных уровней и типов этнической идентичности в контексте их трансформаций, то оно проводилось в два этапа: первый был проведен в 2001 году, второй – в 2006.

Исходя из цели нашего исследования, направленного на изучение основных тенденций, характеризующих основные трансформации этнической идентичности в системе межэтнических отношений в условиях стабильного полиэтнического и мультикультурного общества, нами была использована модифицированная методическая разработка «Типы этнической идентичности», созданная на основе методик Дж.Финни и Г.У.Солдатовой.

На основе выделения 18 суждений были определены шесть типов этнической идентичности с разными проявлениями уровней – от позитивной этнической идентичности (уровень нормы этнической идентичности), этнической индифферентности (уровень гипоиентичности), этнонигилизма (уровень гипоиентичности), этноэгоизма (уровень гиперидентичности), этноизоляционизма (уровень гиперидентичности) до этнофанатизма (уровень гиперидентичности).

Степень толерантности и интолерантности при этом определялась на основе изучения отношения к своей и другим национально-этническим группам, уровня порога эмоционального реагирования на «иномыслие» окружение и степени выраженности агрессии по отношению к представителям других групп. Для оценки достоверности различий между выборками был применен критерий χ^2 .

В ходе исследования был использован контент-анализ, с помощью которого выявлялось процентное соотношение типов и уровней этнической идентичности между выборками. Для оценки достоверности различий между процентными долями выборок применялся критерий χ^2 .

Объектом эмпирического исследования выступили студенты Казахского национального университета им. аль-Фараби, Южно-казахстанского государственного университета им. М. Ауезова и Актюбинского государственного педагогического института.

Объем выборки в пилотажном и основном исследованиях составил 500 респондентов – представителей казахского и русского этносов.

Анализ результатов, проведенного в 2001 году исследования показал, что для казахской выборки Казахского национального университета им. аль-Фараби характерно доминирование позитивной этнической идентичности, определяющей уровень нормы этнической идентичности (33,2%), сравнительно высоко представлены этноэгоизм (22,8%), этническая индифферентность (19,3%), т.е. считающих, что его народ не лучше и не хуже других народов, этнофанатизм

Распределение типов этнической идентичности

Казахский национальный университет им. аль-Фараби

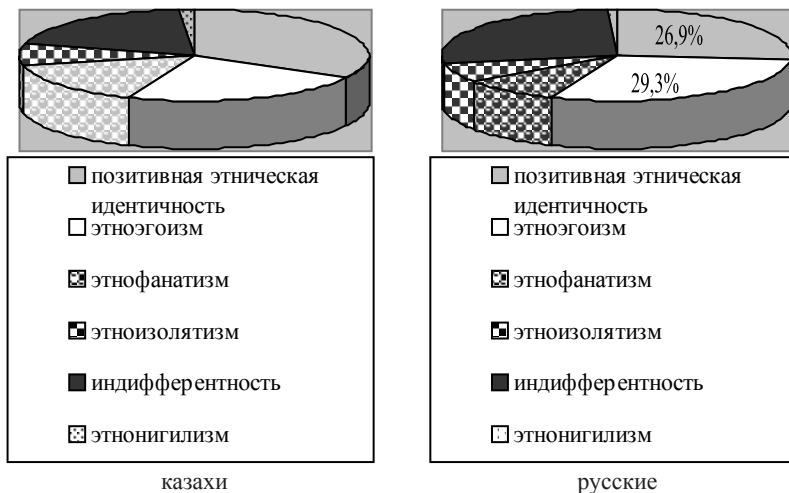

Рисунок 3

Южно-Казахстанский государственный университет им. М.О. Ауезова

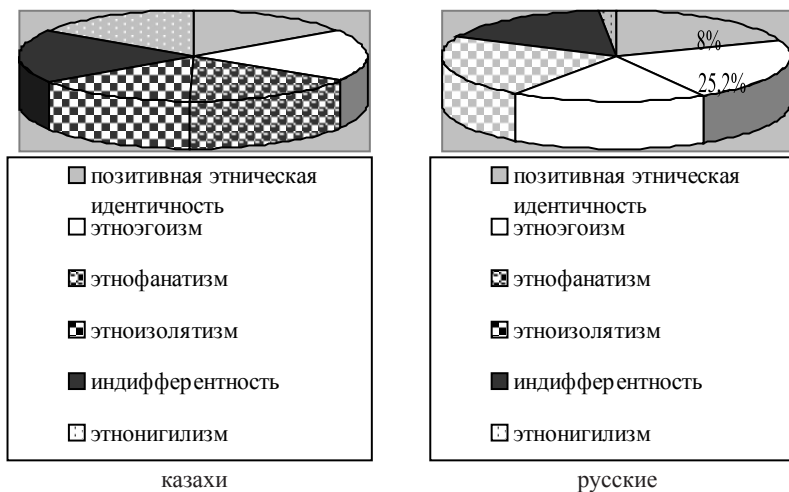

Рисунок 4

(15,4%), этноизоляционизм (7,8%) и этнонигилизм (1,5%). (см. Рисунок 3).

Для студентов русской выборки характерно доминирование этноэгоизма (29,3%), нередко чувствующих превосходство своего народа над другими. Сравнительно высоко представлены этническая индифферентность (27,2%) и позитивная этническая идентичность (26,9%). Уровень этнофанатизма составил (9,2%), этноизоляционизма (7,0%), и этнонигилизма (0,4%). (см. Рисунок 3).

В казахской выборке студентов Южно-казахстанского государственного университета им. М.О.Ауезова было зафиксировано проявление следующих типов этнической идентичности – этноэгоизма (24,7%), этнофанатизма (21,6%), этноизоляционизма (20,3%), позитивная этническая идентичность составила 20,4 %, этническая индифферентность (10,9%), этнонигилизм (2,1%). (см. Рисунок 4).

В русской выборке студентов ЮКТУ достаточно широко представлены - этноэгоизм (25,2%), этноизоляционизм (24,8%), позитивная этническая идентичность (21,8%), этническая индифферентность (18,6%), этнофанатизм (7,7 %), этнонигилизм (1,9%). (см. Рисунок 4).

Для казахской выборки студентов Актюбинского государственного педагогического института характерно доминирование этнической индифферентности (23,5%) и этнофанатизма (22,4%), считающих, что люди других национальностей должны быть ограничены в праве проживания на их территории. Уровень нормы этнической идентичности составил 19,9%, достаточно велика численность студентов с проявлениями этноэгоизма (18,1%), этноизоляционизма (10,3%), этнонигилизма, чувствующих неполноценность из-за своей этнической принадлежности (5,8%). (см. Рисунок 5).

Что касается русской выборки АГПИ, то здесь достаточно велика доля студентов, для которых характерно проявление этноэгоизма (38,2%) и этноизоляционизма (22,3%), т.е. тех, кто испытывает напряжение, когда вокруг себя слышит казахскую речь. Для 15,8% характерна позитивная этническая идентичность, этническая индифферентность – для 12,9%, доля студентов с типом этнофанатизма достаточно велика (10,6%), доля студентов с проявлениями этнонигилизма составила 0,2%. (см. Рисунок 5).

Следовательно, в 2001 году гиперидентичные тенденции продемонстрировали казахи, проживающие в Южно-Казахстанском реги-

Актюбинский государственный педагогический институт

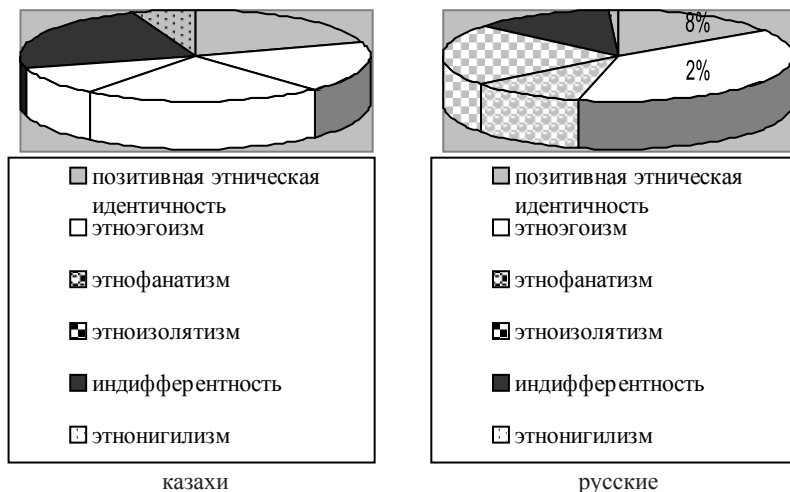

Рисунок 5

оне и русские, проживающие в Актюбинском регионе. В тоже время наличие большого количества студентов, как в казахской, так и в русской выборках с проявлением этнической индифферентности явилось свидетельством того, что многие из них не пытаются заострять свое внимание на этнических проблемах и предпочитают оставаться в стороне от этнополитических проблем.

Таким образом, в ходе проведенного кросс-культурного исследования и контент-анализа полученных результатов было установлено, что в 2001 году уровень нормы этнической идентичности был характерен для 24,5% казахов и 21,5% русских студентов; уровень гиподентичности - для 21% казахов и 20,5% русских, гиперидентичность – для 54,5% казахов и 58,1% русских. В целом в казахской и в русской выборках было зафиксировано доминирование гиперидентичности. (см. Рисунок 6).

Примененный для оценки достоверности различий между процентными долями по показателям уровней норма, гипо- и гиперидентичность между выборками критерий ϕ^* позволил перевести процентные доли в величины центрального угла, измеряемого в радианах. Применение критерия ϕ^* показало, что в 2001 году уровень

Распределение уровней этнической идентичности по трем выборкам (2001 г.)

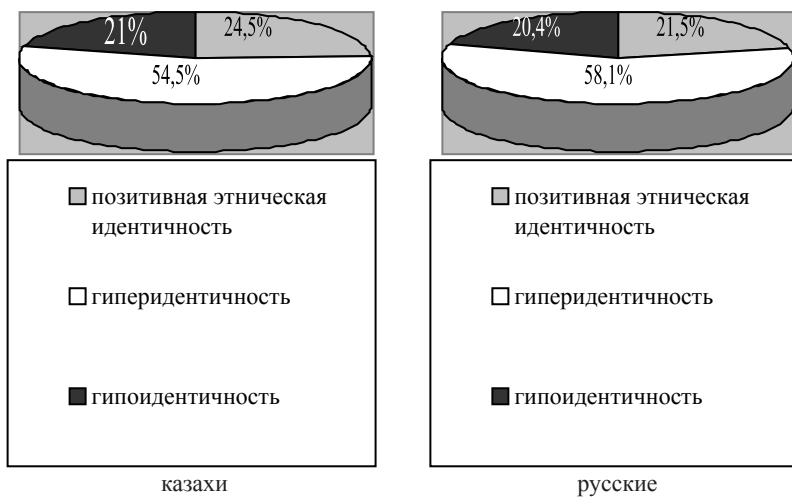

Рисунок 6

Распределение типов этнической идентичности Казахский национальный университет им. аль-Фараби

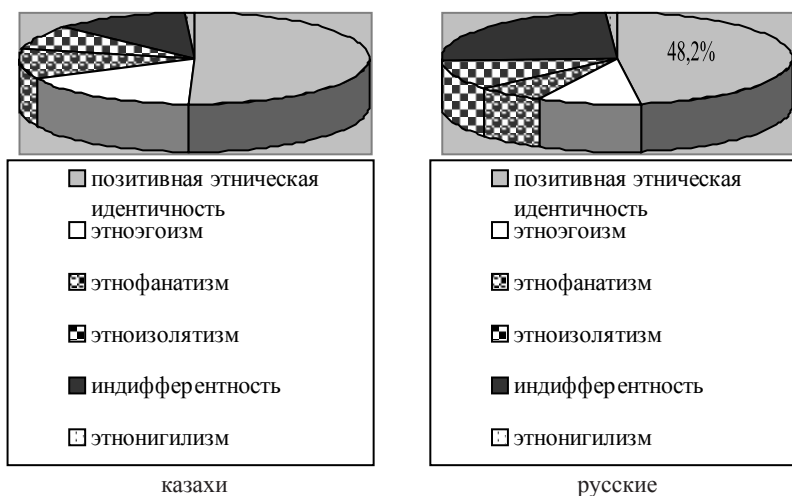

Рисунок 7

нормы этнической идентичности между группами казахов и русских имеет значимое различие при $\varphi^*=0,84$; уровень гиперидентичности и уровень гипоидентичности между выборками не имеет значимых различий ($\varphi^*=1,4$ и $\varphi^*=0,76$ при фкр. соответственно).

Анализ результатов исследования типов и уровней проявления этнической идентичности, проведенного в 2006 году среди студентов Казахского национального университета им. аль-Фараби при том же объеме выборки показал, что представленность основных типов и уровней этнической идентичности в казахской выборке изменилась. Увеличилось количество студентов с позитивной этнической идентичностью (51,6%) и этноизоляционизмом (8,7%). Кроме того, было зафиксировано уменьшение этноэгоизма (17,1%), этнической индифферентности (12,8%), этнофанатизма (10,4%), этнонигилизма (0,2%). (см. Рисунок 7).

В русской выборке студентов КазНУ также произошли трансформации, характеризующиеся увеличением числа студентов с уровнем нормы этнической идентичности (48,2%). По остальным уровням произошло снижение, кроме этнонигилизма (0,4 %). Достаточно высоко представленным оказался уровень этнической индифферентности (24,8%). В то же время была зафиксирована достаточно высокая представленность этноизоляционизма (10,9%) и этноэгоизма (9,5%); этнофанатизм составил 6,2%. (см. Рисунок 7).

В выборке студентов казахской национальности, обучающихся в Южно-Казахстанском университете им. М.О.Ауезова, исследование показало уменьшение гиперэтнических установок: для 46,5% характерной оказалась норма этнической идентичности. Следующие уровни этнической идентичности расположились таким образом: этноэгоизм (18,3%), этноизоляционизм (15,8%), этнофанатизм (10,7%), этническая индифферентность (8,6%), этнонигилизм (0,1%).(см. Рисунок 8).

Для студентов ЮКГУ русской выборки характерной оказалась большая толерантность в межэтнических отношениях, проявившаяся в возрастании позитивной этнической идентичности (37,4%), индифферентность составила 24,5%, этноэгоизм (20,5%), этноизоляционизм (10,2%), этнофанатизм (3,6%). Следует отметить произошедшее увеличение этнонигилизма (3,8 %). (см. Рисунок 8).

У студентов Актюбинского государственного педагогического института также были зафиксированы произошедшие трансформации

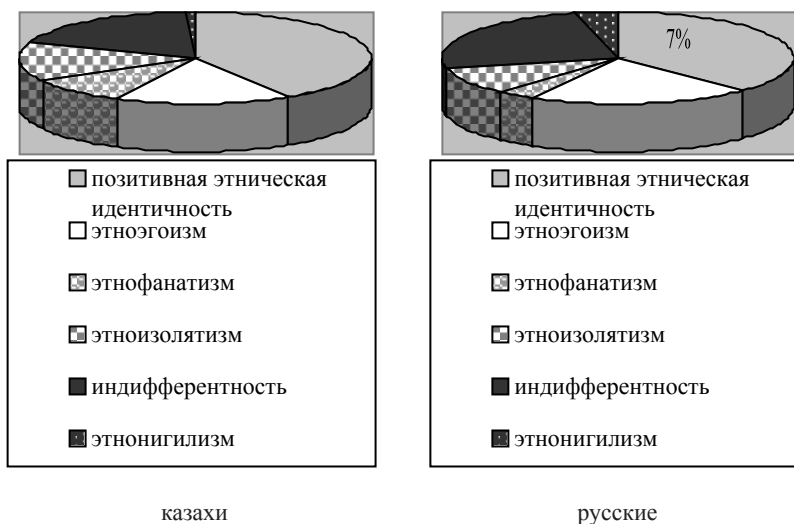

Рисунок 8

Актюбинский государственный педагогический институт

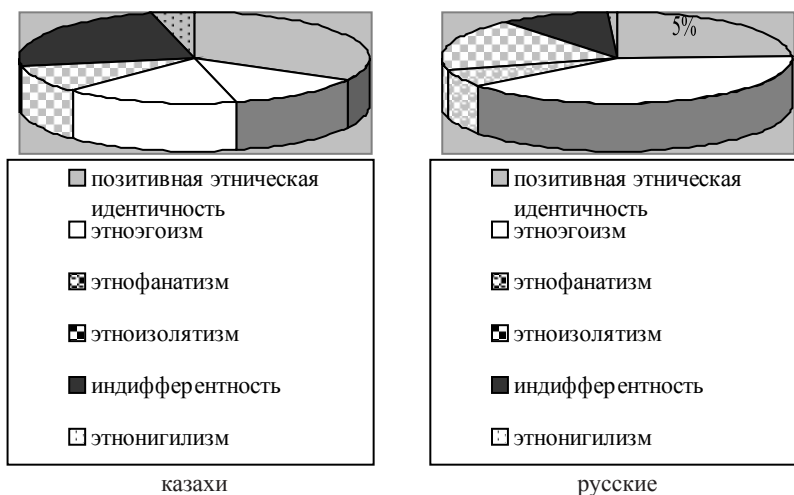

Рисунок 9

основных типов идентичности. Однако в основном эти изменения коснулись казахской выборки, среди которых увеличилось количество студентов с позитивной этнической идентичностью (32,8 %) и этнической индифферентностью (24,2 %), уменьшилось число студентов с проявлениями этнофанатизма (15,9 %), этноэгоизма (13,4 %), этноизоляционизма (9,8 %), этнонигилизма (3,9 %). (см. Рисунок 9).

Для русской выборки студентов Актюбинского государственного педагогического института характерными остались проявления гиперидентичности, что нашло отражение в достаточно высоких уровнях этноэгоизма (40,3%), этноизоляционизма (18,5%), этнической индифферентности (10,2%) и этнофанатизма (6,4%). В то же время полученные результаты позволяют нам констатировать произошедшее увеличение количества студентов с позитивной этнической идентичностью (24,5%).(см. Рисунок 9).

Таким образом, в ходе проведенного кросс-культурного эмпирического исследования и контент-анализа полученных результатов, было установлено, что в 2006 году произошли значительные трансформации в типах этнической идентичности: позитивная этническая

Распределение уровней этнической идентичности по трем выборкам (2006 г.)

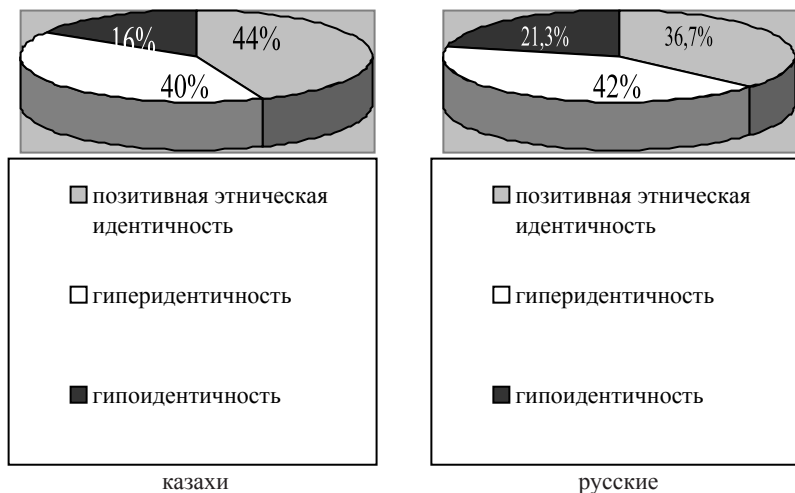

Рисунок 10

идентичность стала характерной для 43,6% казахов и 36,7% русских студентов; гипоиентичность - для 16,4% казахов и 21,3% русских, гиперидентичность – для 40% казахов и 42% русских. (см. Рисунок 10).

Для оценки достоверности различий между процентными долями по показателям проявления типов этнической идентичности - норма, гипо- и гиперидентичность между выборками был применен критерий ϕ^* - угловое преобразование Фишера, который позволил перевести процентные доли в величины центрального угла, измеряемого в радианах. Применение критерия ϕ^* показало, что в 2006 году уровень нормы этнической идентичности между группами казахов и русских составил $\phi^*=1,18$; уровень гиперидентичности составил $\phi^*=1,08$; а уровень гипоиентичности равнялся $\phi^*=0,79$. Исследование показало, что для $\phi^*_{кр} 2,28$ при $p 0,01$ ни одно из выше вычисленных ϕ^* эмп. не значимо.

Тем не менее, нельзя отрицать, что и в казахской, и в русской выборках сохранилась доля негативно настроенных на межэтническое взаимодействие студентов, которую нельзя игнорировать. Гиперидентичные установки, реализующиеся в этноэгоизме, оказались более характерными для представителей русского этноса, проживающих в Актюбинском регионе и для казахов, проживающих в Южно-Казахстанском регионе. Среди них выделяются те, кого раздражает общение с людьми другой национальности, они не приветствуют межнациональные браки и считают, что в борьбе за интересы своего народа годятся любые средства.

Относительно высокие показатели уровня этноэгоизма, свойственные русской выборке Актюбинского региона, являются свидетельством наличия отдельных проявлений этноизоляцизма и сепаратизма.

На наш взгляд, эти результаты во многом детерминируются так называемым «синдромом навязанной идентичности», в первые обнаруженным Н.М. Лебедевой в ходе проведения исследований в ряде стран постсоветского пространства (Эстонии, Узбекистане, Казахстане), где у многих русских после потери своего приоритетного положения и более высокого социального статуса развился «синдром навязанной идентичности». По мнению Н.М.Лебедевой этот социально-психологический феномен проявляется тогда, когда этническая принадлежность человека против его собственной воли и

желания становится чересчур значимой характеристикой его бытия и сознания, начинает определять его место в обществе, комплексе прав и обязанностей, а в его самоидентификации выходит на одно из первых мест [*Лебедева, 2003, с.183*]. В такой ситуации этническая идентичность сопровождается развитием негативных чувств, связанных с этнической принадлежностью, а также более обостренным восприятием дискриминации и увеличением этнокультурной дистанции с представителями титульного этноса.

В казахской выборке студентов Южно-Казахстанского университета им. М.О.Ауезова, несмотря на то, что по сравнению с 2001 годом произошло снижение проявления уровня гиперидентичности по отношению к русским, тем не менее, гиперэтнические установки несколько опережают уровень нормы этнической идентичности. Следовательно, характерные для казахской студенческой молодежи Южно-Казахстанского региона отдельные проявления этноориентированности и этнической дифференциации в 2006 году сохранились.

Тем не менее, мы констатируем произошедшие позитивные трансформации в типах и уровнях этнической идентичности по всем трем выборкам; проведенный сравнительный анализ полученных результатов исследования показал увеличение количества студентов с уровнем нормы этнической идентичности.

С 2001 по 2006 год произошло значимое снижение уровня гиперидентичности ($p < 0,01$). Произошедшие динамические групповые трансформации типов и уровней этнической идентичности, характерные для трех изученных регионов Республики Казахстан, являются подтверждением усиления межэтнического взаимодействия, когда отмечаемые в исследовании дезинтегрирующие тенденции уравниваются интегрирующими. Произошедшие трансформации в динамике типов и уровней этнической идентичности в позитивную сторону являются свидетельством улучшения межэтнических отношений; чем более представленным становится уровень нормы этнической идентичности, тем стабильнее развиваются межэтнические отношения и, наоборот, повышение уровня гиперидентичности, этноэгоистических и этноизоляционных тенденции способствует возрастанию межэтнической напряженности.

Поэтому вполне допустимо делать выводы о развитии настроенности казахстанских студентов на позитивные межэтнические отношения.

Исходя из анализа полученных результатов гендерного исследования, был сделан вывод, что для юношей казахской национальности более характерно доминирование гиперидентичности, в отличие от юношей русской национально-этнической группы. И, наоборот, для девушек казахской национальности более приоритетной и значимой стала установка на толерантность. Они оказались более настроенными на межэтническое взаимодействие и установление позитивных межэтнических отношений, чем девушки русской национальности. Следовательно, для представителей русского этноса бóльшая толерантность в межэтнических отношениях характерна для юношей, которые более позитивно настроены на межэтническое взаимодействие и понимание, чем девушки.

Осуществленное кросс-культурное исследование содержания, типов и уровней этнической идентичности в контексте их трансформаций, определяющих характер межэтнических отношений, позволяет сделать следующие выводы.

1. Социальная идентичность является ценностно и эмоционально насыщенным знанием личности относительно своей принадлежности к конкретным социальным группам. Существование социальной идентичности вызвано стремлением личности к положительной «Я-концепции» посредством категоризации социального мира и идентификации себя с категориями, которые способствуют формированию позитивного представления о себе, о своей группе.

2. В структуре социальной идентичности важное место занимает этническая идентичность, знание особенностей которой определяет механизмы внутригрупповой и межэтнической идентификации и дифференциации.

3. Проблема этнической идентичности в странах постсоветского пространства приобрела статус стратегической и приоритетной, что выразилось в поисках национальной идеи, способствующей внутри- и межэтнической интеграции всего постсоветского общества. В связи с этим в современной социальной психологии проблема этнической идентичности и ее трансформаций в межэтнических отношениях в постсоветский период составляет один из главных предметов теоретических и эмпирических исследований.

4. Основным механизмом формирования этнической идентичности выступает процесс субъективной категоризации, те психологические представления об особенностях межэтнических отношений, возникающие в сознании индивида в результате действия процесса категоризации, являются отражением той ситуации, в которой реализуются эти отношения.

5. Необходимо разводить понятия этничности и этнической идентичности. Этничность - это задаваемый, «навязанный» этнической общностью социально-психологический феномен, относящийся к самоопределению этнической принадлежности по ряду объективных причин: этнической принадлежности родителей, месту рождения, языку, культуре. Этническая идентичность – это процесс персональной идентификации личности со своей национально-этнической группой, который достигается ею в процессе конструирования социальной жизни на основе этничности, но не сводится к ней.

6. Этническое самосознание, являясь формой отражения этнической структуры общества и отношения к ней, понятие более широкое, чем этническая идентичность. Этническое самосознание не ограничивается только осознанием и отождествлением себя со своей этнической принадлежностью. Оно является частью всего общественного сознания, включающего определенные взгляды, представления, традиции, обычаи, связанные со всеми аспектами личностной и групповой идентификации.

7. В условиях трансформирующегося казахстанского общества этническая идентичность превратилась в этноконсолидирующую и этномобилизирующую категорию, занимающую важное место в системе самокатегоризации личности.

8. Этническая идентичность, являясь одним из важных структурных концептов, определяет характер и особенности межэтнических отношений: при позитивных межэтнических отношениях этническая идентичность уступает место другим идентичностям и характеристикам, при негативно складывающихся межэтнических отношениях, в первую очередь, актуализируются категории «национальность», «этничность», которые «задают свой ракурс социальной перцепции».

9. Этническая идентичность является важной стратифицирующей категорией, детерминирующей гражданское самоопределение

личности как представителя определенной национально-этнической общности.

10. Внутреннее содержание этнической идентичности определяется чувством этнической принадлежности к своей этнической общности и чувством значимости своей принадлежности, которые актуализируются в процессе самоидентификации личности.

11. Когнитивный и аффективный компоненты этнической идентичности являются социально-психологической переменной, определяющей и задающей направленность поведению в реальных межэтнических отношениях.

12. Этническая идентичность, определяясь когнитивным и аффективным компонентами, является не статическим, а динамическим образованием; вследствие этого она способна к трансформациям в межэтнических отношениях.

13. Трансформации основных типов этнической идентичности и уровней ее проявления происходят под влиянием социальных, экономических, политических факторов, и являются отражением существующих межэтнических отношений.

3. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В КОНТЕКСТЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

3.1 Психологические механизмы межэтнического восприятия

В последние годы в связи с актуализацией межгрупповых и особенно межэтнических отношений в социальной психологии появился определенный интерес к исследованию психологических механизмов межэтнического восприятия, который, как уже отмечалось, определяет субъективные, когнитивные, перцептивные характеристики и свойства межэтнических отношений.

Изучая и анализируя проблемы этого сложного социально-психологического феномена, детерминируемого процессом этнической идентификации и определяющего характер и особенности межэтнического взаимодействия и межэтнических отношений в целом, исследователи исходят из понимания, что межэтническое восприятие представляет собой не просто сумму восприятий индивидами другой национально-этнической группы, а это совершенно новое групповое образование, обладающее такими значимыми детерминантами. Для группы как субъекта восприятия - это «целостность», определяемая степенью совпадения представлений членов этой группы о другой; для национально-этнической группы как объекта восприятия - это «унифицированность», показывающая степень распространения представлений о другой группе на отдельных ее членов. Следовательно, содержание и особенности межэтнического восприятия определяются, в первую очередь, процессом упорядочивания индивидуальных когнитивных структур, связанных в единое целое.

Динамические характеристики межэтнического восприятия определяются своими специфическими парадигмами, среди которых, по мнению В.С.Агеева, прежде всего, выделяется большая устойчивость, консервативность, ригидность социально-перцептивных процессов. Поскольку их субъектом является не один человек, а целая группа, то формирование таких процессов не только более длительный, но и более сложный процесс, в который включается как индивидуальный жизненный опыт каждого члена группы, так и опыт «жизни» группы [Агеев, 1989, с.65-66]. Вследствие этого, формируется качественно новое групповое психологическое образование,

связанное с действием процесса идентификации и дифференциации, определяемых этнической идентичностью и реализующееся в атрибутивных процессах.

В контексте межэтнического восприятия, наиболее приоритетными становятся следующие атрибуции - стереотипизация и каузальная атрибуция.

В современной социальной психологии каузальную атрибуцию определяют как основной механизм межэтнического восприятия, актуализирующийся в широком диапазоне социальных условий и обстоятельств, который в условиях неопределенной ситуации, недостаточной информации о побудительных мотивах, действиях тех или иных людей мгновенно срабатывает, «расставляя все по полочкам», избавляя нас от неопределенности [Андреева, 1996].

Что касается детерминации стереотипизации и определения ее основных парадигм как психологического механизма межэтнического восприятия, то следует отметить, что в социальной психологии до сих пор существует неопределенность в изучении этого понятия. Например, российские психологи в основном больше заняты изучением различных стереотипов как субстанциональных, хотя и чисто ментальных образованиях, при этом значительно меньше внимания уделяют исследованию самого процесса стереотипизации. Лишь в последнее время здесь стали предприниматься попытки теоретического осмысления стереотипизации как механизма межгруппового восприятия и появились отдельные эмпирические исследования, посвященные изучению этой проблемы [Агеев, 1987, 1989]. Поэтому сегодня, как никогда, ощущается потребность в изучении этого динамического и процессуального аспекта межэтнического восприятия.

Выполняя функции внутригрупповой идентификации и межгрупповой дифференциации в процессе межэтнического восприятия, имеющей оценочный характер, стереотипизация способствует, с одной стороны, преувеличению (максимизации) воспринимаемых различий между национально-этническими группами, а, с другой - преуменьшению (минимизации) различий между членами одной и той же национально-этнической группы.

Однако сегодня многие представители психологии социального познания считают, что, ограничиваясь только таким подходом к изучению стереотипизации, невозможно адекватно объяснить всю палитру межэтнических отношений, не учитывая мотиваций всту-

пающих в них представителей различных национально-этнических групп.

Попытка выделения мотивационных функций стереотипизации была предпринята Ч.Стангором и Дж.Ланжем в рамках ассоциативной модели представлений о социальных группах, согласно которой «... стереотипные характеристики связаны с групповыми ярлыками в семантической памяти через ментальные ассоциации». Исходя из этого, они выдвигают предположение, что в качестве функций стереотипизации может выступать целый ряд мотивов: потребность в упрощении или точном понимании окружающей среды, в социальном принятии и коммуникации с «другими», стремлении сохранить нетронутыми ожидания, оправдать позитивную групповую идентичность, оправдать существующую социальную ситуацию или аттитюды [Stangor C., Lange J., 1994, P.357].

Следовательно, в психологическом плане не меньшую значимость приобретает мотивационная основа стереотипизации, понимаемая как сложное социально-психологическое явление. Соответственно именно этой стороне процесса стереотипизации в современных эмпирических исследованиях стало больше уделяться внимания, поскольку «пристрастность стереотипов», их оценочная поляризация в пользу своей национально-этнической группы – это первое, что сразу бросается в глаза. Принимая во внимание существование объективной потребности в «позитивной социальной идентификации», значимым моментом которой является возможность отличаться в лучшую сторону от других групп, можно представить ее результат: оценочная поляризация со знаком «плюс» относящаяся к своей группе, со знаком «минус» относящаяся к другой группе [Бодалев, Куницына, 1971, с.97].

Формирование таких представлений о своей и других национально-этнических группах можно понять, если экстраполировать их в плоскость операциональной формулировки процесса стереотипизации в его когнитивном аспекте, когда преувеличение межгрупповых различий и внутригруппового сходства в реальных условиях накладывается на уже имеющиеся мотивы и смыслы деятельности.

В ракурсе такого понимания когнитивных и мотивационных аспектов процесса стереотипизации можно утверждать, что с социально-психологической точки зрения процесс стереотипизации не релевантен этической антиномии «хорошо-плохо». Его основной целью

является способность быстро и просто категоризировать социальное окружении личности.

Такое понимание процесса стереотипизации не противоречит детерминации стереотипов как социального явления, так как речь идет не столько о двух различных уровнях социальной реальности, сколько о двух различных уровнях познания этой реальности – социальном и психологическом.

Определение детерминанты содержательной стороны стереотипов нужно искать не в психологических явлениях, а, прежде всего, в факторах социальной жизни, «именно враждебные, полные предубеждений этнические стереотипы, а не механизм стереотипизации сам по себе – явление сугубо отрицательное, способствующее стабильности основанных на господстве и подчинении межэтнических отношений» [Агеев, 1990, с.26].

Утверждение обратного означает психологизирование социальной действительности. В качестве подтверждения этого вывода можно привести примеры, когда наши собственные представления о своей национально-этнической группе, отличаясь позитивностью, являются такими же стереотипными, как и негативные аутгрупповые стереотипы. Поэтому нельзя видеть причину их содержательной негативной стороны в психологическом процессе стереотипизации, хотя нельзя отрицать, что этот процесс может способствовать формированию таких стереотипов, но только как механизм их формирования, а не как причина.

Процесс стереотипизации, являясь одним из самых универсальных механизмов межэтнического восприятия, может стать доминирующим на любом уровне межэтнического взаимодействия и межэтнических отношений в целом. Во всех межэтнических отношениях мы видим реализацию одного и того же социально-психологического феномена - стремление увеличивать воспринимаемые различия между национально-этническими группами и уменьшать различия между членами одной и той же национально-этнической группы.

Исходя из этих рассуждений, можно констатировать, что именно тенденция максимизации и минимизации особенностей своей и «другой» национально-этнических групп является самой значимой психологической характеристикой процесса стереотипизации в межэтнических отношениях, а не враждебность или предубежденность сами по себе, которые являются лишь частным случаем выра-

жения содержания стереотипа, а не характеристики самой стереотипизации как механизма социального восприятия, что соотносится с результатами других исследований [Малаева, 2000].

Поэтому следует понять, что, давая характеристику психологическим процессам, нельзя использовать оценочные категории. Однако нельзя отрицать, что относительно самого процесса стереотипизации частично применимы оценочные характеристики. Как замечает В.С.Агеев, это становится возможным, если спектр действия этого механизма неоправданно расширяется и переносится из межгрупповой плоскости, для которой только он и является адекватным, в межличностную. Тем самым он подменяет собой или «вытесняет» более гибкие, тонкие собственно межличностные – собственно межличностные механизмы восприятия [Агеев, 1989].

Для современной социальной психологии характерно отношение к стереотипизации как к рациональной форме познания, как частному случаю процесса категоризации. «Действительно, - отмечает Т.Г.Стефаненко, стереотипы – почти неизбежное последствие категоризации. Создавая социальные категории, мы фокусируемся на характеристиках, благодаря которым люди, принадлежащие к той или иной категории, воспринимаются похожими друг на друга и отличающимися от других людей» [Стефаненко, 2004, с.281].

Вместе с тем, отождествление стереотипизации как психологического механизма процесса познания с категоризацией было бы ошибочным. Во-первых, потому что стереотипизация не всегда является неизбежным последствием категоризации. Например, в реальной жизни на основе определенных черт и свойств можно идентифицировать человека как члена определенной национально-этнической группы, но при этом не приписывать ему какие-либо стереотипные качества. Во-вторых, нельзя забывать, что стереотипизация сама является последствием категоризации социальных объектов.

А.Тэшфел, изучая процессы категоризации в контексте теории социальной идентичности, сформулировал вывод, что категоризация социальных объектов отличается от категоризации объектов физического мира воздействием на нее отношений между группами. Определяя категоризацию как главный механизм формирования стереотипов, он утверждает, что когда мы говорим об этнических стереотипах, процесс категоризации не бывает нейтральным. Происходит «ассоциация» с предпочтением одной категории другой, с

одной категорией «хороший» и другой «плохой», с одной «лучше», с другой хуже» [Tajfel, 1971, p. 148].

К.Гуичи, развивая эти положения А.Тэшфела, пришел к выводу, что «...объяснение и оправдание отношений между группами как функции стереотипов обслуживают более общую функцию поддержания межгрупповой дифференциации» [Huici, 1984, с.592].

Дж.Тернер, работающий в парадигме исследования социальной идентичности, также изучает стереотипизацию с точки зрения самокатегоризации. Соотнося взгляды А.Тэшфела со своими исследованиями, он делает вывод, что стереотипы являются низшей формой представлений о социальной реальности, которые используются в качестве основы для ее восприятия и оценки только тогда, когда недостижимы высшие – более точные и индивидуализированные представления.

Однако следует отметить, что, если А.Тэшфела, прежде всего, интересует связанность человека с группой, то основу теоретического осмысления теории Дж.Тернера составляет проблема социальной самокатегоризации индивида. Именно с этих позиций он определяет стереотипизацию «как результат динамического и переменного процесса самокатегоризации, который предназначен для того, чтобы дать воспринимающим субъектам доступ к зависящим от контекста значениям стимулов» [Nolan et al., 1999, p.645].

Присущий данной концепции акцент на активной роли индивида в процессе стереотипизации ведет к выделению, кроме роли экономики, к пониманию того, что они представляют собой «...более полезные и более сложные способы восприятия, чем обычно думают». Более того, Дж.Тернер и его последователи утверждают, что стереотипизация существует не для того, чтобы экономить когнитивные ресурсы воспринимающего, а для того, чтобы отразить социальную реальность» [Nolan et al., 1999, p.645].

В ракурсе такого исследования в школе Дж.Тернера в качестве важной функции стереотипизации выделяется увеличение доступа к информации о субъективно реальном сходстве и различиях между национально-этническими группами в данном этносоциальном контексте.

Что касается традиционной психологии социального познания, то ее теоретики рассматривают стереотипы с точки зрения процесса обработки информации о социальных группах и их членах [Андрева, 1996]. В свете вышесказанного представляется логичным вы-

деление следующих функций стереотипизации: психологической, социально-психологической и социальной [Шибутани, Шихирев, Стефаненко].

Психологическая функция раскрывается в упрощении и систематизации, которую человек получает из окружающей его среды, а также в сохранении и защите ценностей индивида. Как отмечает Т.Г.Стефаненко, в социальной психологии познания очень долгое время уделяли большое внимание именно этой функции. Стереотипизацию видели, прежде всего, именно в когнитивной экономии, обеспечивающей индивидов максимумом информации при минимальном когнитивном усилии. Однако в связи с участвовавшей критикой такого взгляда на процесс стереотипизации, его сегодня рассматривают как средство постижения социального значения информации релевантного динамично изменяющемуся контексту [Стефаненко, 2006].

Что касается детерминации социально-психологической функции стереотипизации, то она реализуется в групповой идентификации и межгрупповой дифференциации, которая, как уже отмечалось, является оценочной.

Относительно социальных функций стереотипизации следует отметить, что они реализуются в двух аспектах - в объяснении существующих отношений между группами и в их оправдании.

Следовательно, объективным результатом стереотипизации является упрощенное, схематическое, иногда близкое к истинному, иногда искаженное представление действительности, выраженное в социальных стереотипах.

Сам термин «социальный стереотип» впервые был введен американским исследователем У.Липпманом, который использовал его для характеристики имеющегося знания о предмете на его восприятие и оценку при непосредственном контакте.

Проведенный анализ многочисленных подходов к исследованию стереотипов показал, что сегодня в современной зарубежной социально-психологической науке существует целый ряд дефиниций этого понятия. Определяясь теоретической ориентацией исследователя, на первый план выдвигаются разные понимания этого социально-психологического феномена.

Т.Шибутани определяет социальный стереотип как «популярное понятие, обозначающее приблизительную группировку людей,

с точки зрения какого-то легко различимого признака, поддерживаемое широко распространенными представлениями относительно свойств этих людей» [Шибутани, 1998, с.422].

Р.Таджури понимает под стереотипами склонность воспринимающего субъекта легко и быстро заключать воспринимаемого человека в определенные категории в зависимости от его возраста, пола, этнической принадлежности, национальности и профессии, и тем самым приписывать ему качества, которые считаются типичным для людей этой категории [Назырова, 2001].

А.Тэшфел, изучив и обобщив ряд дефиниций этого понятия, выделил следующие его основные характеристики:

- люди с легкостью проявляют готовность характеризовать обширные человеческие группы или «социальные категории» недифференцированными, грубыми и пристрастными признаками;
- такая категоризация стремится оставаться совершенно стабильной в течение очень длительного периода времени;
- социальные стереотипы в некоторой степени могут изменяться в зависимости от социальных, политических или экономических изменений, этот процесс происходит крайне медленно;
- социальные стереотипы становятся более отчетливыми и враждебными, когда возникает социальная напряженность между группами;
- они усваиваются очень рано и используются детьми задолго до возникновения ясных представлений о тех группах, к которым они относятся;
- социальные стереотипы не представляют большой проблемы, когда не существует явной враждебности в отношениях групп, но их в высшей степени трудно модифицировать и управлять в условиях значительной напряженности и конфликта [Tajfel, 1981].

В российской социально-психологической литературе также существует целый ряд дефиниций этого понятия. Наиболее известное принадлежит В.А.Ядову, утверждавшему, что стереотипы являются продуктом социальной среды и социального восприятия и поэтому их нужно рассматривать как стандартизованные образы или представления о социальных объектах, обладающих высокой устойчивостью [Ядов, 1993].

По мнению И.С.Кона, социальный стереотип – это неотъемлемый элемент обыденного сознания. Это схематический стандартизованный образ или представление о социальном явлении или объекте,

обычно эмоционально окрашенное и обладающее большой устойчивостью [Кон, 1998, с.8].

На наш взгляд, наиболее точное определение стереотипам с точки зрения социальной психологии было дано В.С.Агеевым, рассматривавшим их как упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо группы или общности с легкостью распространяемый на всех ее представителей [Агеев, 1990, с.208].

Предлагает свое видение этой проблемы и Т.Г.Стефаненко, для которой стереотипы – это упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «картинки» мира в голове человека, которые, во-первых, экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и, во-вторых, защищают его ценности, позиции и права. Они ориентируют человека в море социальной информации [Стефаненко, 2004, с.280].

Следуя логике такого понимания стереотипизации и стереотипов, можно утверждать, что процесс стереотипизации в первую очередь детерминирован стремлением человека «рассортировать» полученную им информацию, а стереотипы могут появляться на основе восприятия не всегда определяемого прямым опытом, но в то же время они влияют на формирование этого опыта. Здесь мы солидарны с выводами, сформулированными В.Дуазом [Дуаз, 1978], что стереотипизация представляет собой процесс приписывания сходных характеристик различным членам одной и той же группы без достаточного осознания возможных различий между ними.

Экстраполируя эти обобщения со взглядами Т.Петигрю, что межэтнические отношения определяются в значительной степени скорее «восприятием действительности, чем самой действительностью» [Петигрю, 1972, с.142], можно сделать вывод, что, изучая стереотипы в контексте межэтнических отношений, мы имеем дело с социально-психологическим явлением, детерминирующим эти отношения, исследуя стереотипизацию, мы изучаем процесс, определяющий психологические механизмы межэтнического восприятия.

Следовательно, можно констатировать, что от исследований, начатых У.Липпманом, сегодня в изучении стереотипов выделяется два основных направления. Первое - функциональное, в центре внимания которого находится изучение проблемы стереотипизации как социально-психологического механизма процесса восприятия,

второе - описательное, которое направлено на изучение содержания стереотипов и его основных характеристик.

Таким образом, необходимо четко понимать, что стереотипизация - это, прежде всего, психологический процесс, являющийся важным механизмом межэтнического восприятия, а стереотипы - это социально-психологическое явление.

Интерес исследователей к этим реалиям сознания является сегодня приоритетным вследствие того, что стереотипизация и стереотипы выполняют ряд важных функций, без которых не могут быть определены многие детерминанты, определяющие специфику межэтнического взаимодействия, особенности и характер межэтнических отношений. Особенно очевидно прикладное значение этих исследований в условиях нарастания межэтнической напряженности, с одной стороны, и адаптации и аккультурации – с другой.

3.2 Современные подходы к исследованию этнических стереотипов

Одной из самых значимых разновидностей социальных стереотипов являются этнические стереотипы, исследование которых имеет более, чем столетнюю историю. Еще в 1899 году вышла работа В. Дю Буа «Филадельфийский негр», посвященная этническому восприятию негров и белых представителями обеих этнических групп. Метод социального расстояния, разработанный С.Богардусом стал основой для создания теоретико-методологической базы изучения этнических стереотипов. Д.Кац и К.У.Брейли провели одно из первых эмпирических исследований этнических стереотипов с помощью созданного ими метода приписывания черт. Затем Г.М.Гильберт провел лонгитюдное исследование, в центре внимания которого были не столько сами этнические стереотипы, сколько динамика их трансформаций [*Петренко, Митина, 2000, с.36*].

Наиболее значимыми для детерминации основных парадигм этнических стереотипов стали исследования Т.Адорно, в которых он показал, что представители одной и той же этнической группы различаются по степени своей подверженности этнической стереотипизации. Им был описан тип личности, наиболее склонный к усвоению и распространению этнических стереотипов и предрассудков.

Проблема этнических стереотипов также была в центре внимания Т.Петтигрю, Дж.Уотсона, которые доказали, что в основе формирования этнических стереотипов лежит конформизм как безусловное подчинение сложившимся общественным нормам.

Тем не менее, несмотря на важность и значимость этих исследований, научный интерес к проблеме этнических стереотипов появился только в 50-60 – е годы «холодной войны», послужившей началом противостояния между двумя крупнейшими мировыми державами – СССР и США.

Что касается сегодняшнего дня, то современные реалии развития межнациональных отношений определяют значимость этой проблемы не только в теоретико-методологическом, но и в прикладном, эмпирическом значении. В этой связи следует отметить, что сегодня диапазон исследования этнических стереотипов значительно расширился, начиная с исследований, выполненных в контексте концепций этноцентризма и расовых предрассудков, когнитивистской ориентации и атрибутивного подхода, заканчивая современными кросс-культурными исследованиями. Не останавливаясь на изучении содержания этих концепций, отметим наиболее их приоритетные проблемы.

Во-первых, самой значимой стала проблема истинности этнических стереотипов. Начиная со времен У.Липпмана, признавалось, что неточность и ошибочность стереотипов является их главной характеристикой, хотя многие исследователи соглашались с тем, что стереотипы не всегда ложные, они могут быть и абсолютно истинными. Эта точка зрения получила развитие не в менее лестных характеристиках этнических стереотипов, которые рассматривались как прямая «дезинформация», «совокупность мифических представлений» [Шихирев, 1979].

Логика подобного отношения к проблеме истинности стереотипов привела О.Клайнберга к поиску и исследованиям «зерна истины», которое появляется, когда объем истинных знаний превышает объем ложных. Согласившись с этой гипотезой, Г.Триандис, Х.Дейкер и Н.Фрейда предложили свое видение проблемы «зерна истины» - этнические стереотипы истинны тогда, когда существует единодушное мнение двух национально-этнических групп относительно особенностей третьей. Исходя из такого понимания истинности стереотипов, они пришли к выводу, что основным признаком его истинности является степень согласованности между аутостереотипами этни-

ческой группы и приписываемым ей стереотипом [Дейкер, Фрейда, 1979. - с.35-44].

Во-вторых, вслед за гипотезой «зерна истины» получила развитие «гипотеза контакта», сформулированная Д.Кэмпбэллом, что более глубокие и длительные отношения и взаимодействия между группами приводят к большому удельному весу реальных черт в их взаимных стереотипах [Campbell, 1967].

Третья приоритетная проблема, получившая развитие в современных социально-психологических исследованиях, это проблема определения истинности, в качестве которой была предложена существующая согласованность между восприятием национально-этнической группы самой себя и ее восприятием другой группы.

В четвертых, многие исследователи [С.Ивао и Г.Триандис], анализируя результаты кросс-культурных исследований, проведенных в США и Японии, пришли к выводу, что точность взаимных этнических стереотипов будет значительно выше, чем больше сходства существует между культурами.

В пятых, для подтверждения точности стереотипов было предложено понятие атрибутивной валидности, критериями которой явилась их отчетливость, постоянство во времени, согласованность между членами группы в приписывании определенных черт другой группе.

Что касается современного взгляда на проблему истинности этнических стереотипов, то сегодня во многих социально-психологических концепциях выделяется лишь одна реальная возможность исследовать и доказать ее с помощью эмпирически проверяемой информации о характеристиках и особенностях той или иной национально-этнической группы.

Например, Т.Г.Стефаненко, обобщая взгляды ведущих российских ученых [Кона, 1966; Бодалева, 1983; Ядова, 1983] утверждает, что в российской психологии, где стереотип рассматривается как образ социального объекта, а не просто как мнение об этом объекте, никак не обусловленное объективными характеристиками последнего и всецело зависящее от воспринимающего (стереотипизирующего) субъекта, проблема истинности и устойчивости стереотипов решена [Стефаненко, 2004, с.288].

Эти идеи не новы и созвучны с исследованиями А.Н.Леонтьева, отмечавшего, что образ может быть более адекватным или менее

адекватным, более или менее полным, иногда даже ложным, но мы всегда его «вычерпываем» из реальности [Леонтьев, 1983, с.255]. Этот вывод можно дополнить утверждением П.Н.Шихирева, что «... главное в стереотипе – не сама истинность, а убежденность в ней, причем отличительной особенностью убежденности, сопутствующей стереотипу, является ее устойчивость, прочность» [Шихирев, 2000, с.116].

Тем не менее, следует отметить, что истинность и устойчивость этнических стереотипов относительна. Как заметил Л.Н.Гумилев «каждый этнос имеет свою собственную внутреннюю структуру и свой неповторимый стереотип поведения. Иногда структура и стереотип поведения меняются от поколения к поколению. Это указывает на то, что этнос развивается, а этногенез не затух. Иногда структура этноса стабильна, потому, что новое поколение «воспроизводит жизненный цикл предшествовавшего». Такие этносы, по мнению Гумилева, можно назвать персистентами, т.е. пережившими себя. Стереотип «меняется то медленно и постепенно, то очень быстро» [Гумилев, 1997, с.120]. Эти положения известного ученого наглядно иллюстрирует, что изменение стереотипа во многом детерминировано изменениями этнокультурной среды, включающей в себя политическую и экономическую формацию, политические институты, когда происходит качественная перестройка многих аспектов этнических взаимоотношений.

В реальности мы часто являемся свидетелями того, как изменение отношений между национально-этническими группами, появление новой, особенно негативной информации, приводит к изменению содержания стереотипов, как это произошло, например, со стереотипами американцев после войны в Ираке или россиян после военных операций в Чечне. Вследствие такой «чувствительности» этнических стереотипов» к изменениям в области межэтнических отношений, проблема их истинности и устойчивости остается нерешенной. Вполне допустимо, что в операциональном плане ее решение детерминировано поисками ответов на вопрос, чем определяется содержание этнического стереотипа - реальными особенностями стереотипизируемой или стереотипизирующей групп, участвующих в межэтническом взаимодействии и строящих определенные отношения друг с другом?

Изучая этнические стереотипы в контексте межэтнических отношений, нельзя однозначно утверждать, что прямые контакты раз-

рушают и размывают их. Не всякое межэтническое взаимодействие способствует разрушению негативных этнических стереотипов.

По мнению И.Кона, на протяжении всей истории человечества дефицит сотрудничества, взаимное непонимание, негативные стереотипы, основанные на плохом знании друг друга, являлись причиной недоверия между народами. Предубежденность, подозрительность, напряженность и враждебность были, за редким исключением, постоянными спутниками отношений между государствами и народами [Кон, 1998].

Если в межэтнических отношениях существует напряженность между национально-этническими группами, то непосредственное взаимодействие может только усилить существующие взаимные негативные характеристики.

В то же время межэтническое взаимодействие будет способствовать развитию позитивных стереотипов в том случае, если отсутствует напряженность и конфликты в отношениях между группами, если признается равенство этнических статусов этих групп, если принимаются нормы и ценности друг друга.

Однако даже при реализации этих условий, способствующих укреплению межэтнического взаимодействия, стереотипы меняются только на фоне особой мотивации, вовлеченных в них индивидов. Свидетельством этого являются результаты исследований Г.У.Солдатовой, которая, изучая влияние производственного взаимодействия членов студенческого строительного отряда на этнические стереотипы, пришла к выводу, что «многонациональный трудовой коллектив – это социальная среда, в высшей степени, способствующая снижению значимости негативных этнических стереотипов». При этом она отмечает, что совместная деятельность сама по себе не ведет к «разрушению» негативных этнических стереотипов». Большую значимость при этом имеет организация совместной деятельности и особенно ее успешность. Но успешность исследования этих параметров на уровне межличностных отношений представителей различных этнических общностей не позволяет выявить глубинные причины устойчивости или изменчивости стереотипов в контексте тех или иных широких межэтнических отношений [Кцоева, 1985, с.15].

Большинство исследователей [Тэшфел, Тернер, Кэмбелл] утверждают, что глубинные механизмы, детерминирующие содержание сте-

реотипов и степень их устойчивости, определяются влиянием двух социально-психологических феноменов сознания.

Во-первых, под влиянием конкретизации, которая реализуется в стремлении ассоциировать абстрактные понятия с конкретными образами, и, во-вторых, упрощением или выделением одного или нескольких доминирующих признаков в качестве ведущих. Вследствие этого, человек может фиксировать в своем сознании воздействие факторов внешней социальной среды, которое реализуется в мышлении, эмоциях и чувствах, в поведении. Это дает право исследовать этнические стереотипы как взаимосвязь трех составляющих их компонентов – когнитивного, описывающего содержание стереотипа, аффективного, выражающего отношение индивида к объекту познания и поведенческого, включающего предписание к действию в отношении представителей той или иной национально-этнической группы.

В ракурсе исследования когнитивного компонента, механизм формирования которого до конца не выяснен, в первую очередь, изучается внутреннее содержание этнических стереотипов. Однако в реальности часто из-за ограниченности межэтнического взаимодействия восприятие и познание другой национально-этнической группы происходит на основе абсолютизации и переноса черт, свойственных отдельным ее представителям на группу в целом. Вследствие этого, содержательный компонент этнических стереотипов является не всегда точным и полным, особенно тогда, когда информацию о другой группе получают без непосредственных контактов. В этом случае отмечает Ю.В. Бромлей, этническое сознание «не только абсолютизирует некоторые действительно имеющиеся этнические свойства, но и склонно приписывать как «своему», так и «чужим» этносам несуществующие черты...» [Бромлей, 1983, с. 92]. Тем не менее, необходимо отметить подобное несоответствие не мешает этническим стереотипам выполнять роль не только привычного способа видения, но и привычного образа действия.

Что касается аффективного компонента этнических стереотипов, то он реализуется в позитивном или негативном отношении индивида к объекту познания и тем самым придает стереотипу оценочный характер. Изучение этого компонента этнических стереотипов способствует детерминации типичных эмоциональных реакций на

какие-либо этнические объекты. Вследствие этого, даже первоначальное поверхностное знание об этническом объекте благоприятствует формированию определенного отношения - симпатии, антипатии или безразличия к представителям другой группы [*Солдатова*, 1989].

Констатация и оценка психологических особенностей «другой» национально-этнической группы способствует формированию определенного поведения по отношению к этой группе. Часто, опираясь на недостаточно развернутую информацию о представителях другой национально-этнической группы, мы формируем отрицательный этнический стереотип (контрстереотип), который затем реализуется в соответствующем негативном поведении по отношению ко всем ее представителям.

Следует отметить, что одной из значимых особенностей этнических стереотипов является, имеющее место несоответствие вербального и реального поведения, известного в психологии как расхождение между ценностными ориентациями и явным поведением. Негативная оценка представителей чужой национально-этнической группы и выраженная в ней враждебность на вербальном уровне не всегда может раскрыться в реальном поведении, как это произошло в экспериментах Р.Лапьера.

В ракурсе такого понимания этнических стереотипов можно утверждать, что фиксация воздействий внешней среды на них осуществляется по трем уровням: когнитивному, аффективному и поведенческому. В результате этих воздействий личность вырабатывает определенное отношение к тем или иным группам и, исходя из этого, действует определенным образом.

Считается, что между этими компонентами, детерминирующими содержание и реализацию стереотипов, существует взаимосвязь. Еще в свое время У.Липпман указывал, чем тверже выражена оценка, тем большую эмоцию вызывает любая попытка подвергнуть ее сомнению и, наоборот, чем интенсивнее эмоция, тем категоричнее выражающее ее мнение.

И.С.Кон подчеркивал, что этнические стереотипы «не просто суммируют определенные сведения, но и выражают эмоциональное отношение к объекту» [*Кон*, 1971, с.150], так как даже простое описание черт содержит оценочный компонент.

Следовательно, можно сделать вывод, что содержание этих основных компонентов этнических стереотипов определяется следующими характеристиками:

- содержанием, включающим свойства и основные характеристики, приписываемых какой-либо национально-этнической группе;
- единообразием, реализующимся в степени согласованности в приписывании черт определенной национально-этнической группе;
- направленностью, выражающейся в общем позитивном или негативном восприятии объекта стереотипизирования;
- интенсивностью, реализующейся в степени предубежденности по отношению к стереотипизируемой группе, отраженной в стереотипе

В социальной психологии принято считать, что все эти характеристики взаимосвязаны. Например, при проведении эмпирических исследований Г.М.Андреевой было обнаружено существование зависимости между интенсивностью и степенью единообразия этнических стереотипов [Андреева, 1996].

Таким образом, исходя из теоретико-методологического анализа, можно сделать вывод, что этнические стереотипы – это образы национально-этнических общностей, которые являются отражением иногда в искаженном или трансформированном виде объективной этнической реальности, свойств взаимодействующих групп, реализующихся в определенных отношениях между ними.

Логика дальнейшего исследования этнических стереотипов в контексте межэтнического восприятия, направляет нас к поиску понятий, определяющих основные типы этнических стереотипов – автостереотипов и гетеростереотипов.

Основу нашего теоретического осмысления этой проблемы составило представление, что автостереотипы – это субъективная самохарактеристика национально-этнической группы, которая раскрывается в мнениях, суждениях, оценках, соотносимых к своей собственной национально-этнической общности и к ее представителям. При детерминации образа собственной национально-этнической группы, как и отдельных ее представителей раскрывается значимая особенность автостереотипов – преобладание позитивных оценок.

Что касается определения особенностей гетеростереотипов, то они, представляя собой, совокупность оценочных суждений о представителях других национально-этнических групп, могут быть, как

позитивными, так и негативными, в зависимости от характера и особенностей межэтнических отношений, складывающихся между группами. Вследствие этого, гетеростереотипы могут отличаться от собственных представлений этноса о себе.

Проведенные исследования Г.У.Солдатовой, В.Г. Крысько, Л.С.Назыровой показали, что авто- и гетеростереотипы взаимосвязаны и взаимозависимы между собой, потому что на восприятие типичных свойств и черт своей национально-этнической группы влияют воспринимаемые свойства других групп, с которыми она чаще всего контактирует, а выделение характеристик «чужих» этногрупп реализуется путем сопоставления их с особенностями своей группы.

Если экстраполировать эти положения с выводами зарубежных и других российских исследователей, то в качестве основных функций авто- и гетеростереотипов можно выделить следующие: экономия усилий в повседневном мышлении и защита групповых ценностей [У.Липпман]; защита традиционных представлений и чувство безопасности [В.П.Трусов]; воссоздание типичных для каждого этноса свойств [Ю.В.Бромлей]; стабилизация социальной дистанции между этносами [Т.Шибутани]; внутренние организации социальных групп [В.Дуаз]; объяснение существующих отношений между группами, в том числе, и поиск причин сложных и обычно печальных социальных событий; оправдание наличных межэтнических отношений [Г.Тэшфел]; межгрупповая дифференциация на когнитивном уровне, трансляция культурно-исторического опыта [В.С.Агеев]. Кроме того, В.Ф.Петренко считает, что автостереотип является средством для категоризации, описания и оценивания других людей, выступая в качестве эталона для самосознания индивида [Петренко, 2000, с.41].

Т.Г.Стефаненко к предложенным функциям авто- и гетеростереотипов добавляет функцию сохранения постоянства существующих социальных отношений, требующей жесткой фиксации представлений относительно этнической структуры общества и приспособления отдельного индивида к меняющимся социальным условиям, что предполагает изменчивость актуально осознаваемых этнических стереотипов [Стефаненко, 2006].

Г.У.Солдатова, исследуя авто- и гетеростереотипы в условиях межэтнической напряженности, выделяет следующие их отличия: во-пер-

вых, гетеростереотипы по содержанию более «гомогенны и монолитны», чем автостереотипы, которые более разнообразны и комплексны. Эта разница, считает она, определяется дефицитом информации в первом случае и детализированным знанием во втором.

Вследствие этого, поведение на выходе в межэтническом контексте имеет меньше степени свободы, чем внутригрупповое поведение. Более того, неоднородность автостереотипов определяется тем, что они почти всегда включают в себя относительно самостоятельные внутриэтнические прообразы, как, например, у казахов деление на Старший, Средний и Младший жузы, у узбеков - на ташкентских, бухарских, кашкадарьинских узбеков и др. Во-вторых, вследствие того, что большинство индивидов, как правило, относятся к собственной национально-этнической группе позитивно, то их автостереотипы в основном позитивны.

Что касается гетеростереотипов, то они могут быть разными, от позитивных до негативных.

Третье отличие автостереотипа от гетеростереотипа детерминруется тем, что в автостереотип попадают признаки «культурно одобряемые», в то время как гетеростереотип служит резервуаром для отрицательных качеств, нежелательных в собственной культуре и поэтому отчуждаемых [Солдатова, 1998].

Тем не менее, сам этнический стереотип, отмечает Г.У.Солдатова, внутренне диалогичен. Его основные структурные компоненты - автостереотипы и гетеростереотипы, взаимодействуя, достигают определенного уровня сбалансированности. Именно в силу свойственной ему диалогичности этнический стереотип в этноконтактной ситуации рассматривается как основа процесса активизации межэтнического взаимопонимания [Солдатова, 1998].

Вследствие этого, выделяемые различия между авто-и гетеростереотипами можно рассматривать как отражение реального межэтнического восприятия и реально сложившихся между группами межэтнических отношений.

В ракурсе такого понимания содержания авто- и гетеростереотипов можно утверждать, что только на основе их сопоставления можно дать полную характеристику межэтническому восприятию и взаимодействию между национально-этническими группами.

В современной социальной психологии принято выделять четыре основные формы сопоставления авто- и гетеростереотипов, некоторые из которых представляют определенную ценность при проведении

нашего кросс-культурного исследования этнических стереотипов в контексте исследования структуры межэтнических отношений.

Первая форма сопоставления предполагает совпадение по схеме $A_1 + \Gamma_2$, при которой происходит сравнении представлений о собственной национально-этнической группе (A_1) с представлениями других о ней (Γ_2). Если автостереотип представляет образ группы для других, а гетеростереотип «образ других для нас», то совпадения семантических структур этих образований являются отражением межэтнического понимания.

При сравнении авто- и гетеростереотипов по схеме $A_1 + \Gamma_1$ «Мы-образ» национально-этнической службы этнической группы (A_1) сравнивается с ее представлениями о другой группе (Γ_1). В этом случае близость между группами рассматривается как субъективная психологическая дистанция.

При сравнении авто- и гетеростереотипов по схеме $A_1 + A_2$ происходит сравнение представлений о самих себе, которое содержит анализ совпадений не внутри семантического поля одной группы, а в новом межгрупповом семантическом пространстве. Этот показатель сходства назван Г.У.Солдатовой объективной психологической дистанцией, который определяет степень культурной дифференциации, отражая глубину психологической разделенности или наоборот, общности.

Четвертый вариант предполагает совпадение по схеме $\Gamma_1 + \Gamma_2$, которая является отражением тождественности между представлениями национально-этнических групп друг о друге и уровня соответствия их взаимных ожиданий.

Следует отметить, что, несмотря на то, что многими учеными отмечается устойчивость и ригидность авто- и гетеростереотипов, тем не менее, нельзя отрицать, что существуют такие социально-психологические феномены, способствующие изменению их аффективного и когнитивного компонентов. Например, В.С. Агеев в качестве такого феномена выдвигает амбивалентность этнических стереотипов. Возражая Г.У. Солдатовой, связывающей амбивалентность стереотипа со степенью его эмоциональной определенности, он предлагает свое видение этой проблемы; стереотипы, отражающие противоречивую реальность, считает он, не могут не быть амбивалентными, однако амбивалентность в восприятии этнических групп не обязательно сопровождается эмоциональной неопределенностью. Более того, считает он «когнитивная и эмоциональная амбивалентность,

по-видимому, является неотъемлемой сущностной характеристикой этностереотипа как такового» [Азеев, 1990, с.150].

Вместе с тем, нельзя отрицать возможность изменения когнитивного компонента авто- и гетеростереотипа, которое может происходить параллельно с изменением отношения человека к представителям той или другой национально-этнической группы. Это дает нам основание говорить об относительности качеств, составляющих их содержание.

Следовательно, если авто- и гетеростереотипы подвержены изменениям, обусловленным характером отношений, связывающих те или иные национально-этнические группы, то следует отметить относительность их содержания, которая реализуется в избирательном фиксировании существенных на данном этапе взаимодействия характеристик. Относительность как характеристика этнических стереотипов может проявляться также в том, что, они, отражая мнение большинства о тех или иных особенностях представителей различных национально-этнических общностей, тем не менее, у некоторых индивидов могут отличаться от общепринятых представлений.

В контексте такого понимания, можно предполагать, что при равных смысловых установках у групп испытуемых или при трансформации актуального смысла у одного и того же человека могут наблюдаться различия в стереотипах.

Вместе с тем, многие ученые в ходе проведения эмпирических исследований констатируют, что преобразование этнических стереотипов при изменении актуальных смыслов у испытуемых происходит вследствие изменения степени удовлетворенности базовых потребностей индивида, когда меняется смена социальной позиции; осуществляется преобразование представления о выполняемой деятельности на уровне межгосударственных отношений, на уровне межэтнического и межгруппового взаимодействия, на уровне выполняемого задания. Уровень удовлетворенности социальных потребностей человека при этом приводит к увеличению числа людей с позитивными авто- и гетеростереотипами.

Сегодня наиболее исследованными являются те ситуации, когда преобразование авто- и гетеростереотипов происходит на уровне межгруппового взаимодействия, определяющую роль в котором играет прошлый опыт общения с представителями другой национально-этнической группы. Если этот опыт был негативным, а отношения - враждебными, то, как правило, такое отношение автоматически переносится на каждого вновь встреченного представителя данной

группы, чем и задается негативная установка, в соответствии с которой строится негативный образ, определяющий гетеростереотип.

То, что реальные межэтнические отношения оказывают влияние на стереотипы, не требует особых доказательств. Именно от характера отношений – сотрудничества или соперничества выявляются такие основные измерения стереотипов, как содержание, направленность и степень благоприятности, а, в конечном счете, и степень их истинности [Стефаненко, 2004].

В случае конфликта между группами строятся их полярные образы, когда себе приписываются позитивные качества, а врагам – противоположные, негативные. Такие стереотипы являются эмпирическим индикатором межгрупповой дифференциации в форме противопоставления, в которых находит отражение этническая гетерогенность.

М. Шериф в ходе проведения своих экспериментов по изучению межгруппового взаимодействия показал, как реальный межгрупповой конфликт может стать причиной проявления враждебности и негативных гетеростереотипов, тогда как объединение групп ради общих целей приводит к созданию дружеских отношений вопреки рамкам группового членства.

Тенденция к межэтническому противопоставлению может проявляться и тогда, когда почти одинаковые по смысловому значению качества оцениваются по-разному в зависимости от того, приписываются ли они своей или чужой группе. Как показывают исследования, как правило, для своей группы выбирается позитивный ярлык, а при описании этой же черты, присущей чужой группе – негативный.

Этноцентрические тенденции могут еще более сглаживаться в тех ситуациях, когда дифференциация осуществляется путем сопоставления двух групп через построение взаимодополняющих образов, когда ни одно из качеств не только не повторяется, но и все они принадлежат бинарным оппозициям [Белинская, Стефаненко, 2000, с.116]. Вследствие этого, исследователи большое внимание уделяют изучению тех причин, которые способствуют преобразованию этнических стереотипов, среди которых, прежде всего, выделяют одинаковый статус групп, общие цели, зависимость от сотрудничества друг с другом, поддержка таких отношений властями, законом или принятыми обычаями, увеличение информированности о партнере по общению, сильные эмоциональные впечатления и некоторые другие факторы групповой динамики.

Однако, как показали результаты эксперимента В.С.Агеева, непосредственное общение между представителями этнических групп не всегда может вызвать изменения когнитивной составляющей гетеростереотипа. Более того, сегодня есть данные, подтверждающие, что снижение негативности стереотипов носит временный характер, или, как утверждают представители когнитивистского направления происходит преобразование аттитудов на период достижения общих целей, тогда как сами этнические представления остаются прежними.

С точки зрения А. Тэшфела, это происходит в результате растворения межгрупповых границ и переинтерпретации категорийного членства, сопровождающего формирование объединяющей группы. В этом случае, согласно А. Тэшфелу и Дж Тернеру, категоризация межгруппового взаимодействия заменяется межперсональным. А поскольку возможен и обратный процесс, то изменение успешности выполняемых действий на межличностном уровне общения чаще всего приводит к перекатегоризации этого уровня на межгрупповой с актуализацией соответствующих представлений [Сушков, 1994, с. 156].

Трансформация отношения к межэтническому восприятию и взаимодействию могут происходить и при смене парадигмы межгосударственных отношений, как это сегодня происходит в отношениях России с Грузией и др. Однако следует отметить, что на этом уровне может происходить лишь частичное преобразование этнических стереотипов.

В.С.Агеев, например, обнаружил, что причины общественно-политического и историко-культурного порядка отражаются на межгрупповых параметрах этнического стереотипа, в то время как детерминация внутригрупповых субъективных измерений социальными факторами не является столь однозначной и прямой [Агеев, 1990].

И, наконец, этнические стереотипы подвержены изменениям на уровне выполняемого задания.

В ракурсе этих рассуждений можно сделать вывод, что этнические стереотипы определяются рядом свойств, с помощью которых они способствуют приспособлению индивидов к меняющимся социальным и политическим условиям, например: амбивалентность, относительность и эффект поляризации, которые

позволяют в соответствии с актуальным смыслом индивида отражать изменчивый окружающий мир. Существование частичных преобразований содержания и направленности этнических стереотипов, соответствующих изменениям актуального смысла индивида в ходе межэтнического взаимодействия, создают основу для предположения о возможности на уровне этнических стереотипов построения различных форм восприятия одной и той же ситуации межэтнических отношений.

Г.М.Андреева, исследуя перцептивные процессы межгрупповых отношений, указывает, что образ других групп часто упрощается, складывается под влиянием межэтнических отношений, формирующих особую установку на представителя другой группы [Андреева, 1996]. Наиболее часто этнический стереотип формируется из-за ограниченности межэтнического контакта, вследствие чего черты, присущие отдельным представителям той или другой национально-этнической группы, распространяются на всю группу. В результате этого мы получаем набор приблизительных, не всегда точных характеристик, что в определенных политических условиях умело используется некоторыми политическими силами для достижения своих целей.

Распад Советского Союза, последующее за ним возникновение новых государств на территории всего постсоветского пространства, сопровождающееся этническими конфликтами и развитием напряженности в межэтнических отношениях, привели к осознанию необходимости проведения изучения этнических стереотипов как формы отражения в массовом и бытовом сознании состояния этих отношений. В связи с этим в последнее время появилось много оригинальных работ П.Н. Шихирева, В.Н. Павленко, Е.И.Шлягиной, В.Ф.Петренко, Т.Г.Стефаненко, Г.У.Солдатовой и других.

Особый интерес представляют исследования В.Ф.Петренко, который провел психосемантический анализ этнических стереотипов – авто - и гетеростереотипов российских студентов на основе оценивания образов 34 национальностей с помощью 75 однополюсных дескрипторов по семибалльным градуальным шкалам. При проведении исследования категориальной структуры обыденного, житейского сознания в сфере межличностного восприятия у представителей еврейского этноса он использовал технику построения семантического пространства на базе фразеологизмов [Петренко, Митина и др., 2000, с. 73].

Что касается изучения этнических стереотипов непосредственно в Республике Казахстан, то начало им было положено М.А Исаковой, которая в 1982 г. впервые провела исследование среди студентов казахстанских вузов. По итогам эксперимента ею были составлены авто - и гетеростереотипы казахов и русских. В 1999 году на базе КазНУ имени аль-Фараби было проведено изучение социальных установок по отношению к иностранцам как проявление этнического стереотипа. В исследовании изучалась генерализованная установка индивида по отношению к определенной этнической группе и выявление степени приемлимости этнических групп для индивида [*Сатыбалдина*, 1999, с. 44-46].

На базе Алматинского государственного университета им. Абая было проведено кросс-культурное исследование функциональной природы этнических стереотипов, результаты которого показали, что автостереотип русских гораздо более позитивен, чем автостереотип казахов. И, наоборот, гетеростереотип русских имеет более негативную окраску, чем гетеростереотип казахов, что касается авто - и гетеростереотипа казахов, то они в принципе не различаются.

Проведенное в 2001 году на базе Российско-Казахстанского университета, кросс-культурное исследование этнических стереотипов на основе «Диагностического теста отношений», показало произошедшие трансформации в авто- и гетеростереотипах казахов и русских в позитивную сторону.

Для поиска причин трансформаций стереотипов мы обратились к анализу социально-экономических, политических событий, характерных для тех лет. Во – первых, это война России в Чечне, которая привела к падению авторитета России как справедливой державы не только в глазах международной общественности, но и русских, проживающих вне России. Во-вторых, постоянно нарастающая угроза миру со стороны различных радикальных мусульманских движений в Узбекистане, Таджикистане, Киргизии, очаги напряженности в других странах бывшего Союза. На фоне подобного социально-политического напряжения Казахстан представлялся островком мира и согласия, где сохранились возможности для межэтнической и межкультурной интеграции. Тем более, в те годы впервые была озвучена идея общеказахстанского менталитета, прозвучавшая с самых высоких трибун.

Исходя из этих рассуждений, наполняя конкретикой изучение этнических стереотипов в ракурсе исследования межэтнических отношений, можно сформулировать вывод, что на динамику изменения этнических стереотипов влияют социально-политические события, отражающие в свою очередь состояние межэтнических отношений. Поэтому этнические стереотипы могут использоваться в качестве одной из форм проведения мониторинга этих отношений.

Совершенно прав В.Ф.Петренко, говоря, что результаты подобных исследований предназначены для специалистов, для их «внутреннего пользования», ибо тиражирование их для массового читателя, учитывая их субъективный и часто предвзятый характер, похоже на пересказ сплетни: «а вот «Х» так-то думает об «Y», и сама фиксация негативных оценок может только способствовать их распространению. Поэтому необходимо воспитывать интерес и уважение как к своей истории, культуре, так к другим при идентификации со своей собственной и чувстве ответственности за ее развитие, что возможно при формировании планетарного сознания, с его сопричастностью всему происходящему в Мире. Путь это не простой и требующий как ресурсов, так и целенаправленной политики государства и общества в развитии образования и культуры [Петренко, Митина и др., 2000.с.68].

3. 3 Кросс-культурное эмпирическое исследование специфики проявления этнических стереотипов

Эмпирическое исследование содержания этнических стереотипов представителей казахского и русского этносов, выявление специфики их проявления в межэтническом восприятии проводилось в рамках программы кросс-культурного исследования структуры межэтнических отношений. Теоретико-методологической основой этой части программы послужила разработанная Г.М.Андреевой [Андреева, 1997] и развиваемая В.С.Агеевым [Агеев, 1998] схема социальной перцепции. При проведении эмпирической работы использовались основные принципы и методы построения социально-психологических исследований, выделенные В.Ф.Петренко.

Предметом исследования явились основные характеристики содержания и направленности авто- и гетеростереотипов. Объектом исследования выступили представители казахстанской студенческой молодежи. В пилотажном и в основном исследовании было оп-

рошено 200 студентов Казахского национального университета им. аль-Фараби, Южно-Казахстанского государственного университета им. М.О.Ауезова и Актюбинского государственного педагогического института.

В исследовании был использован целый ряд психологических методик - методика свободного описания, методы прямого опроса, модифицированные разновидности психосемантических методик (метод семантического дифференциала, метод реконструкции семантических пространств, диагностический тест отношений). Само эмпирическое исследование этнических стереотипов состояло из нескольких последовательных этапов.

На первом этапе исследования, направленном на изучение содержание стереотипов типичных казахов и типичных русских, была использована модифицированная методика «Приписывание качеств», предложенная Д.Кацом и К.Брейли. В результате проведенного исследования были получены свободные описания – портреты типичного представителя казахского этноса и типичного представителя русского этноса. В качестве инструмента для обработки полученных данных выступил контент-анализ как основной метод качественно-количественного анализа документов. При этом качественными единицами анализа выступили выделенные категории и их индикаторы.

Полученные в ходе опроса характеристики были обобщены и классифицированы по следующим категориям: 1) внешность – описание внешнего облика, типичного для представителей казахской и русской этнической группы; 2) разделение «свой - чужой» - использование фиксации отличия или принадлежности к аут - или ингруппе без уточнения их содержания; 3) фактические признаки – характеристики, связанные с констатацией особенностей группы, не несущие эмоциональной окраски; 4) эмоционально-оценочные суждения – указания на собственное отношение и эмоциональную окраску этнической группы по типу «нравится – не нравится», «хороший - плохой»; 5) межэтнические отношения – предполагаемое личностью отношение к данной группе со стороны других групп; 6) социально-психологические характеристики – описание представителей группы через приписывание им типичных, с точки зрения респондента, социально-психологических особенностей; 7) отсутствие специфического - показатель того, что представители

казахского и русского этноса ничем особым не отличаются друг от друга (см. таблицу 3).

Таблица 3

Представленность характеристик в % к общему количеству слов, названных при описании казахской и русской группы

Тип характеристик	Этнические группы	
	казахи	русские
Внешность	6,7	8,2
Разделение «свой - чужой»	21,5	29,9
Фактические признаки	5,8	4,7
Эмоционально-оценочные суждения	4,3	5,6
Межэтнические отношения	5,2	1,8
Социально-психологические качества	55,9	49,7
Отсутствие специфического	0,6	0,1

Данная таблица наглядно показала, что при восприятии и описании представителей казахской или русской национально-этнической группы по частоте употребления идут социально-психологические категории, после которых идут категории, фиксирующие деление «свой-чужой», третье место заняли категории, описывающие внешность. Меньше всего были представлены характеристики, указывающие на отсутствие специфического.

В связи с тем, что в рамках кросс-культурного исследования наибольшую ценность для нас представлял социально-психологический портрет типичного представителя казахского и русского этносов, то анализу была подвергнута лишь категория «социально-психоло-

гические». На основании полученных характеристик, содержащих одно слово или целое предложение производился подсчет частоты упоминаний этой категории. По результатам контент-анализа в целом и последующего ранжирования наиболее часто фиксируемых респондентами характеристик составлялся психологический портрет типичного казаха и типичного русского, который по своей сути своей явился модальной или базовой личностью.

При использовании данной методики мы исходили из того, что ее основная цель заключается в том, что при познании другого человека субъект не только указывает на определенные психологические качества, но и оценивает степень их выраженности у познаваемого объекта, в роли которого может выступать как отдельная личность, так и целая национально-этническая группа. В этом случае оценка качеств является отражением отношения познающего субъекта.

В связи с этим все наиболее часто употребляющиеся социально-психологические характеристики были разделены на позитивные и негативные. Под позитивными понимались те психологические особенности, которые являются одобряемыми и принимаемыми в нашем обществе. Информация о доле позитивных характеристик, выделенных студентами, отражена в таблице 4.

Таблица 4

**Количество обобщенных позитивных характеристик
(в % к общему числу социально-психологических
особенностей), отмеченных студентами**

Название вуза	Казахи	Русские
КазНУим.аль-Фараби	99,5	99,8
ЮКГУ им.М.О.Ауэзова	99,8	99,5
АГПИ	99,0	99,2
Среднее значение	99,4	99,5

Таким образом, когнитивный компонент этнических стереотипов анализировался с точки зрения составленного студентами содержания психологического портрета типичного представителя казахского этноса и типичного представителя русского этноса.

На втором этапе исследования, направленном на эмпирическое изучение аффективного компонента этнических стереотипов, обуславливающего позитивное или негативное отношение к выделенным особенностям этнических стереотипов типичного казаха и типичного русского и придающим им оценочный характер, была использована методика, сконструированная на основе «Метода семантического дифференциала», разработанного Ч.Осгудом для количественного измерения субъективных значений понятий. Эта методика основана на том, что если для каждой из личностных характеристик подобрать семантически ей противоположную, тогда можно получить шкалу биполярных признаков, оба полюса которой содержат связанные между собой дескриптивный и оценочный компоненты. Порядок расположения личностных характеристик внутри каждой пары определяется случайным образом, чтобы избежать сдвига в сторону ответной реакции респондентов.

Для установления качественных и количественных показателей отношения респондентов к социальным объектам им предъявляются наборы альтернативных ответов и просят отметить на шкале позицию, соответствующую направлению и интенсивности их суждений. Если респондент позитивно оценивает объект, его оценка будет приближаться к позитивному полюсу, если испытуемый негативно оценивает объект, то его оценка будет смещаться к негативному полюсу.

Вследствие этого, используемая нами модифицированная методика семантического дифференциала, позволила не только получить содержательное описание стереотипа типичных представителей казахской и русской национально-этнической группы, но и количественно измерить составляющие образа их типичных представителей.

При проведении исследования для нас было важным, чтобы студенческая молодежь, участвующая на втором этапе опроса использовала те вербальные ярлыки, которые для нее также значимы, как и для первой группы испытуемых и которыми она постоянно пользуется в своем лексиконе. В связи с этим на втором этапе исследова-

ния были использованы те характеристики, которые были получены нами при проведении метода свободного описания типичных казахов и типичных русских. Мы считали, что полученная таким образом неструктурированная информация является более соответствующей истинным мнениям опрашиваемой студенческой молодежи, чем просто навязанный набор определенных качеств. Однако мы не могли ограничиваться только этими характеристиками, поэтому в методику были включены качества, которые в целом высоко оцениваются студентами безотносительно их представленности в той или иной национально-этнической группе.

Это позволило сконструировать шкалы, содержащие выделенные студентами социально-психологические качества. Всего было составлено 30 шкал, включающих 30 пар личностных прилагательных как наиболее значимых для всех испытуемых студентов. При определении этого числа шкал мы исходили из понимания, что при уменьшении числа сопоставляемых признаков интерпретация может быть некорректной и поверхностной, и, наоборот, при увеличении числа пар результаты теста могут быть искажены утомлением испытуемого от однообразной работы.

В качестве испытуемых в основном исследовании выступили 150 студентов КазНУ, ЮКГУ и АГПИ - по 50 человек из каждого вуза (из них по 25 казахов и по 25 русских). При этом основные характеристики предъявлялись студентам в двух вариантах, в одном из них позитивные и негативные характеристики располагались на одном полюсе, а во втором – на обоих полюсах шкал в случайном порядке. Это было сделано с целью ослабить момент прямого «наделения» представителей казахской и русской национально-этнической группы определенными качествами и смягчить влияние социальной желательности на ответы испытуемых.

Таким образом, на втором этапе исследования этнических стереотипов испытуемым студентам предлагалось последовательно оценить по предложенным характеристикам типичных представителей казахской и русской национальности по 7-балльной шкале. Сравнительный анализ проводился на основе усредненных значений семибалльных оценок по предложенному перечню личностных характеристик.

Полученные результаты тестирования во всех вариантах его применения, когда позитивные и негативные характеристики располагались на одном полюсе, а во втором варианте – на обоих полюсах шкал вразброс, подтвердили в первую очередь эффект обратного влияния: самооценка на уровне автостереотипа обусловлена оценкой, содержащейся в гетеростереотипе.

Кроме того, исследование показало, что респондентами обеих национальностей при заполнении анкет заполнялся только левый полюс. Вследствие этого, изучению подверглось распределение только позитивных качеств как в авто-, так и в гетеростереотипах. Статистические расчеты были выполнены с использованием пакета прикладных компьютерных программ универсальной обработки табличных данных Microsoft Excel XP «SPSS».

Статистический анализ средних расчетных показателей автостереотипов и гетеростереотипов по биполярным шкалам в процентном соотношении показал, что психологические характеристики автостереотипов казахов студентов распределились следующим образом: на первые позиции у казахов вышли «гостеприимные», «щедрые», «приветливые», «умные», «хорошие», «добрые», «открытые», «приятные» (г.Алматы); «гостеприимные», «дружелюбные», «миролюбивые», «открытые», «приятные», «спокойные» (г.Шымкент); «гостеприимные», «вежливые», «хорошие», «надежные», «приятные», «отзывчивые» (г.Актобе).

В содержании автостереотипов русских студентов среди всех психологических характеристик на первые места вышли: «приятные», «предприимчивые», «надежные», «открытые», «умные», «миролюбивые» (г.Алматы); «надежные», «миролюбивые», «приятные», «хорошие», «трудолюбивые», «открытые» (г.Шымкент); «надежные», «миролюбивые», «приятные», «хорошие», «трудолюбивые», «хозяйственные», «ответственные» (г.Актобе).

Следовательно, студенты казахской национальности выделяют у представителей своей национально-этнической группы в первую очередь те качества, которые являются необходимыми и важными для успешного взаимодействия не только в своей этнической среде, но и в условиях полиэтнического окружения. Респонденты русской национальности, в первую очередь, выделили те психологические характеристики, которые, на наш взгляд, в первую очередь deter-

минированы необходимостью приспособления и взаимодействия с инокультурными условиями жизни.

На первые места гетеростереотипов русских, составленных студентами казахской национально-этнической группы вышли такие психологические характеристики как: «трудолюбивые», «ответственные», «осторожные», «предприимчивые», «хозяйственные», «активные», «аккуратные» (г.Алматы); «осторожные», «хозяйственные», «смелые», «миролюбивые», «ответственные», «предприимчивые» (г.Шымкент); «осторожные», «хозяйственные», «смелые», «предприимчивые», «активные», «уверенные» (г.Актобе).

Первые места среди гетеростереотипов казахов, составленных респондентами русской группы заняли такие психологические характеристики как: «трудолюбивые», «ответственные», «осторожные», «предприимчивые», «хозяйственные», «активные» (Алматы); «гостеприимные», «активные», «бесхитростные», «ответственные», «умные», «предприимчивые» (Шымкент); «гостеприимные», «щедрые», «приветливые», «спокойные», «тактичные», «уверенные», «умные» (Актобе).

Следовательно, при восприятии представителей русской национально-этнической группы и при составлении их гетеростереотипов студенты казахской национальности, в первую очередь, выделяют «деловые» качества. При восприятии представителей казахской национально-этнической группы и при составлении их гетеростереотипов русские студенты КазНУ им.аль-Фараби в первую очередь выделили «деловые» качества, студенты ЮКГУ им.М.О.Ауэзова - «деловые» и «духовные», а актюбинские - те качества, которые способствуют межэтническому взаимодействию.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило целесообразность использования методики семантического дифференциала, которая дала возможность при восприятии «своего» и «другого» этноса изучить автостереотипы и гетеростереотипы в сравнении, а не «безотносительно» друг к другу. Ведь этничность актуализируется именно в ситуации сопоставления «нас» с «не-нами» и в не сравнения не существует. Вследствие этого, применение модифицированного теста семантического дифференциала дало нам возможность проверить на практике действие таких свойств стереотипов, как достоверность, проекция, обратное влияние. В целом же иссле-

дование показало, что в описании «своего» и «другого» этноса выделено большое количество стереотипных характеристик, которые, на наш взгляд, позитивны с точки зрения самодекларации этническими группами их позиции в области межэтнического взаимодействия и межэтнических отношений в целом.

Для выявления оценки качеств, отражающих не только содержание авто-и гетеростереотипов, но и исследование значимых связей между ними, выделенные социально-психологические характеристики были подвергнуты корреляционному анализу. Для подсчета использовался коэффициент линейной корреляции Пирсона, который позволил провести качественный анализ и содержательную интерпретацию результатов исследования. Статистические расчеты были выполнены с использованием пакета прикладных компьютерных программ универсальной обработки табличных данных Microsoft Excel XP «STATISTICA 6.0».

При определении содержания автостереотипов в группе респондентов казахов г.Шымкента наиболее значимые корреляционные связи обнаружены в оценках таких качеств как добрые: отзывчивые ($r=0,76$), щедрые ($r=0,72$), спокойные ($r=0,71$), приветливые ($r=0,71$), скромные ($r=0,81$), ответственные ($r=0,72$), приятные ($r=0,71$), надежные ($r=0,72$). Тогда как в группе респондентов казахов г.Алматы добрые коррелирует с отзывчивыми ($r=0,68$), а в группе респондентов казахов, проживающих в г.Актобе качество добрые коррелирует с дружелюбными ($r=0,75$).

Значимые корреляционные связи между оценками качеств в содержании автостереотипов в казахской выборке г.Шымкента обнаружены между качествами - отзывчивые: дружелюбные ($r=0,65$), честные ($r=0,75$), доверчивые ($r=0,71$), щедрые ($r=0,67$), приветливые ($r=0,68$), тогда как у студентов г.Алматы отзывчивые коррелирует только с дружелюбными ($r=0,69$); а для студентов г.Актобе это качество вообще не значимо.

Следует отметить, что самый высокий положительный коэффициент корреляции у студентов г.Шымкента обнаружен в оценках качеств: добрые и честные ($r=0,82$); честные и щедрые ($r=0,80$), а самый высокий положительный коэффициент корреляции у студентов г.Алматы обнаружен в оценках качеств: вежливые и добрые ($r=0,75$); бесхитростные и надежные ($r=0,70$), тогда как самый высокий поло-

жительный коэффициент корреляции у студентов г. Актобе выявлен при корреляции качеств: добрые и дружелюбные ($r=0,75$); скромные и бескорыстные ($r=0,74$).

В группе русских респондентов г. Шымкента корреляционные связи показывают иное содержание автостереотипов. Самый высокий положительный коэффициент корреляции обнаружен в оценках качеств - открытые и приятные ($r=0,88$); хозяйственные и умные ($r=0,81$); ответственные и умные ($r=0,81$). Тогда как в группе русских респондентов г. Алматы наиболее значимые корреляционные связи обнаружены между качествами - гостеприимные: дружелюбные ($r=0,69$) и честные ($r=0,64$). В то же время самые значимые отрицательные корреляции обнаружены между качествами вежливые и гостеприимные ($r=-0,48$); отзывчивые и бескорыстные ($r=-0,50$); гостеприимные и спокойные ($r=-0,47$); честные и спокойные ($r=-0,47$).

В группе русских респондентов г. Актобе при определении содержания автостереотипов наиболее значимые корреляционные связи выявлены между качествами - умные: активные ($r=0,90$), предприимчивые ($r=0,70$) и приятные ($r=0,78$). Самая высокая положительная корреляция обнаружена между качествами - уверенные и смелые ($r=0,91$).

При определении качеств, определяющих содержание гетеростереотипов казахской выборки г. Шымкента, наиболее значимые корреляционные связи выявлены между оценками качеств - хорошие: вежливые ($r=0,93$), добрые ($r=0,67$), дружелюбные ($r=0,69$), общительные ($r=0,85$), трудолюбивые ($r=0,79$), миролюбивые ($r=0,78$), аккуратные ($r=0,85$), приветливые ($r=0,74$), скромные ($r=0,80$), уверенные ($r=0,73$), смелые ($r=0,82$), тактичные ($r=0,75$), осторожные ($r=0,71$), ответственные ($r=0,72$), хозяйственные ($r=0,76$), активные ($r=0,74$), предприимчивые ($r=0,88$), приятные ($r=0,69$). Тогда как в группе респондентов казахов г. Алматы значимая корреляция качества «хорошие» не выявлена, а в группе респондентов казахов, проживающих в г. Актобе, хорошие коррелирует с добрыми ($r=0,55$).

Наиболее значимые корреляционные связи при определении содержания гетеростереотипов в казахской выборке г. Актобе выявлены между оценками качеств - добрые: отзывчивые ($r=0,53$), бесхитростные ($r=0,64$), осторожные ($r=0,52$), предприимчивые ($r=0,50$). Значимая отрицательная корреляционная связь имеется между оценками качеств - миролюбивые и бесхитростные ($r=-0,55$).

Самый высокий положительный коэффициент корреляции у студентов-казахов г. Шымкента при выявлении содержания гетеростереотипа обнаружен в оценках качеств: хорошие-вежливые ($r=0,93$), ответственные – хозяйственные ($r=0,89$), хорошие–предприимчивые ($r=0,88$); у студентов г. Алматы - в оценках качеств: миролюбивые и спокойные ($r=0,88$), открытые и приятные ($r=0,74$). Что касается студентов г. Актобе, то самый высокий положительный коэффициент корреляции у них обнаружен между оценками качеств приветливые и тактичные ($r=0,72$), открытые-приятные ($r=0,65$).

При определении качеств, характеризующих содержание гетеростереотипов русской выборки г. Шымкента, наиболее значимые корреляционные связи обнаружены между оценками качеств – доверчивые: спокойные ($r=0,85$), аккуратные ($r=0,66$), бескорыстные ($r=0,71$), уверенные ($r=0,69$), тактичные ($r=0,65$), осторожные ($r=0,67$), хозяйственные ($r=0,65$), щедрые ($r=0,73$), миролюбивые ($r=0,80$); хорошие - вежливые ($r=0,69$), добрые ($r=0,80$), отзывчивые ($r=0,82$), честные ($r=0,68$), доверчивые ($r=0,81$), спокойные ($r=0,67$), уверенные ($r=0,66$), тактичные ($r=0,67$). Тогда как в группе респондентов русских г.Алматы только одно качество добрый коррелирует с доверчивым ($r=0,70$), а у студентов г.Актобе в оценке содержания гетеростереотипа доверчивые значимо коррелирует с бескорыстными ($r=0,66$), смелыми ($r=0,73$), ответственными ($r=0,78$), хозяйственными ($r=0,76$), открытыми ($r=0,77$), надежными ($r=0,77$).

Выявленные корреляционные связи в группе русских респондентов г.Алматы показывают иное содержание гетеростереотипа. В данной группе в отличие от других выборок корреляционные связи обнаружены между трудолюбивыми: миролюбивыми ($r=0,68$), аккуратными ($r=0,82$), приветливыми ($r=0,84$), скромными ($r=0,70$), бескорыстными ($r=0,65$), смелыми ($r=0,65$), умными ($r=0,69$), приятными ($r=0,65$).

Относительно содержания гетеростереотипов русской выборки г.Актобе, следует отметить, что наиболее значимые корреляционные связи обнаружены между оценкой качеств: отзывчивые - гостеприимные ($r=0,66$), честные ($r=0,71$), доверчивые ($r=0,70$), общительные ($r=0,71$), щедрые ($r=0,65$), трудолюбивые ($r=0,65$), скромные ($r=0,69$), хозяйственные ($r=0,66$).

Необходимо отметить, что самый высокий положительный коэффициент корреляции в содержании гетеростереотипа русских г.Шымкента обнаружен в оценках качеств: честные и доверчивые ($r=0,90$), добрые и доверчивые ($r=0,89$); самый высокий положительный коэффициент корреляции у русских студентов г.Алматы обнаружен в оценках качеств: открытые и приятные ($r=0,87$), приятные и надежные ($r=0,84$), тогда как самый высокий положительный коэффициент корреляции в содержании гетеростереотипа русских г.Актобе выявлен в оценках качеств: открытые и надежные ($r=0,90$), ответственные и хозяйственные ($r=0,84$).

Таким образом, при анализе результатов, полученных в ходе проведения исследования, было обнаружено, что у разных групп респондентов в зависимости от национально-этнической принадлежности и региона проживания имеет место разное понимание содержания этнических стереотипов, существуют корреляционные различия в оценке качеств, определяющих их межэтническое восприятие.

Этот вывод послужил основой для реконструкции категориальных структур, опосредующих межэтническое восприятие представителей исследуемых этносов, где многомерные семантические пространства являются показателями операциональных моделей этих структур сознания и которые можно более детально изучить при помощи методов экспериментальной психосемантики.

Одним из таких методов является метод реконструкции семантических пространств, представляющий собой совокупность определенным образом организованных признаков, описывающих и дифференцирующих объекты (значения) некоторой содержательной области и который одновременно является формой репрезентации выделенных когнитивных структур [Петренко, 2000].

Применяя методы В.Ф.Петренко в плоскость наших исследований, мы исходили из понимания того, что семантическое пространство представляет собой систему категорий индивидуального сознания, при помощи которых происходит оценка и классификация объектов и понятий. При этом оценка анализируемых объектов осуществляется по градуальным шкалам с последующим уменьшением исходного пространства описания с помощью факторного анализа, а затем представления выделенных структур - в форме геометрического многомерного пространства. Количество выделенных факторов является отражением когнитивной сложности данного смыслового

поля; содержание и мощность выделяемых факторов отражает при-
сущие респонденту формы категоризации и их субъективную зна-
чимость, а размещение объектов в виде точек-координат в семанти-
ческом пространстве характеризует отношение респондентов к этим
объектам [Петренко, 2000, с.11].

Поэтому построение образа представителя «своей» и «другой»
национально-этнической группы является одним из важных мето-
дов исследования содержания и специфики проявления авто- и ге-
теростереотипов. При этом мы считали, что если семантическое по-
нимание определяет позитивность межэтнического восприятия, то
семантические различия по мере их увеличения являются показате-
лем развития нетерпимости и гиперэтничности. Следовательно, чем
обширнее семантическая зона понимания, тем реалистичнее оценка
межэтнических отношений и, соответственно, тем меньше психоло-
гических оснований для негативного восприятия.

Полученные таким образом данные по группам испытуемых
суммировались и были подвергнуты процедуре факторного анализа
методом главных компонент с последующим варимакс-вращением.
Обработка проводилась с помощью пакета статистического ана-
лиза «STATISTICA 6.0.» Субъективные семантические простран-
ства, описывающие дифференциацию оцениваемых качеств, были
построены по данным следующих групп - респондентов студентов
казахов г.Алматы (КазНУ им.аль-Фараби), г.Шымкента(ЮКГУ
им.М.О.Ауезова), г.Актобе (АГПИ) и респондентов русской наци-
онально-этнической группы тех же вузов - всего по шести группам.

Полученные в ходе проведения процедуры факторного анализа
результаты позволили выделить 6 факторов. Однако для анализа
были выбраны только те из них, которые имели наибольший процент
общей дисперсии – 41 % и 23%. В связи с этим при дальнейшем ана-
лизе были рассмотрены только два фактора – фактор «Активность»
(F1) и фактор «Сила» (F2) [Osgood, 1975]. Таким образом, в кросс-
культурном эмпирическом исследовании этнических стереотипов
представителей казахского и русского этноса мы попытались не
только раскрыть их специфические образы, но и на основе детерми-
нации основных социально-психологических качеств авто- и гете-
ростереотипов выявить существующие между ними семантические
зоны понимания и непонимания.

Качества, определяющие основные характеристики автостереотипов респондентов казахов г.Алматы, в семантическом пространстве факторов (F1 и F2), расположились следующим образом (см. Рисунок 11):

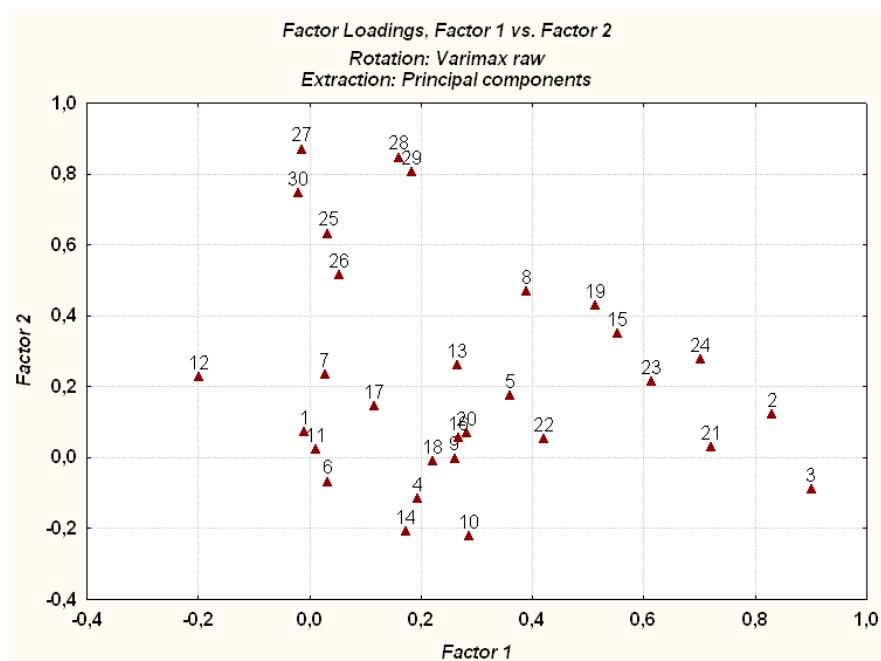

Рисунок 11 - Размещение качеств автостереотипов респондентов казахской национальности г.Алматы в семантическом пространстве (F1 и F2)

Проведенный анализ размещения качеств автостереотипов в семантическом пространстве, позволил констатировать, что на положительном полюсе первого фактора «Активность» (F1) максимальный вес имеют качества: добрые, вежливые, бесхитростные. На положительном полюсе второго фактора «Сила» (F2) с максимальным весом расположились качества: предприимчивые, открытые, приятные, надежные.

По результатам факторизации качеств, детерминирующих автостереотипы респондентов русских студентов КазНУ в семантическом пространстве (F1 и F2), было получено следующее семантическое пространство (см.Рисунок 12):

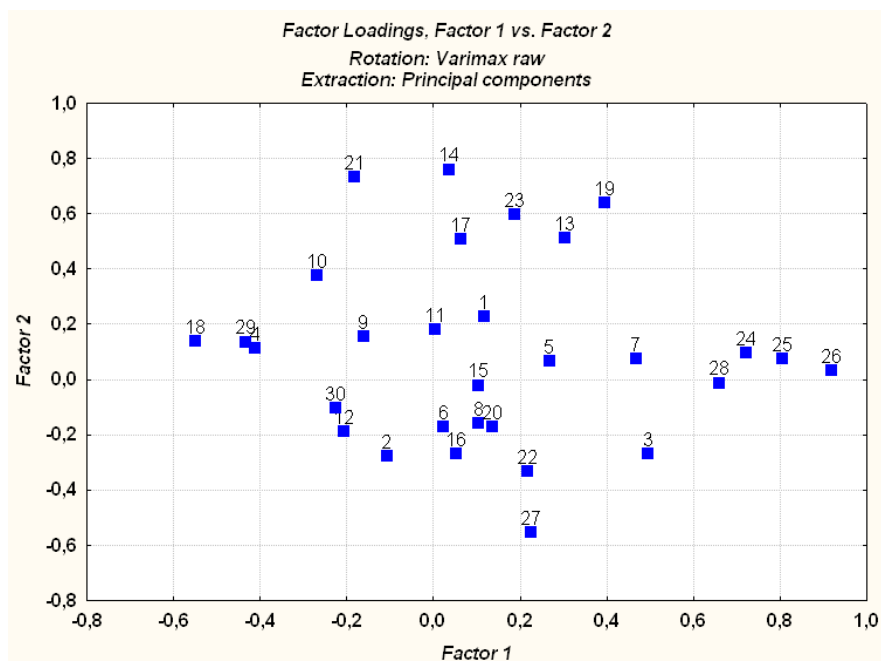

Рисунок 12 - Размещение качеств автостереотипов респондентов русской национальности г.Алматы в семантическом пространстве (F1 и F2)

Из анализа размещения качеств в семантическом пространстве видно, что на положительном полюсе первого фактора «Активность» (F1) максимальный вес имеют качества: активные, умные, хозяйственные. По второму фактору «Сила» (F2) на положительном полюсе максимальный вес имеют качества: аккуратные, бесхитростные.

В группе респондентов студентов казахов г.Шымкента качества автостереотипов в семантическом пространстве расположились следующим образом (см.Рисунок 13):

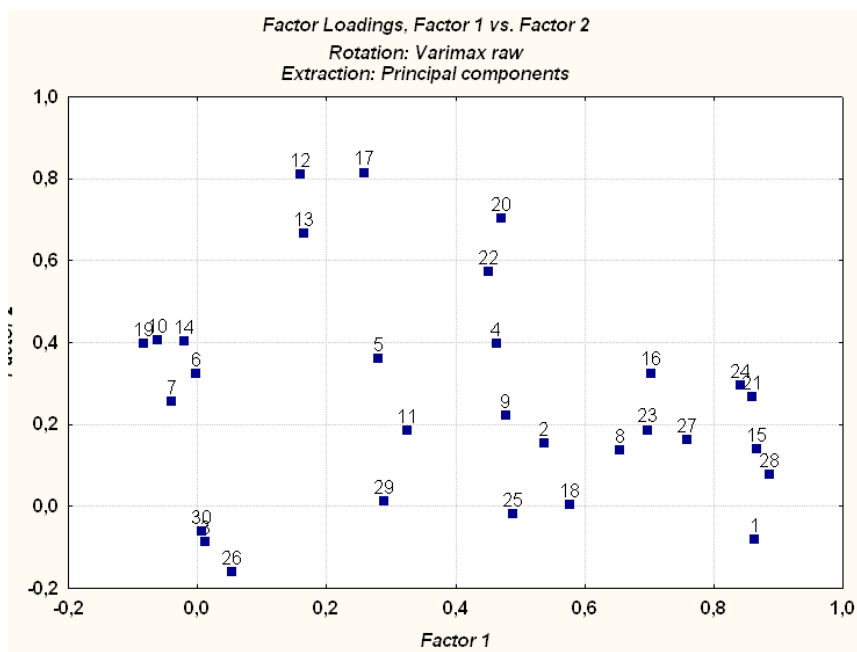

Рисунок 13 - Размещение качеств автостереотипов респондентов казахской национальности г.Шымкента в семантическом пространстве (F1 и F2)

Исследование размещения качеств автостереотипов респондентов казахской национальности г.Шымкента в семантическом пространстве позволяет утверждать, что максимальный вес на положительном полюсе первого фактора «Активность» (F1) имеют качества: открытые, приветливые, хорошие, бесхитростные, хозяйственные, предприимчивые, скромные. На положительном полюсе второго фактора «Сила» (F2) расположились качества: бескорыстные, миролюбивые, тактичные, имеющие максимальный вес.

Анализируя размещение качеств, в семантическом пространстве определяющих автостереотипы респондентов русских студентов г. Шымкента мы получили следующие результаты (см. Рисунок 14):

Проделанный анализа показал, что на положительном полюсе первого фактора «Активность» (F1) максимальный вес имеют качества: вежливые, добрые, дружелюбные. На отрицательном полюсе максимальный вес имеет качество - ответственные. Положительный полюс второго фактора «Сила» (F2) занимают качества, имеющие максимальный вес: надежные, тактичные, смелые, бесхитростные.

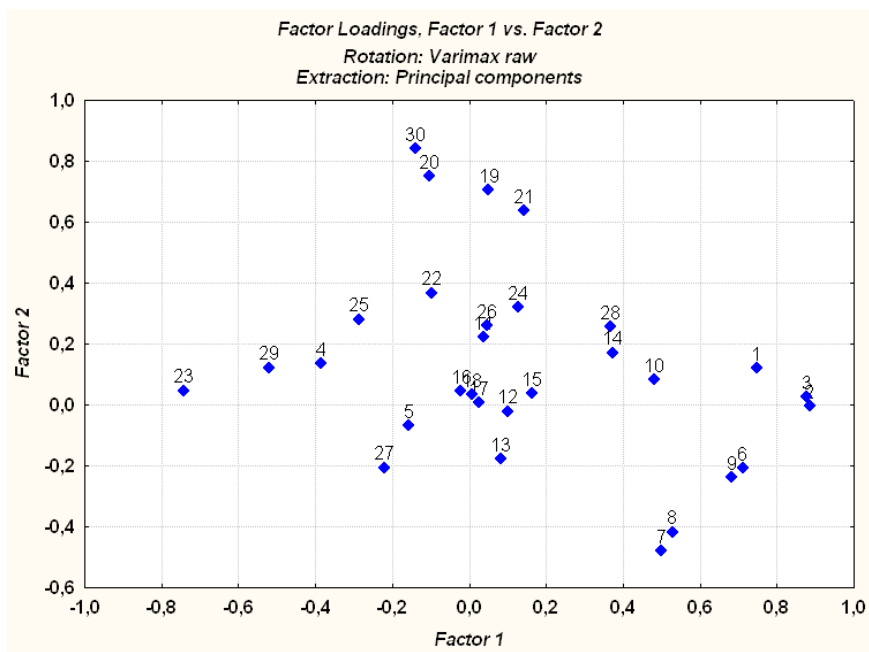

Рисунок 14 - Размещение качеств автостереотипов респондентов русской национальности г.Шымкента в семантическом пространстве (F1 и F2)

По результатам факторизации качеств, детерминирующих этнические автостереотипы казахов г.Актобе, было получено следующее семантическое пространство (см. Рисунок 15):

Анализ размещения качеств в семантическом пространстве, детерминирующих автостереотипы респондентов студентов казахов г.Актобе, позволил нам выделить следующие результаты: на положительном полюсе первого фактора с максимальным весом идут качества: хорошие, вежливые, трудолюбивые, добрые, честные, отзывчивые. На положительном полюсе второго фактора расположились следующие качества: щедрые, аккуратные, приветливые, миролюбивые, имеющие максимальный вес.

В ходе факторизации данных русских респондентов, студентов, проживающих в г. Актобе было получено следующее семантическое пространство (см.Рисунок 16):

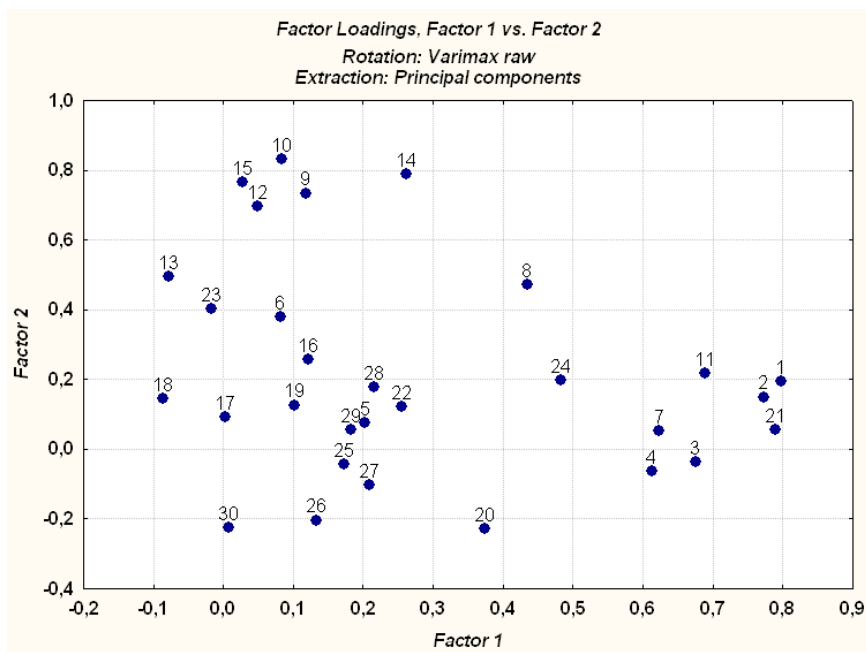

Рисунок 15 - Размещение качеств автостереотипов респондентов казахской национальности г.Актобе в семантическом пространстве (F1 и F2)

Из анализа данного семантического пространства видно, что по первому фактору (F1) на положительном полюсе наибольшую факторную нагрузку имеют такие качества, как: вежливые, дружелюбные, отзывчивые, гостеприимные, открытые. Что касается второго фактора (F2), то здесь можно отметить, что такие качества, как бесхитростные, активные, тактичные, аккуратные имеют максимальный факторный вес, который отмечен на положительном полюсе.

Проведенное кросс-культурное сравнение размещения в семантическом пространстве качеств автостереотипов респондентов исследуемых групп позволяет констатировать, что в их смысловом понимании существуют определенные различия, детерминированные принадлежностью не только к определенной национально-этнической группе, но и регионом проживания. Так, в частности, в автостереотипе студентов казахской национальности г.Алматы по первому

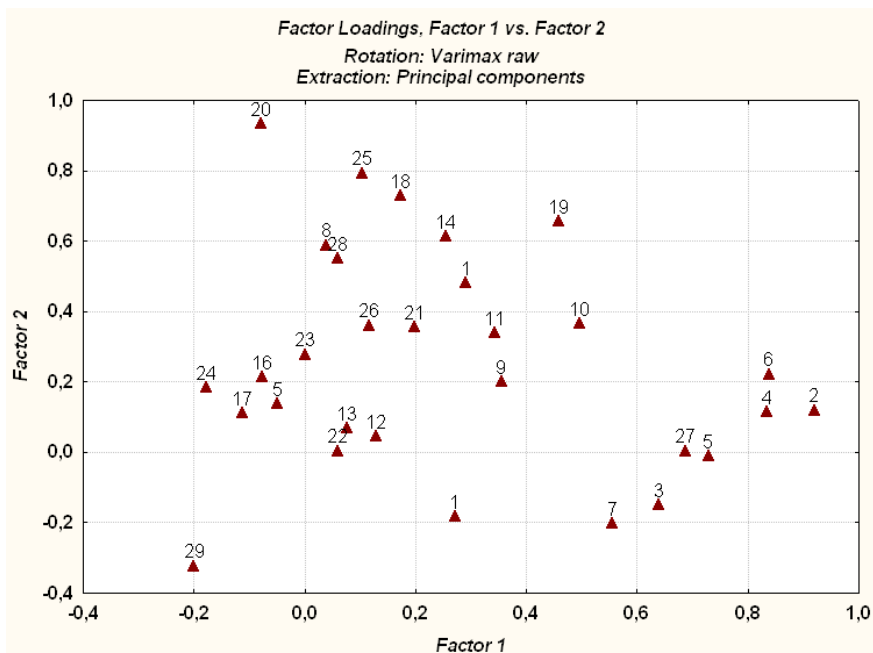

Рисунок 16 - Размещение качеств автостереотипов респондентов русской национальности г.Актобе в семантическом пространстве (F1 и F2)

фактору «Активность» (F1) преобладают «деловые» качества, по второму фактору «Сила» (F2) – «духовные»; в автостереотипе студентов русской национальности г.Алматы по первому и второму факторам мы видим явное преобладание «деловых» качеств; в автостереотипе респондентов студентов казахской национальности г.Шымкента максимальный вес по первому фактору имеют «деловые» качества, по второму – «духовные».

Что касается автостереотипов респондентов казахов и русских, проживающих в Актюбинском регионе, то здесь трудно отметить преобладание каких-либо качеств потому, что «деловые» качества совмещаются с «духовными», как по первому, так и по второму факторам. Следовательно, для респондентов студентов исследуемых национально-этнических групп характерно незначительное различие в понимании содержания автостереотипов.

Логика дальнейшего кросс-культурного эмпирического исследования этнических стереотипов в контексте межэтнического восприятия направляет нас к анализу гетеростереотипов, которые в совокупности в автостереотипами образуют категориальную структуру, опосредующую восприятие респондентами образа друг друга. Рассматривая размещение образов, определяющих гетеростереотипы обеих национально-этнических групп в семантическом пространстве (F1 и F2), мы получили следующие результаты, отраженные в рисунках 17, 18, 19, 20, 21.

В ходе исследования качеств, детерминирующих расположение гетеростереотипов респондентов студентов казахов КазНУ им. аль-Фараби в семантическом пространстве (F1 и F2), были получены следующие данные (см. Рисунок 17):

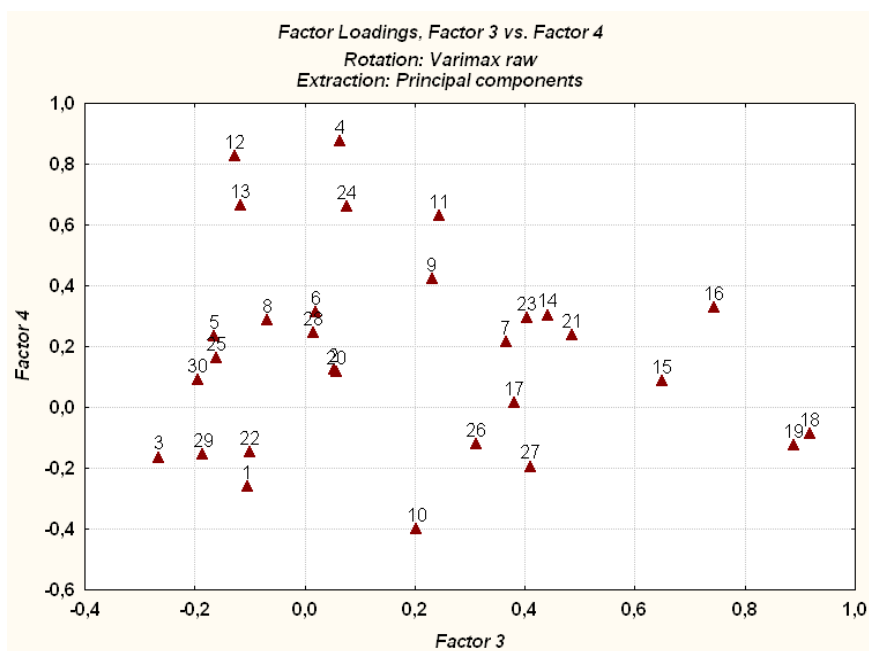

Рисунок 17 - Размещение качеств гетеростереотипов респондентов казахской национальности г. Алматы в семантическом пространстве (F1 и F2)

Проведенный анализ размещения качеств гетеростереотипов в семантическом пространстве позволил констатировать, что на по-

ложительном полюсе первого фактора «Активность» максимальный вес имеют качества: тактичные, бескорыстные. На положительном полюсе второго фактора «Сила» с максимальным весом расположились качества: открытые, надежные, приятные.

По результатам факторизации качеств, детерминирующих гетеростереотипы студентов русской национальности г.Алматы в семантическом пространстве (F1 и F2), было получено следующее семантическое пространство (см.Рисунок 18):

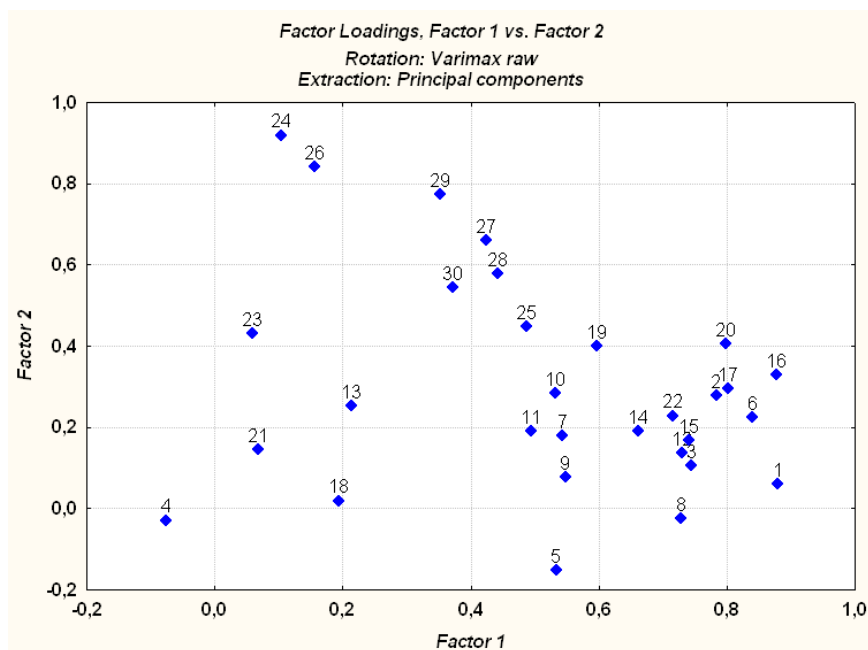

Рисунок 18 - Размещение качеств гетеростереотипов респондентов русской национальности г.Алматы в семантическом пространстве (F1 и F2)

Из исследования размещения качеств гетеростереотипов в семантическом пространстве видно, что на положительном полюсе первого фактора максимальный вес имеют такие качества: хорошие, скромные, дружелюбные, бескорыстные, тактичные, вежливые, добрые, приветливые, миролюбивые, доверчивые, осторожные, аккуратные. По второму фактору на положительном полюсе максимальный вес имеют качества: хозяйственные, активные, приятные.

В группе респондентов казахов г.Шымкента качества гетеростереотипов в семантическом пространстве расположились следующим образом (см.Рисунок 19):

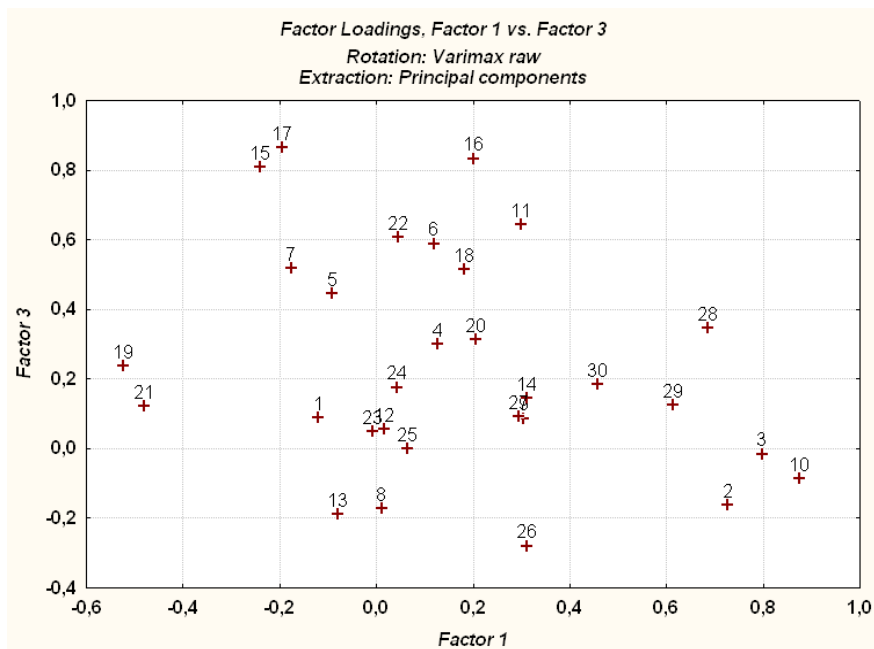

Рисунок 19 - Размещение качеств гетеростереотипов респондентов казахской национальности г.Шымкента в семантическом пространстве (F1 и F2)

Изучение расположения качеств гетеростереотипов респондентов студентов казахской национальности ЮКГУ в семантическом пространстве дает возможность сделать вывод, что на положительном полюсе первого фактора «Активность» с максимальным весом находятся такие качества как: отзывчивые, доверчивые, приятные, скромные, честные, надежные, приветливые, бескорыстные, общительные, умные, смелые, миролюбивые, гостеприимные, осторожные, дружелюбные, спокойные, тактичные. На положительном полюсе второго фактора «Сила» с максимальным весом находятся качества: уверенные, добрые, вежливые, щедрые, спокойные.

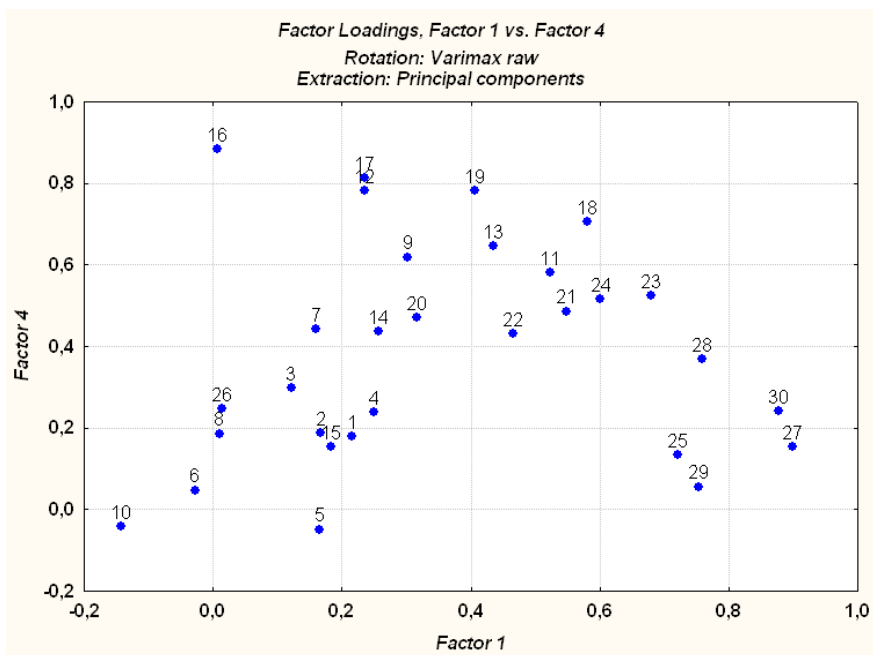

Рисунок 20 - Размещение качеств гетеростереотипов респондентов русской национальности г.Шымкента в семантическом пространстве (F1 и F2)

В ходе исследования размещения качеств в семантическом пространстве, определяющих гетеростереотипы респондентов русских г. Шымкента, мы получили следующие результаты (см.Рисунок 20):

Анализ размещения качеств гетеростереотипов в семантическом пространстве респондентов казахской национальности г.Шымкента позволяет констатировать, что на положительном полюсе первого фактора (F1)максимальный вес имеют качества: предприимчивые, надежные, открытые, приятные, умные, ответственные, хозяйственные. На положительном полюсе второго фактора (F2) максимальный вес имеют качества: гостеприимные, доверчивые.

Рассматривая размещение в семантическом пространстве качеств, определяющих гетеростереотипы респондентов студентов казахов АГПИ, мы получили следующие результаты (см.Рисунок 21):

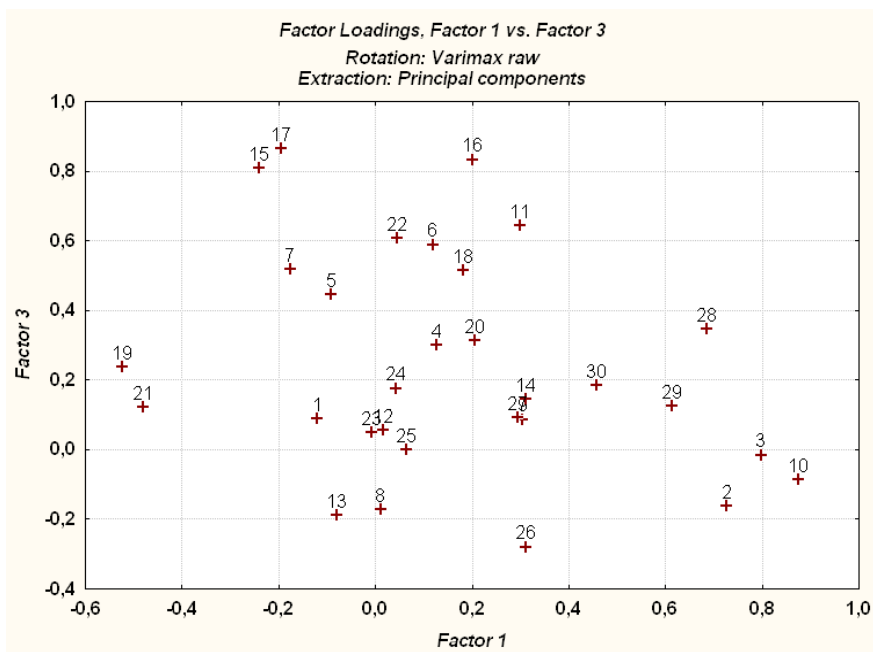

Рисунок 21 - Размещение качеств гетеростереотипов респондентов казахской национальности г.Актобе в семантическом пространстве (F1 и F2)

Анализ размещения этих качеств респондентов казахов г.Актобе в семантическом пространстве позволил нам сформулировать следующие выводы: максимальный вес на положительном полюсе первого фактора имеют качества: щедрые, добрые, вежливые, открытые, приятные; на положительном полюсе второго фактора с максимальным весом расположились следующие качества: миролюбивые, спокойные, дружелюбные.

В ходе факторизации данных группы респондентов студентов русской национальности, проживающих в г.Актобе было получено следующее семантическое пространство (см.Рисунок 22):

Из анализа семантического пространства качеств, отражающих содержание гетеростереотипов респондентов студентов русской национальности АГПИ видно, что по первому фактору на положительном полюсе наибольшую факторную нагрузку имеют качества: хорошие, щедрые, ответственные, аккуратные, доверчивые, миро-

любивые, тактичные, умные. Относительно второго фактора следует отметить, что здесь максимальный факторный вес на положительном полюсе занимают такие качества как дружелюбные, спокойные, гостеприимные, трудолюбивые, отзывчивые, общительные.

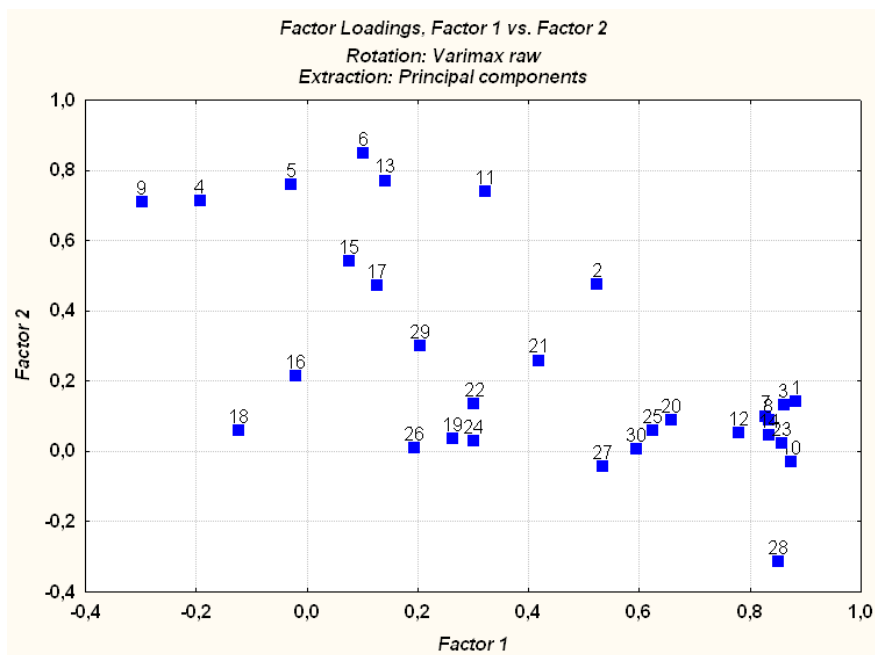

Рисунок 22 - Размещение качеств гетеростереотипов респондентов русской национальности г.Актобе в семантическом пространстве (F1 и F2)

Изучение и интерпретация особенностей семантического пространства разных групп респондентов показало, что в смысловом понимании содержания гетеростереотипов, как и автостереотипов, существуют различия, определяемые не только принадлежностью к национально-этнической группе, но также и регионом проживания.

Для гетеростереотипов респондентов студентов казахской национальности КазНУ им.аль-Фараби по первому фактору «Активность» (F1) и второму «Сила» (F2) характерно преобладание «духовных» качеств; в гетеростереотипах респондентов студентов русской национальности КазНУ по первому фактору выявлено

преобладание «духовных» качеств, а по второму факторам - «деловых»; в гетеростереотипах респондентов студентов казахской национальности ЮКГУ им.М.О.Ауезова по первому фактору (F1) наибольший факторный вес имеют «духовные» качества, а по второму (F2) - «деловые». Относительно гетеростереотипов респондентов студентов казахов, проживающих в Актюбинском регионе, следует отметить, что по первому и второму факторам (F1, F2) характерно преобладание «духовных» качеств и, наконец, для гетеростереотипов респондентов русской национальности студентов АГПИ по первому фактору максимальный вес имеют «деловые» качества, по второму - «духовные».

Их этих рассуждений следует, что для респондентов исследуемых национально-этнических групп характерно различное семантическое понимание содержания как авто-, так и гетеростереотипов. Тем не менее, несмотря на это, сопоставление семантических пространств, раскрывающих восприятие себя и друг друга казахстанскими студентами, показало существование значительного сходства в определении категориальной структуры этнических стереотипов, отличающихся позитивностью.

В рамках дальнейшего кросс-культурного исследования содержания и специфики проявления этнических стереотипов в контексте межэтнического восприятия, отражающего существующие межэтнические отношения, был использован «Диагностический тест отношений». Главный принцип построения этого теста, созданного Г.У.Солдатовой, основан на исследовании и измерении эмоционально-оценочного компонента как доминирующего в структуре этнических стереотипов. Респонденты, оценивая свою национально-этническую группу, как бы представляют ее для других, но так, как им хотелось бы, чтобы она воспринималась, т.е. авто- и гетеростереотипы, измеряемые на основе «Диагностического теста отношений» - это «демонстративные» образы этнических групп преимущественно для «внешнего» пользования [Солдатова, 1998]. Следовательно, изучение этнических стереотипов на основе этой методики является своеобразной проекцией существующих межэтнических отношений.

В нашем исследовании был использован модифицированный вариант теста, когда пары качеств выбирались из того набора личностных характеристик, которые наиболее часто приписываются

представителям своей и другой национально-этнической группы и которые определяются как стереотипные. Соответственно заданию для каждой пары была найдена определенная позиция на шкале «привлекательный – непривлекательный». Именно такая ось оценки выступила в нашем исследовании в качестве фильтра с наиболее расходящимися эмоциональными значениями. Применение «Диагностического теста отношений» позволило измерить следующие параметры этнических стереотипов: амбивалентность (степень эмоциональной определенности этнических стереотипов), выраженность (сила стереотипного эффекта) и направленность (величина общей эмоциональной ориентации субъекта). Их количественные показатели, вычисляемые по предложенным Г.У.Солдатовой формулам, рассматривались как эмпирические индикаторы эмоционально-оценочного компонента этнических стереотипов. Статистические расчеты представленности этих показателей были выполнены с использованием пакета прикладных компьютерных программ универсальной обработки табличных данных Microsoft Excel XP «SPSS».

Таким образом, коэффициент амбивалентности определялся по формуле:

$$A = \frac{\min(a_i^+ a_i^-)}{\max(a_i^+ a_i^-)} (0 \div 1);$$

коэффициент выраженности определялся нами по формуле:

$$S_i = \frac{a_i^+ - a_i^-}{3 (1 + A_i)} (0 \div 1);$$

направленность или диагностический коэффициент стереотипа, характеризующий знак и величину общей эмоциональной ориентации субъекта по отношению к данному объекту, определялся по формуле:

$$D = \frac{\sum a^+ - \sum a^-}{\sum a_i} (0 \div 1).$$

При этом подсчет коэффициента выраженности производился с учетом знака оценок. В результате этого выявлялась не только интенсивность этнических стереотипов, но и их позитивная или негативная направленность. Общий коэффициент выраженности данного стереотипа определялся с учетом коэффициента выраженности всех пар качеств как их среднее арифметическое, чем выше коэффициент амбивалентности, тем отношение к данному объекту характеризуется большей неопределенностью. Кроме того, при изучении абсолютного показателя диагностического коэффициента исследовался уровень самооценки образа «Я».

Изучая направленность или абсолютный показатель диагностического коэффициента стереотипа, характеризующего знак и величину общей эмоциональной ориентации субъекта по отношению к данному объекту, нами был исследован уровень самооценки образа «Я».

В связи с тем, что при одном и том же показателе у двух испытуемых уровень самооценки может быть проинтерпретирован в одном случае как высокий (если диагностический коэффициент образа «Я» равен или выше, чем аналогичный показатель для образа «Идеал»), а в другом как низкий (если дистанция между диагностическими коэффициентами образов Я» и «Идеал» будет значительной), то, опираясь на исследования В.П.Павленко, для анализа самооценки была использована разность между диагностическими коэффициентами образа «Идеал» и образа «Я сам».

Подобный подход был использован и для исследования этнических предпочтений, когда определялась степень совпадения образов этнических групп с образом «Идеал». В числовом выражении этот показатель определялся как разность между диагностическими коэффициентами образа «Идеал» и образа типичного представителя казахского или русского этноса. Ранжируя результаты сопоставления образа «Идеал» с типажам различных национально-этнических групп, была получена информация об общей системе межэтнических предпочтений данного респондента.

Следуя рекомендациям В.П.Павленко, для анализа этнической идентификации изучалась степень совпадения образа «Я» с образами различных этнических групп. При этом показатель этнической идентификации в числовом выражении рассматривался как разность между диагностическими коэффициентами, с одной стороны, образа «Я сам», а с другой – авто- и гетеростереотипами.

Таким образом, количественный анализ эмоционально-оценочного компонента этнических стереотипов, проведенный с помощью «Диагностического теста отношений» показал, что между характеристиками себя, «Мой идеал» и типичных представителей казахского и русского этносов существует разница по параметру - амбивалентность: респонденты казахи - 0,52%; 0,36%; 0,535%; 0,54% и респонденты русские - 0,5%; 0,38%; 0,51%; 0,44% (г.Алматы); респонденты казахи - 0,52%; 0,43%; 0,53%; 0,61% и соответственно респонденты русские - 0,54%; 0,25%; 0,63%; 0,37% (г.Шымкент); респонденты казахи - 0,58%; 0,44%; 0,62%; 0,62% и респонденты русские - 0,42%; 0,27%; 0,65%; 0,42% (г.Актобе).

Исходя из этих данных, можно сделать вывод, что респонденты студенты казахской и русской национально-этнических групп, проживающие в г.Алмате, не отдают явного предпочтения позитивному или негативному полюсу оценки. Для респондентов казахов и русских, проживающих в г.Шымкенте характерна поляризация по шкалам «Мой идеал» и «Типичный русский». У респондентов казахов и русских, проживающих в г.Актобе, зафиксирована низкая поляризация по тем же шкалам «Мой идеал» и «Типичный русский».

Индикатор - выраженность эмоционально-оценочного компонента этнического стереотипа определялся нами по тем же характеристикам: «Я сам», «Мой идеал», «Типичный казах», «Типичный русский». В результате были получены следующие количественные показатели: респонденты казахи - 0,19%; 0,21%; 0,17%; 0,22% и соответственно респонденты русские - 0,14%; 0,2%; 0,25%; 0,26% (г.Алматы); респонденты казахи - 0,14%; 0,31%; 0,15%; 0,10% и респонденты русские - 0,31%; 0,27%; 0,19%; 0,31% (г.Шымкент); респонденты казахи - 0,12%; 0,3%; 0,13%; 0,11% и респонденты русские - 0,19%; 0,3%; 0,1%; 0,25% (г.Актобе).

Направленность диагностического коэффициента этнического стереотипа, обозначающая величину общей эмоциональной ориентации по тем же характеристикам «Я сам»: «Мой идеал», «Типичный казах» и «Типичный русский» представлена следующими количественными показателями: респонденты казахи - 0,3%; 0,5%; 0,31%; 0,29% и респонденты русские - 0,37%; 0,51%; 0,33%; 0,38% (г.Алматы); респонденты казахи - 0,31%; 0,4%; 0,3%; 0,21% и, соответственно, респонденты русские 0,25%; 0,6%; 0,21%; 0,47% (г.Шымкент); респонденты казахи - 0,22%; 0,41%; 0,22%; 0,19% и респонденты русские - 0,46%; 0,57%; 0,11%; 0,41% (г.Актобе).

Следовательно, наиболее высокий коэффициент амбивалентности, детерминирующий низкую поляризацию оценок противоположных качеств каждой пары, характерен для образа «Типичный казах», за исключением респондентов русских студентов, проживающих в Алматы.

Исследование выраженности эмоционально-оценочного компонента этнических стереотипов показало, что более позитивные автостереотипы характерны для казахских студентов, получающих образование в ЮКГУ им.М.О.Ауэзова и АГПИ. Для русских студентов ЮКГУ характерно совпадение образа «Я сам» и «Типичный русский». У русских студентов АГПИ и у казахов КазНУ им.аль-Фараби количественный показатель «Типичный русский» и «Типичный казах» намного выше, чем образ «Я сам».

Более негативный гетеростереотип характерен для русских респондентов студентов, обучающихся в АГПИ и КазНУ им. аль-Фараби, где разница между количественными образами «Я сам» и «Типичный казах» сравнительно велика.

Исследование направленности этнического стереотипа показало, что респонденты - русские студенты АГПИ и КазНУ и респонденты казахи, проживающие в Алматы, более эмоционально ориентированы к представителям своего этноса.

Изучение уровня самооценки на основе количественного анализа, представляющего собой разность между коэффициентами образа «Идеал» и образа «Я сам», показало, что самый высокий уровень самооценки характерен для казахских и русских студентов, обучающихся в ЮКГУ им. М.О.Ауэзова, а самый низкий – для русских студентов, обучающихся в АГПИ (0,22%; 00,7%; 0,23%).

Исследование системы этнических предпочтений, определяющих степень совпадения образов этнических групп с образом «Мой идеал», показало, что для респондентов казахов, проживающих в г.Шымкенте, характерен более высокий показатель этнических предпочтений (т.к.разность между образом «Мой идеал» и «Типичный казах» у них оказалась самая минимальная).

Для казахов, проживающих в г. Актобе, степень совпадения образов «Типичный казах» и «Типичный русский» и образа «Мой идеал» почти одинакова (казахи - 0,18%; 0,18%; 0,19% и русские - 0,18%; 0,19%; 0,22%).

Для русских респондентов, обучающихся в КазНУ, степень совпадения «Мой идеал» и «Типичный казах» оказалась наиболее высокой (0,10%; 0,03%; 11%).

Таким образом, исходя из анализа результатов проведенного исследования, можно сделать вывод, что представители казахского этноса отличаются более позитивным автостереотипом, чем представители русского этноса. В то же время для представителей русского этноса характерен более негативный гетеростереотип казахов, у казахов гетеростереотип русских более позитивен.

Следовательно, в целом у респондентов студентов-казахов степень этнических предпочтений оказалась более минимальной, чем у русских респондентов.

Анализ результатов проведенного теоретического и кросс-культурного эмпирического исследования специфики этнических стереотипов в контексте межэтнического восприятия как одного из важнейших концептов структуры межэтнических отношений позволил сделать следующие выводы.

1. В изучении стереотипов выделяется два основных направления. Первое - функциональное, в центре внимания которого находится изучение проблемы стереотипизации как психологического механизма процесса восприятия, второе - описательное, которое изучает содержание стереотипов и его основных характеристик. Стереотипизация – это социально-психологический процесс, являющийся важным механизмом межэтнического восприятия, а социальные стереотипы - это социальное явление.

2. Глубинные механизмы, детерминирующие содержание социальных стереотипов и степень их устойчивости, определяются влиянием стремления ассоциировать абстрактные понятия с конкретными образами и упрощением или выделением одного или нескольких доминирующих признаков в качестве ведущих. Вследствие этого, человек может фиксировать в своем сознании воздействие факторов внешней социальной среды, которое реализуется в мышлении, эмоциях и чувствах, в поведении.

3. Этнические стереотипы являются отражением иногда в искаженном или трансформированном виде объективной этнической реальности, свойств взаимодействующих групп, которые реализуются в определенных отношениях между ними. Поэтому этнические стереотипы могут использоваться в качестве одной из форм проведения мониторинга этих отношений.

4. Содержание этнических стереотипов определяется взаимосвязью трех составляющих компонентов – когнитивного, описывающего содержание стереотипа, аффективного, выражающего отношение индивида к объекту познания и поведенческого, включающего предписание к действию в отношении представителей той или иной национально-этнической группы.

5. Содержание этнических стереотипов представителей казахского и русского этноса обусловлено, во-первых реальными специфическими психологическими чертами каждой воспринимаемой национальной общности, отличающими ее от другой, во-вторых, спецификой преломления этих черт в ходе проявления механизмов межэтнического восприятия. В-третьих, уровнем проявления этнической идентичности обеих национально-этнических групп, в четвертых, всем комплексом экономических, политических и культурных взаимоотношений между ними. Это дает нам основание говорить об относительности качеств, составляющих их содержание.

6. Истинность и устойчивость этнических стереотипов относительна. Вследствие «чувствительности» этнических стереотипов к постоянно происходящим изменениям в сфере межэтнических отношений, проблема их истинности и устойчивости остается дискуссионной.

7. При межэтническом восприятии, осуществляемом в форме сопоставления и противопоставления, создаются полярные образы своей и «чужой» группы, а также существует тенденция к построению взаимодополняющих образов.

8. Автостереотипы – это субъективная самохарактеристика национально-этнической группы, раскрывающаяся в мнениях, суждениях, оценках, относимых к своей национально-этнической общности и к ее представителям. Особенностью автостереотипов является преобладание позитивных оценок, как в оценке образа собственной национально-этнической группы, так и отдельных ее представителей.

9. Гетеростереотипы представляют собой совокупность оценочных суждений о представителях других национально-этнических групп. Они могут быть как позитивными, так и негативными.

10. Фиксируемые различия между авто-и гетеростереотипами являются отражением реального межэтнического восприятия и сложившихся

между группами межэтнических отношений. Для респондентов в зависимости от их национально-этнической принадлежности и региона проживания характерно различное понимание содержания не только автостереотипов, но и гетеростереотипов.

11. Наиболее адекватными методами изучения этнических стереотипов на уровне образа, т.е. собственно психологическое их изучение, являются методы приписывания черт, модифицированные варианты психосемантических методов, позволяющие получить не только содержательное описание стереотипа типичных представителей казахской и русской национально-этнической группы, но и количественно измерить составляющие образа типичных представителей этих групп.

12. Многомерные семантические пространства являются показателями операциональных моделей категориальных структур сознания, которые изучаются при помощи метода реконструкции семантических пространств. Чем обширнее семантическая зона понимания, тем реалистичнее оценка межэтнических отношений, и меньше психологических оснований для негативного восприятия.

13. Результаты проведенной эмпирической работы свидетельствуют о проявлении внутригруппового фаворитизма на этническом уровне, а также наличия межэтнической дискриминации в некоторых представлениях в пользу собственной национально-этнической группы. Система межэтнического восприятия и межэтнических представлений в отношении казахов к представителям русского этноса в целом отличается большей позитивностью, чем отношение русских к представителям казахского этноса.

4 ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ОТ ПАРАДИГМЫ КОНФЛИКТА, НАПРЯЖЕННОСТИ К ТОЛЕРАНТНОСТИ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМУ

4.1 Социально-психологические показатели межэтнических конфликтов и напряженности в контексте межэтнического взаимодействия

Основу теоретического осмысления проблемы межэтнического взаимодействия в контексте межэтнических отношений составило представление об основных стратегиях, определяющих его основные структурные детерминанты, среди которых наиболее значимыми являются – интеграция и дискриминация.

И, если первая группа понятий раскрывает такие проявления взаимодействия, которые способствуют его организации, координации, консолидации участников взаимодействия, то вторая группа понятий обозначает тот вид взаимодействия, который приводит к разрыву связей и отношений между группами, тормозит их развитие.

Межэтническую интеграцию сегодня определяют [Г.Джейлс, К.Ликинд, В.С.Агеев, В.Куликов, И.Сушков] как принцип социальной, психологической совместимости и сближения, который дает возможность различным национально-этническим группам сохранить свои национально-этнические и культурные особенности. В психологическом плане это - наиболее позитивный вид межэтнического взаимодействия, при котором члены национально-этнических групп, сохраняя свой образ жизни, способны принять другую «этническую картину мира».

Что касается определения межэтнической дискриминации, то она рассматривается как преднамеренное ущемление и ограничение этнических прав, ведущее к этнической поляризации общества, закреплению этнического неравенства [Крысько, 2002]. Наиболее ярко она проявляется в форме межэтнического соперничества и конфликтов.

Межэтнические конфликты в современных условиях существования всей человеческой цивилизации приобретают особую значимость. Поэтому сегодня трудно назвать другое явление, которое вызывало бы столь устойчивый интерес у представителей различных отраслей научного знания, в том числе и психологии.

На сегодняшний день в психологии имеется несколько детерминаций этого социально-психологического феномена.

А.Я.Анцупов рассматривает межэтнические конфликты как конфликты, происходящие между отдельными представителями, социальными группами различных этносов и конфронтацию двух или нескольких этносов [Анцупов и др., с. 1999, с.381].

В понимании Т.Г. Стефаненко межэтнический конфликт представляет любую конкуренцию между группами - от реального противоборства ограниченными ресурсами до конкуренции социальной - во всех тех случаях, когда в восприятии хотя бы одной из сторон противостоящая сторона определяется с точки зрения этнической принадлежности ее членов [Стефаненко, 2004, с.300].

Для Г.У. Солдатовой межэтнический конфликт - одна из стадий межэтнической напряженности, наряду с расхождениями, спорами, противоречиями и любыми межэтническими проблемами [Солдатова, 1998].

Наиболее полную характеристику межэтническим конфликтам дал В.Г. Крысько, который рассматривает их как одну из форм отношений между национальными общностями, характеризующимися состоянием взаимных претензий, имеющих тенденцию к нарастанию противостояния вплоть до вооруженных столкновений. Межэтнические конфликты являются следствием распада или дезинтеграции социума, дискриминации одной нации другой, нарушением соглашений, разрыва социальных отношений и связей между людьми [Крысько, 1999, с.131]. Такие конфликты, по мнению В.Г.Крысько возникают, как правило, в многонациональном государстве и присутствуют в форме противостояния «группа - группа», «группа - государство» [Крысько, 2002, с.313].

Особый интерес представляет точка зрения В.А.Тишкова, для которого этнический конфликт является стадией крайнего обострения противоречий, проявляющихся в конфликтном поведении. Это дает ему право рассматривать этнический конфликт, прежде всего, как форму гражданского, политического или вооруженного противо-

борства, в котором стороны мобилизуются, действуют или страдают по признаку этнических различий [Тишков, 1997, с.476]. «В силу полиэтнического состава населения бывшего СССР и нынешних новых государств, - пишет он, - фактически любой внутренний конфликт, социально-экономический или политический по своей природе, обретает этническую окраску, что, как правило, углубляет и осложняет возникающие противоречия, придавая конфликтам дополнительный эмоциональный фон [Тишков, там же, с.304].

Исходя из такого понимания основных детерминант межэтнических конфликтов, все конфликты, имевшие и имеющие место на территории бывшего Советского Союза, он считает этническими.

Одной из причин этого, по его мнению, явилось то, что доктрина этнического национализма была вмонтирована в официальную идеологию бывшего Советского Союза, и на ее основе покоилось и государственное устройство. Межэтнические конфликты можно считать неизбежным следствием самого факта существования и развития многонационального государства [Тишков, 1997].

Принципиальный вопрос, определяющий понимание особенностей межэтнических конфликтов в контексте социально-психологического исследования - являются ли межэтнические конфликты, заложенными в этническом многообразии человечества или они сугубо функциональны? Согласно первой точке зрения, опирающейся на понимание межгрупповых конфликтов как реализации врожденных агрессивных склонностей человека и его «инстинкта драчливости» [В. МакДугалл, З.Фрейд, З.К. Лорец], представителей многих национально-этнических групп можно признать изначально «несовместимыми» и не способными на взаимодействие друг с другом.

В ракурсе второй точки зрения, функциональная взаимозависимость национально-этнических групп, реализующаяся в форме конкуренции и соперничества, ведет, с одной стороны, к враждебности, проявляющейся в негативных этнических стереотипах и этнических установках, с другой - к групповой сплоченности [М. Шериф]. В этом случае этничность не сама становится основой для таких конфликтов, она является лишь формой их проявления.

В современной социальной психологии выделяется несколько подходов к исследованию причин межэтнических конфликтов. Если их рассматривают с точки зрения характера, формы проявления и целей, то можно выделить следующие виды конфликтов:

- социально-экономические конфликты, возникающие на основе требований выравнивания уровня жизни, социально-профессионального состава и представительства в элитных слоях. Как правило, такие конфликты являются следствием неудовлетворенности той или иной национально-этнической группы, не имеющей собственной государственности, своим правовым статусом или имеющей ее в усеченной форме.

- культурно-языковые конфликты, возникающие вследствие принудительной языковой ассимиляции. Основными требованиями, выдвигаемыми в ходе этих конфликтов является требование сохранения или возрождения функций языка и культуры этнических общностей;

- политические конфликты, при которых участвующие в них представители этнических общностей, добиваются определенных политических прав;

- этнодемографические конфликты, возникают там, где существует реальная опасность размывания, растворения этноса в результате быстрого «механического» притока иноязычного населения. Основным требованием участников такого конфликта является защита прав представителей титульного этноса, введение разного рода ограничений для «пришлых».

- территориальные конфликты, как правило, имеют глубокие исторические корни. С учетом того, что в бывшем Советском Союзе национально-территориальные границы были «прозрачными», а ареал расселения многих народов был весьма широк, сегодня такие конфликты наиболее характерны для стран бывшего постсоветского пространства. Возникают они на основе требований изменения границ, присоединения к другому - «родственному» с культурно-исторической точки зрения - государству или создания нового независимого государства [Ямсков, 1977, с.205].

Если межэтнические конфликты рассматривать с точки зрения структурных изменений в полиэтническом обществе, то в этом случае причиной их возникновения становятся процессы, связанные с модернизацией и интеллектуализацией народов, вследствие которых в престижных видах деятельности появляется конкуренция и соперничество между титульными и другими этносами.

Ю.П.Платонов в качестве иллюстрации реализации этого процесса описывает поведение русских в республиках бывшего Советского

Союза, большинство из которых приехали в союзные республики с установкой «помогать» местному населению, вследствие чего, они ощущали себя по статусу выше титульных этносов и, соответственно, занимали более привилегированное общественное положение и более высокий социально-политический, экономический статус, чем представители титульного этноса [Платонов, 2003, с.184-185].

Однако к концу 70-х началу 80-х годов во многих союзных республиках сформировалась своя национальная элита, занятая не только в системе административной, управленческой и правовой системах, но и в научной, художественно-творческой, производственной деятельности. С появлением национальной элиты стали складываться новые ценностные представления, в том числе, о самодостаточности и важности большей самостоятельности титульных народов. Многие из этих представлений и ценностей не совпадали с теми, которые были отведены для них, как например, это произошло в Казахстане, когда казахская молодежь не захотела занимать свои этнические «трудовые ниши», которые, главным образом, ограничивались сельским хозяйством.

Такая ситуация может сохраняться довольно долго, пока сильна центральная власть, но как только она теряет свою легитимность, тогда начинают появляться открытые требования об уравнивании прав «младшего брата». Перейдут ли эти претензии в межэтнический конфликт или, наоборот, найдется приемлемое решение, определяется уровнем компетентности центральной власти.

Подтверждением вышесказанного являются «декабрьские события» 1986 года, когда на центральную площадь столицы вышли молодые представители титульной нации. Их справедливые требования о замене только, что назначенного Первого руководителя Республики, были объявлены националистическими, а сами мирные демонстранты были разогнаны силами армии и органов МВД. Сами выступления были названы националистическими и, благодаря шовинистически настроенным средствам массовой информации, целый народ во все исторические эпохи, отличавшийся миролюбием и толерантностью, был обвинен в национализме.

Изучение и осмысление причин этого конфликта с точки зрения характера, формы проявления, целей, а также в контексте структурных изменений в обществе показало, что в его основе был не столько этнический, сколько другие факторы.

Прежде всего, политический фактор, определяющийся тем, что на должность первого руководителя такой крупной и богатой ресурсами, своими интеллектуальным и трудовым потенциалом республики был назначен никому неизвестный и ничем себя не проявивший чиновник, имевший до этого опыт управления лишь небольшой областью. И, если в предыдущие годы подобные назначения сверху из Москвы воспринимались без всякого сопротивления и возмущения со стороны титульного этноса, то в конце восьмидесятых годов в Казахстане уже сформировалась своя политическая элита, состоящая не только из представителей казахского, но и русского этносов, которые родились в Казахстане, знали и уважали местные традиции и обычаи. Поэтому одним из требований молодежи было назначение руководителем Республики своего «местного» человека.

Социально-экономические причины, заставившие молодых людей пойти на открытую форму протеста, заключались в том, что представители титульной нации, а это была в основном, вышедшая из аулов, студенческая и рабочая молодежь, повсеместно и постоянно ощущали ущемление своих социально-экономических прав. Как отмечает казахстанский социолог И.А. Айтымбетов на примере АЗТМ, рабочие-казахи, как правило, привлекались в цеха с преимущественно тяжелым физическим трудом, администрация завода чинила искусственные препятствия желанию казахов занять более квалифицированные рабочие места [Байтенова, 1998, с. 8]. Это были студенты и рабочие, проработавшие по 10-15 лет на заводах и фабриках, но до сих пор не имевшие собственного жилья (тогда мало кто знал о распоряжении, принятом еще во времена Н.С.Хрущева, согласно которому, были ограничения в городской прописке для лиц коренной национальности) [Нарымбетов, 2000, с.5].

Правительство СССР не было заинтересовано в создании национальной производственной интеллигенции, во всех престижных областях деятельности, в системе администрирования, образования, здравоохранения трудились представители других этносов, приехавшие в Казахстан со всех уголков Советского Союза. Установка союзного руководства была направлена на то, чтобы казахская молодежь не задерживалась в городах, а направлялась в сельскую местность. Однако, как показало время, ни в экономическом, ни в социальном, ни в культурно-цивилизационном плане такая политика привлече-

ния рабочей силы со стороны, главным образом из России, не оправдалась, в то время как коренное население в основном было занято на низкооплачиваемых и малоквалифицированных рабочих местах [С.А.Виноградов, Н.Ж.Байтенова, И.А. Айтымбетов].

Языковой фактор, послуживший основой для этого конфликта, сводился к тому, что в республике в тот период постепенно сужалась сфера применения казахского языка, который оказался невос требованным и второсортным. Повсеместно закрывались школы с казахским языком обучения, средства массовой информации в своем большинстве перешли на русский язык.

Таким образом, в качестве основных причин этого конфликта можно выделить, прежде всего, неудовлетворенность существующим социально-политическим, экономическим положением представителей титульного этноса, утрату доверия к центральным властям, рост пессимизма, возникновение атмосферы массового беспокойства, активизацию различных общественно-политических движений, усиление борьбы за власть. Так, в одном конфликте переплелись все факторы и возникли они не сразу, одновременно, а вызревали в течение длительного времени. Когда же в обществе появилась критическая масса проблем, когда сформировался определенный уровень национального самосознания и, наконец, появились политические силы, готовые использовать в борьбе за власть два первых фактора, это вылилось в открытое противостояние.

Позднее подобные конфликты произошли в Тбилиси (1989 г.), в Баку (1990г.), в Вильнюсе (1991) и сегодня они в совокупности рассматриваются как одна из причин распада Советского Союза.

В контексте такого понимания конфликтов, имевших место в бывшем СССР, мы можем констатировать, что межэтнические конфликты представляют собой одну из форм социальных, экономических, политических конфликтов, трансформация которых в межэтнические конфликты является закономерным процессом в условиях глубоких изменений полиэтнического общества.

В свое время Г.Лебон отмечал, что основные черты народа проявляются в ситуациях его общего недовольства и беспокойного состояния [Лебон, 1995, с.225].

В контексте такого понимания можно сделать вывод, что этнопсихологические особенности любого народа лучше познаются именно в сложных для этого народа ситуациях.

В первые годы независимости и суверенитета Республики появилось беспокойство, как же поведут себя представители титульной нации. В отдельных средствах массовой информации стали появляться различные предположения о возможности межэтнических конфликтов между двумя основными этносами - казахами и русскими, учитывая их культурные и фенотипические различия. Однако в этих предположениях не был учтен такой фактор, что основной отличительной чертой национальной психологии этих двух народов является, прежде всего, их настроенность на взаимодействие, толерантность. Сама территория Казахстана была очень долгое время ареной взаимодействия многих этнических культур, их различных опытов, мнений. Поэтому казахам традиционно присуща толерантность к культурам и конфессиям других народов, чувство уважения и открытость к другим культурам.

И, если в других государствах постсоветского пространства ухудшение положения в экономической, в социально-политической сферах, разорение деревни и аула, стихийное переселение людей в город и повальная их люмпенизация привели к обострению межэтнических отношений между представителями различных этносов, то в нашей республике этого не произошло. Несмотря на эти обстоятельства, так осложняющие жизнь простому человеку, двум основным этносам, казахам и русским, которые осознали меру своей ответственности за будущее не только своих народов, но и всей страны удалось сохранить мир и согласие. Следовательно, в связи с тем, что именно казахам и русским суждено задавать основной тон в развитии межгруппового единства, есть надежда, что в республике не будет нарастания межэтнической напряженности. Сегодня для представителей всех этносов, проживающих на территории Казахстана, свойственно стремление к укреплению межэтнического взаимодействия через расширение межэтнических контактов, сотрудничества и кооперации. Это приводит к расширению сферы межэтнического общения и межэтнического взаимопонимания.

Исследования, проведенные в 2003 году на основе методики оценки способов реагирования на конфликтные ситуации, разработанной К.Томасом показали, что более 90% казахов отрицают у себя наличие таких качеств, как стремление к конфронтации, агрессивность, соперничество, конфликтность. В то же время более 60% отметили такие качества, как стремление найти взаимоприемлемое решение,

в чем-то уступить, доброжелательность и терпимость. Поэтому в сфере, как межличностных, так и межэтнических отношений казахи демонстрируют большую открытость для взаимодействия, чем другие народы. Что касается представителей русского этноса, то исследование показало их высокую настроенность на взаимодействие, готовность к сотрудничеству и кооперации. Сохранив свой высокий социально-профессиональный статус, они быстрее и лучше приспособились к условиям рыночной экономики, поэтому для них более актуальной стала проблема взаимодействия и сохранения толерантности. Лишь четвертая часть опрошенных русских указала на слабую выраженность такого качества как агрессивность, более 65% стремятся найти взаимоприемлемое решение, даже в чем-то уступить, проявить терпимость.

Вследствие этого различные проявления этнофобий, этнической нетерпимости, экстремизма здесь не получили поддержки, что явилось важной основой для предотвращения межэтнических конфликтов.

Отвечая на вопрос о возможности бесконфликтного существования на земле Казахстана, очень хорошо высказался М.М.Ауэзов, отмечая, что «бесконфликтное сосуществование возможно только там, где есть сотворение новой жизни. Оно не может состояться, если нет искренности и открытости намерений. История дает всем нам шанс облагородить свое сознание и свои поступки. Мы совместно избавляемся от пресса тоталитарного наследия, осколочных имперских амбиций и реликтов недавнего колониального прошлого» [Ауэзов, 2001, с.9].

Изучая и анализируя проблемы межэтнических конфликтов, мы пришли к выводу, что они представляют собой всего лишь одну из ситуаций в диапазоне изучения межэтнического взаимодействия как социально-психологического механизма отражения реальных межэтнических отношений. В последние годы в странах постсоветского пространства, особенно в тех, где удалось избежать конфликтов и столкновений на этнической почве, наиболее актуальным стало понятие «межэтническая напряженность». Поэтому сегодня в социально-психологических исследованиях, посвященных изучению межэтнического взаимодействия и межэтнических отношений в целом, концептуализация этого понятия вышла на первый план.

В ракурсе определения основных детерминант межэтнической напряженности особый интерес представляет изучение самого понятия «напряженность», «социальная напряженность», которые рассматриваются как результат общественных кризисов, ускоряющегося темпа жизни, все возрастающей стрессовой нагрузки. В целом социальная напряженность – это особое состояние общественного сознания и поведения, определяющееся массовым психическим беспокойством, эмоциональным возбуждением [Рукавишников, 1990; Солдатова, 1998]. Поэтому вполне допустимо воспринимать социальную напряженность как своеобразную психологическую предпосылку социально-экономического, политического кризиса в данном обществе, как это произошло в бывшем Советском Союзе, пережившим настоящую революцию, характеризующуюся трансформациями от одной социально-экономической формации к другой, следствием которой стало резкое ухудшение в социально-экономической жизни. В этих условиях социальная напряженность трансформировалась в межэтническую, ставшую источником межэтнической конкуренции и соперничества как между национально-этническими группами внутри государства, так и между независимыми суверенными государствами, образовавшимися в результате развала страны.

Вследствие этого, межэтническую напряженность можно рассматривать как определенный уровень психологической напряженности, который присущ любому обществу, независимо от его полиэтничности или моноэтничности.

Психологическая напряженность – это нормальное психологическое явление, которое присутствует, как в межличностных, так и в любых межгрупповых и межэтнических отношениях, и определяет не только этноконтактные ситуации, но и другие, обусловленные, например, элементами новизны или неожиданностей [Рукавишников, 1990, с.7-11].

Следовательно, в любом обществе независимо от его поли- или моноэтничности встречается определенный уровень межгрупповой напряженности, так как всегда имеют место проявления ингруппового фаворитизма. Поэтому вполне допустимо утверждать, что межэтническая напряженность всегда присутствует в любом полиэтническом государстве. Более того, межэтническая напряженность является социально-психологической характеристикой любых межэтнических

ких отношений, включая и те, которые представляются достаточно благополучными [Солдатова, 1998]. Это позволяет рассматривать ее как специфическую социально-психологическую характеристику существующих отношений, когда национально-этнические группы или их отдельные представители находятся в отношениях некоторой оппозиции, соперничества или конкуренции.

Г.У.Солдатова, в ходе изучения психологии межэтнических отношений в ситуации социальной нестабильности на материале республик Северного Кавказа, Татарстана, Тувы предлагает свое видение проблемы. В отличие от устоявшихся мнений, что межэтническая напряженность сопровождает предконфликтный этап или, что это всего лишь психологическая сторона социального кризиса или конфликта, она приходит к выводу, что напряженность возникает задолго до конфликта и еще долгое время после его разрешения оказывает влияние на межэтнические отношения. Следовательно, межэтническая напряженность охватывает все этапы развития противоречий между национально-этническими группами. В ракурсе такого понимания напряженности, она утверждает, что конфликты - это всего лишь одна из стадий межэтнической напряженности [Солдатова, 1998].

Вследствие этого, межэтническую напряженность можно рассматривать как результат нарушения «баланса взаимоотношений» на всех уровнях полиэтнического общества. Поэтому применительно к относительно стабильным межэтническим отношениям, характерных для современного Казахстана, вполне допустимо, использовать понятие «межэтническая напряженность». На наш взгляд, оно не имеет такого негативного содержания как конфликт и может реализоваться в том обществе, где адекватно представлены как позитивная, так и негативная идентичность, как позитивные, так и негативные стереотипы, определяющие общую направленность на межэтническое взаимодействие. Исходя из этих рассуждений, мы считаем, что социально-психологическое исследование межэтнического взаимодействия в условиях Республики Казахстан будет более продуктивным в ракурсе методологии межэтнической напряженности.

Это дает нам право в контексте своих теоретических и эмпирических исследований рассматривать межэтническую напряженность как социально-психологическую содержательно-динамическую характеристику межэтнического взаимопонимания и межэтнических отношений в целом.

В связи с этим межэтническую напряженность мы исследуем как важную характеристику казахстанского общества, субъектами и объектами которой выступают как национально-этнические группы, так и отдельные ее представители. Это приводит к актуализации проблемы разработки социально-психологической программы и методов исследования, позволяющих объективно диагностировать и прогнозировать состояние межэтнических отношений; проблемы усиления психокоррекционной работы в целях укрепления взаимопонимания народов. Одной из составляющих этой программы может стать проведенное кросс-культурное исследование межэтнической напряженности как социально-психологического механизма межэтнического взаимодействия.

4.2 Кросс-культурное эмпирическое исследование межэтнической напряженности как социально-психологического механизма межэтнического взаимодействия

Основные методологические принципы и предположения, высказанные нами в теоретической части исследования межэтнической напряженности были конкретизированы в эмпирическом исследовании.

Предметом исследования явились наиболее значимые социально-психологические характеристики межэтнического взаимодействия, определяющие наличие или отсутствие межэтнической напряженности.

Объектом исследования выступили студенты, при выборе которых мы исходили из понимания того, что студенческая среда - это одна из самых интенсивных сфер межэтнических отношений. Именно в высших учебных заведениях встречаются представители различных этносов и вступают в контакт самые различные системы мировосприятия и миропонимания. Именно в этот период происходит формирование толерантности или интолерантности как важных характеристик личности и целой группы, детерминирующих особенности и специфику взаимодействия между представителями различных этнических групп.

В пилотажном и основном этапах исследования приняли участие 450 студентов КазНУ им. аль-Фараби, Южно-казахстанского универ-

ситета им. М.О.Ауезова и Актюбинского государственного педагогического института.

В качестве исследовательского инструментария были использованы методические разработки, предназначенные для изучения лишь отдельных показателей межэтнической напряженности: «Методика социальной дистанции» Э.Богардуса; тест «Агрессивность», прямые ответы на заданные вопросы анкеты.

Понятие «социальная дистанция» было введено Э.Богардусом для характеристики близости или отчужденности социальных или этнических общностей, отдельных людей. Величина социальной дистанции по отношению к представителям той или иной национально-этнической группы является одним из показателей межэтнической напряженности.

Л.Г.Почебут для определения уровня толерантности-интолерантности ввела понятие «этнокультурная дистанция», которая является показателем динамики установок на интеграцию или обособление с другими национально-этническими группами [Почебут, 2003, с.174].

Максимальная этнокультурная дистанция означает, что представители одной этнической общности держаться автономно, обособленно от других, что является показателем интолерантности, гиперидентичности, доходящей до этнофанатизма. Минимальная дистанция является свидетельством направленности на взаимодействие индивидов, принадлежащих к разным национально-этническим группам и определяет толерантное отношение к ним.

В ходе эмпирического осмысления проблемы межэтнической напряженности в контексте межэтнического взаимодействия между представителями исследуемых этносов, мы исходили из понимания, что этническая дистанция является показателем межэтнической напряженности; чем выше степень этнокультурной приемлемости, тем ниже степень межэтнической напряженности и, наоборот, чем выше степень этнической дистанции, тем выше степень межэтнической напряженности.

Использование данного подхода позволило определить этническую дистанцию в качестве одного из основных психологических индикаторов отражения реальных межэтнических отношений, сложившихся в Республике Казахстан между представителями казахского и русского этноса.

Оценка величины этнической дистанции проводилась в соответствии с предложенными Л.Г.Почебут математическими формулами:

$$\mathcal{ЭП}_B = \frac{n}{n-1} ;$$

$$\mathcal{ЭП}_P = \frac{\sum (+) + \sum (-)}{3(n-1)} ;$$

где (ЭПв) определялась как возможная этническая приемлемость и (ЭПр) как реальная этническая приемлемость, обработанными с использованием пакета прикладных компьютерных программ универсальной обработки табличных данных Microsoft Excel XP, для проведения процедуры подсчета реальной этнической приемлемости представителей своего и «чужого» этноса был использован пакет статистических программ «SPSS». Сложная математическая обработка полученных результатов исследования позволила дать им психологическую интерпретацию и выявить степень приемлемости этногрупп.

Следует отметить, что, анализируя результаты проведенного исследования, мы исходили из того, что если групповая реальная этническая приемлемость (ЭПр) положительная и составляет больше 50% от возможной этнической приемлемости (ЭПв), это является показателем высокой степени реальной этнической приемлемости, раскрывающейся в толерантности, стремлении к интеграции, близости, отсутствию напряженности в отношениях.

Положительная групповая реальная этническая приемлемость, составляющая менее 50% от возможной этнической приемлемости, является свидетельством существования напряженности в отношениях с представителями других национально-этнических групп, отсутствия стремления к интеграции с ними.

Отрицательная групповая реальная этническая приемлемость (ЭПр) является показателем стремления к обособлению, существования интолерантности и напряженности в отношениях, явного или скрытого межэтнического конфликта.

В качестве индикатора отсчета было выбрано принятие представителей «другого» этноса как коллег по работе, стремление строить с ними деловые отношения.

На основе изучения размера дистанции и типа социальной приемлемости была построена таблица градации толерантности (см. Таблицу 5). Положительный показатель этнической толерантности явился свидетельством стремления данного человека к сближению с представителями оцениваемого этноса.

Отрицательный показатель, напротив, является свидетельством далекой этнической дистанции, нежелания общаться с представителями данной национально-этнической группы, что находит проявление в этнической нетерпимости и интолерантности и является отражением существования межэтнической напряженности.

Таблица 5

Градации толерантности для всей выборки

№	Размер дистанции	Тип социальной приемлемости	Градации толерантности
1	+1,003 +0,625	Родственники	Этническая идентичность
2	+0,624 +0,375	Друзья	Высокая положительная толерантность
3	+0,374 +0,125	Соседи	Средняя положительная толерантность
4	+0,124 -0,125	Коллеги	Нормальная толерантность
5	-0,126 -0,375	Граждане	Средняя отрицательная толерантность
6	-0,376 -0,625	Туристы	Высокая отрицательная толерантность
7	-0,626 -1,003	Не видеть	Интолерантность

Таким образом, в результате проведения кросс-культурного эмпирического исследования были получены результаты, раскрывающие степень групповой реальной этнической приемлемости представителей казахского и русского этноса.

Групповой показатель возможной этнической приемлемости казахами русских г. Алматы составил +1,02, а реальная этническая приемлемость составила +0,42, что равно 41,3% от возможной этнической приемлемости и является показателем средней положительной толерантности, по типу социальной приемлемости принятия русских на уровне друзей. Возможная этническая приемлемость казахами казахов г. Алматы (КазНУ) составила +1,02, а реальная этническая приемлемость равно +0,63, что составило 62% от возможной этнической приемлемости. Полученные результаты явились показателем нормальной этнической идентичности и принятия представителей своего этноса на уровне близких родственников. Эти данные свидетельствуют о стремлении казахов к интеграции со своим этносом и являются показателем толерантных отношений внутри него.

Возможная этническая приемлемость казахами русских г. Актобе (АГПИ) составила +1,02, а реальная социальная приемлемость составила +0,32, что равно 32% от возможной этнической приемлемости, т.е. меньше 50%, что является показателем средней положительной толерантности представителей казахского этноса, по типу социальной приемлемости принятия русских на уровне соседей. Групповой показатель возможной этнической приемлемости казахами казахов г. Актобе составила +1,02, а реальная этническая приемлемость равна +0,67, что составило 66% от возможной этнической приемлемости, что явилось показателем нормальной этнической идентичности.

Возможная этническая приемлемость казахами русских г. Шымкент (ЮКГУ) составила +1,02, реальная этническая приемлемость равна +0,34, что составляет 33,3% от возможной этнической приемлемости, т.е. меньше 50 % и является показателем средней положительной толерантности. Возможная этническая приемлемость казахами казахов (г. Шымкент) составила +1,02, а реальная этническая приемлемость равна +0,87, что составило 86% от возможной этнической приемлемости и явилось показателем высокой этнической приемлемости и нормальной этнической идентичности.

Групповой показатель возможной этнической приемлемости русскими казахов по г. Алматы составил +1,02, а реальная этническая

приемлемость составила +0,37, что равно 36,6% от возможной этнической приемлемости, что является показателем средней положительной толерантности и принятия представителей казахского этноса на уровне соседей и свидетельствует о наличии стремления к автономности, отсутствия стремления к тесной интеграции. Групповой показатель возможной этнической приемлемости русскими по г. Алматы составил +1,02, а реальная этническая приемлемость составила +0,71, что равно 70% и характеризует высокую приемлемость, стремление к интеграции, близости, развитию толерантных отношений внутри своего этноса. Это является показателем этнической идентичности со своим этносом и по типу этнической приемлемости принятия представителей своего этноса на уровне родственников.

Групповой показатель возможной этнической приемлемости русскими казахов г. Актобе составил +1,02, реальная этническая приемлемость равна +0,29, что составило 29,3% от возможной этнической приемлемости. Это является показателем средней положительной толерантности и принятия казахов на уровне соседей. Групповой показатель возможной этнической приемлемости русскими представителей своего этноса г. Актобе составил +1,02, реальная этническая приемлемость равна +0,79, что составило 78% от возможной этнической приемлемости и говорит о наличии типа социальной приемлемости – как родственники и градации толерантности - как этническая идентичность.

Групповой показатель возможной этнической приемлемости русскими казахов по г. Шымкенту составил +1,02, реальная этническая приемлемость равна +0,38, что составило 37,3% от возможной этнической приемлемости и свидетельствует о высокой положительной толерантности русских по отношению к представителям казахского этноса и по типу социальной приемлемости принятия их на уровне друзей. И, наконец, групповой показатель возможной этнической приемлемости русскими русских по г. Шымкенту составил +1,02, а реальная этническая приемлемость равна +0,86, что соответствует 84,6% от возможной этнической приемлемости и говорит о высокой этнической приемлемости членов своего этноса, о стремлении к интеграции и близости с ними, о толерантном отношении внутри своего этноса.

Таким образом, анализ результатов проведенного кросс-культурного эмпирического исследования показал, что для респондентов казахов, проживающих в г.Алматы, Актобе и Шымкенте наиболее приемлемыми являются представители своего этноса. У студентов, обучающихся в Южно-казахстанском университете им. М.О.Ауезова этот показатель наиболее высокий, а наиболее низкий групповой показатель возможной этнической приемлемости представителей своего этноса у студентов КазНУ им.аль-Фараби.

В целом для респондентов казахов характерна высокая степень групповой реальной этнической приемлемости представителей своего этноса, средний показатель которой составил 71,3%, социальная приемлемость - на уровне родственников, что явилось показателем толерантности к представителям своего этноса, проявляющейся в стремлении к внутригрупповой интеграции, отсутствия напряженности в отношениях.

Самый низкий показатель групповой реальной этнической приемлемости казахами русских характерен для студентов Актюбинского государственного педагогического института, самый высокий показатель реальной этнической приемлемости казахами русских характерен для алматинских студентов. В целом для казахов характерна социальная приемлемость представителей русского этноса на уровне друзей и соседей, а средний показатель групповой этнической дистанции с представителями русского этноса по всем трем вузам составил 35,5%, что является свидетельством существования незначительной напряженности в отношениях между национально-этническими группами, характеризующейся отдельными проявлениями интолерантности, отсутствия стремления к интеграции.

Что касается респондентов представителей русского этноса, то, для них, как и для казахов, проживающих в г.Алматы, Актобе и Шымкенте, наиболее приемлемыми являются представители своего этноса.

Исследование показало, что у студентов русской национальности, обучающихся в Южно-казахстанском университете им. М.О.Ауезова, как и у студентов казахской национальности, обучающихся в этом же вузе, групповой показатель реальной этнической приемлемости представителей своего этноса самый высокий. Самый низкий показатель групповой реальной этнической приемлемости своего этноса характерен для русских, получающих образование в КазНУ им. аль-

Фараби. В целом для русских студентов характерен тип социальной приемлемости представителей своего этноса на уровне родственников, а показатель групповой реальной этнической приемлемости с представителями своего этноса в среднем составил 77,5%. Для шымкентских студентов русской национальности характерен самый высокий уровень групповой реальной этнической приемлемости казахов, а самый низкий уровень приемлемости казахов характерен для русских студентов, проживающих в г.Актобе.

Представители казахского этноса воспринимаются русскими на уровне друзей г.Шымкент и соседей (Алматы, Актобе), а средний показатель групповой реальной этнической дистанции с представителями казахского этноса по всем трем городам в среднем составил 34,4%, что также является свидетельством существования незначительной межэтнической напряженности в отношениях.

Подтверждением существования незначительной межэтнической напряженности является то, что только для двадцати из опрошенных студентов характерна отрицательная приемлемость представителей другой национально-этнической группы.

У респондентов первой группы - казахской, субъективно предпочитаемая социальная дистанция с представителями русского этноса относительно велика. Они избегают достаточно близких форм социального контакта с русскими, осторожно относятся к тому, чтобы те были их родственниками или членами семьи, но в то же время они согласны с тем, чтобы русские жили в их городе, были соседями и друзьями. Относительно представителей русского этноса можно признать то же самое, они также принимают казахов на уровне соседей, проживающих на одной улице, друзей и не стремятся видеть их в качестве родственников или членов семей.

Однако следует отметить, что полученные результаты проведенного исследования позволяют констатировать, что для представителей казахского этноса характерна более высокая степень групповой этнической приемлемости представителей «другого» этноса и они в большей степени готовы строить позитивные взаимоотношения со студентами русской национальности. Для представителей русского этноса характерна более низкая степень групповой этнической приемлемости «другого» этноса» и они отличаются более высокой степенью этнической приемлемости представителей своего этноса.

Тем не менее, в целом социальная приемлемость представителей казахского и русского этноса колеблется между оценкой друг друга

в пределах нормы - принятие как личных друзей и соседей. Индекс толерантности соответствует норме; и для тех, и для других характерны высокий положительный, средний положительный и нормальный уровень толерантности, что является показателем наличия незначительной степени межэтнической напряженности.

Следующий этап кросс-культурной программы исследования межэтнического взаимодействия был направлен на изучение степени агрессивности, проявляющейся как в поведении отдельного человека, так и целой национально-этнической группы.

Данная цель обусловила постановку следующих задач: изучить формы проявления агрессивности; выявить степень агрессивности и, соответственно, степень адаптивности представителей казахского и русского этносов.

Объем выборки составил 150 респондентов, из них 75 представителей казахского и 75 представителей русского этносов - студентов Казахского национального университета им. аль-Фараби, Южно-казахстанского государственного университета им. М.О.Ауезова и Актюбинского государственного педагогического института.

В качестве основной методики исследования был использован тест «Агрессивность», созданный Л.Г.Почебут для определения степени агрессивности не только отдельной личности как представителя того или иного этноса, но и для характеристики агрессивности целой национально-этнической группы.

При проведении исследования мы исходили из понимания, что высокая степень агрессивности предполагает низкую степень адаптивности и, наоборот, низкая степень агрессивности предполагает высокую степень адаптивности. Для определения значимых различий по показателям агрессивности между респондентами казахской и русской выборок применялся t - критерий Стьюдента. Для оценки значимости различий по степени выраженности уровня агрессивности между выборками был применен H критерий Крускала-Уоллиса.

В современной психологии по форме своего проявления принято выделять пять шкал агрессивного поведения: вербальную агрессию, проявляющуюся в том, что человек вербально выражает свое агрессивное отношение к другому, использует словесные оскорбления; физическую агрессию, когда человек выражает свою агрессию по отношению к другому человеку с применением физической силы; предметную агрессию, проявляющуюся в том, что человек срывает

свою агрессию на окружающих его предметах; эмоциональную агрессию, которая появляется тогда, когда у человека возникает эмоциональное отчуждение при общении с другим человеком, сопровождаемое подозрительностью, враждебностью, неприязнью или недоброжелательностью по отношению к нему и, наконец, самоагрессию, проявляющуюся в том, что человек не находится в мире и согласии сам собой, у него отсутствуют или ослаблены механизмы психологической защиты, он оказывается беззащитным в агрессивной среде [Платонов, 2004].

В результате проведения исследования и математической обработки суммы баллов по каждой из пяти шкал были получены следующие результаты: средний арифметический показатель степени агрессивности у студентов казахской национальности составил соответственно по г.Алматы (КазНУ) – 10,2 баллов, по г. Шымкенту (ЮКГУ) – 12,4 баллов и по г. Актобе (АГПИ) – 13,4 баллов. Средний арифметический показатель степени агрессивности у студентов русской национальности составил соответственно по г.Алматы – 13,5 баллов, по г. Шымкенту – 10,3 балла и по г. Актобе – 15,6 баллов.

Анализ полученных результатов исследования показал, что для студентов казахской и русской национальностей характерен средний уровень агрессивности, а для казахов Алматы и русских, проживающих в г.Шымкенте характерна низкая степень агрессивности и, следовательно, высокая степень адаптивности. Наиболее характерной для всех исследуемых групп оказалась вербальная и эмоциональная агрессия.

Низкая степень агрессивности и высокая степень адаптивности русских респондентов, представляющих ЮКГУ, на наш взгляд, объясняется тем, что, проживая в Шымкентском регионе и составляя этническое меньшинство, для лучшей адаптации к условиям доминирующего в этом регионе казахского этноса они изучали культуру, обычаи, традиции, поэтому легко строили взаимодействие с представителями титульного этноса. Казахи, проживающие в этом регионе, в силу того, что они не подверглись такой ассимиляции, как казахи алматинского и актюбинского регионов, не нуждались в психологической защите своих национально-этнических интересов. Отличаясь гиперидентичностью, тем не менее, им не нужно было проявлять повышенную агрессивность в отношении русских, доказывая свою идентичность. Составляя этническое большинство, они не видели в представителях русского этноса угрозу в ущемлении своих этни-

ческих прав. Поэтому здесь почти не происходило конфронтаций на этнической почве между казахами и русскими.

Кроме того, важным фактором, способствующим стабилизации и сохранению межэтнической стабильности в этом регионе, является то, что юг Казахстана всегда отличался интернациональным составом населения. Если в Алматинской и Актюбинской областях, как правило, большинство населения представлено в основном представителями двух национально-этнических групп - казахами и русскими, причем русские составляли основную часть городского населения, а казахи в основном проживали в сельской местности, то на юге компактно проживают узбеки, чеченцы, курды, азербайджанцы, греки и др.

Средняя степень агрессивности, свойственная респондентам казахам, проживающим в г.Актобе, на наш взгляд, объясняется тем, что в данном регионе, представляя собой этническое меньшинство (40%), они в течение долгого времени подвергались ассимиляции и постоянно ощущали ущемленность своих не только этнических, но и социально-экономических прав. Сегодня, восстанавливая справедливость, активизируя компенсаторные механизмы психологической защиты своих этнических прав, они проявляют среднюю степень агрессивности.

Следует отметить, что это явление характерно не только для отдельных регионов Республики Казахстан, но и почти для всех стран постсоветского пространства, когда с получением суверенитета и независимости, многие титульные этносы стали восстанавливать свое ущемленное национальное достоинство, самоуважение за счет повышения агрессия против представителей русского этноса. Как отмечают исследователи [Лебедева, 1997; Солдатова, 1998; Платонов, 2003] ответная агрессия – это не только наказание в ответ на агрессию, но и стремление к восстановлению своего достоинства, справедливости. Одна агрессивность как бы компенсирует другую, и в результате оба субъекта оказываются «квиты», а социальные отношения приходят в норму. Однако ответное агрессивное действие должно быть соразмерно.

Средняя степень агрессивности русских респондентов, представляющих Алматинский регион, на наш взгляд объясняется тем, что, во-первых, многим из них еще трудно привыкнуть к мысли о доминантности казахского этноса.

Со стороны алматинских респондентов казахов такая позиция также является реализацией своеобразного комплекса, который сформировался за годы существования Советского Союза. Тем не менее, алматинские студенты казахской национальности, показав низкую степень агрессивности, еще раз продемонстрировали этническую толерантность, которая прослеживается на всех этапах проведенной эмпирической программы кросс-культурного исследования структуры межэтнических отношений.

Степень агрессивности представителей казахской выборки г.Актобе почти равна степени агрессивности русской выборки, получающей образование в КазНУ им.аль-Фараби. Сравнительно высокая степень агрессивности, свойственная русским респондентам, проживающим в г.Актобе, на наш взгляд, определяется так называемым «синдромом навязанной этничности», рассмотренным нами во второй главе, в соответствии с которым повышенная агрессивность рассматривается в контексте реализации защитного механизма этнических прав.

Тем не менее, обработка по t - критерию Стьюдента для независимых выборок показала, что значимых различий по показателям агрессивности между респондентами казахской и русской выборки по г.Алматы, Шымкенту, Актобе не было выявлено ($p > 0,01$):

1. Степень агрессивности между представителями казахского и русского этносов (г.Алматы) не имеет значимых различий ($t = 0,84$; $p > 0,01$);

2. Степень агрессивности между представителями казахского и русского этносов (г.Шымкент) значимых различий не имеет ($t = 0,55$; $p > 0,01$);

3. Степень агрессивности между представителями казахского и русского этносов (г.Актобе) ($t = 0,47$; $p > 0,01$) значимых различий не имеет.

Примененный для оценки значимости различий по степени выраженности уровня агрессивности между выборками казахов трех городов – Алматы, Шымкента, Актобе и русских по трем городам H критерий Крускала-Уоллиса показал, что значимых различий между выборками казахов не выявлено ($H = 2,51$ $p > 0,01$), тогда как между выборками русских трех городов были выявлены значимые различия ($H = 8,29$ $p > 0,05$)

Таким образом, проведенное кросс-культурное исследование показало, что в целом, как для казахской, так и для русской выборок характерны проявления средней и низкой степени агрессивности. Однако у респондентов титульного этноса степень агрессивности ниже, степень адаптивности выше, чем у представителей русского этноса, и, соответственно ниже уровень межэтнической напряженности.

На наш взгляд, выявленные в ходе проведенного исследования проявления этнокультурной приемлемости и агрессивности – адаптивности, явились выражением реализации своеобразной психологической защиты, нашедшей свое выражение в активизации защитных психологических механизмов, которые действуют на неосознанном уровне.

Если психологическая защита представляет собой специальную регулятивную систему стабилизации, направленную на снижение тревоги и страха, связанных с осознанием напряженности или конфликта, то сам процесс активизация системы психологической защиты национально-этнической группы можно рассматривать как результат взаимодействия осознаваемого и неосознаваемого содержания этничности при наличии реальной или воображаемой оппозиции в виде другой группы. В условиях относительно стабильного казахстанского общества основной задачей защитных механизмов является поддержание устойчивой позитивной идентичности.

В качестве способов ее саморегуляции со стороны русской выборки, представляющей Актюбинский регион, на уровне национально-этнической группы наибольшее значение приобретают антиассимиляционные процессы, боязнь растворится в другом этносе; со стороны представителей казахского этноса - восстановление самоуважения, возрождение своего родного языка, своей культуры, восстановление своего национального достоинства.

Из этих рассуждений следует, что между представителями казахского и русского этносов существует определенная межэтническая напряженность, но она определяется пределами психологической нормы.

Следовательно, проведенное исследование, направленное на изучение отдельных проявлений межэтнического взаимодействия – межэтнической напряженности, выражающейся в этнокультурной дистанции и степени агрессивности, которые являются взаимосвя-

занными, но относительно самостоятельными ее характеристиками, детерминирующими ее содержание, явилось отражением существующих реальных межэтнических отношений, складывающихся между представителями казахского и русского этносов.

4.3 Социально-психологическое исследование теоретических и прикладных аспектов межэтнического общения и адаптации

Межэтническая интеграция, как уже было отмечено, являясь наиболее позитивным видом межэтнического взаимодействия, реализуется через межэтническое общение и адаптацию.

Экстраполируя взгляды М.Кагана, что «детерминация характера общения осуществляется на двух уровнях: на уровне собственно социальном, на котором господствующие общественные отношения определяют содержание общения людей; на уровне культурной жизни общества, на котором проявляется зависимость форм общения, его языка, способов его реализации от этнических, исторических, классовых, профессиональных... и др. особенностей каждого конкретного типа культуры» [Петрова, 2003, с.224] на результаты своего исследования, мы пришли к выводу, что изучение общения только на общесоциальном уровне не в состоянии отразить всего многообразия видов и форм общения, что, изучая его основные детерминанты с психологической точки зрения, мы можем выявить и понять все его особенности, в том числе, и этнические.

В связи с этим наибольший интерес для нас представляет определение, данное Д. Мацумото, что общение – это процесс, связывающий всех нас, помогающий выполнять работу, строить взаимоотношения и достигнуть целей, который важен для развития и сохранения культуры, передачи ее от одного поколения к другому [Мацумото, 2002, с.274].

Из этого следует, что в контексте исследования межэтнического общения как социально-психологического феномена, определяющего реальное межэтническое взаимодействие, особую значимость приобретает изучение не самого языка, а того, как происходит языковое (речевое) взаимодействие, позволяющее представителям различных национально-этнических групп быть компетентными в многообразных ситуациях общения. В связи с этим актуализируется понятие

этнокоммуникативной компетентности, которое мы рассматриваем как важный фактор оптимизации межэтнического общения.

Этнокоммуникативная компетентность проявляется, прежде всего, в определенной готовности личности вступать в общение с представителями других этнических общностей, которая реализуется в понимании и усвоении этноспецифического значения норм и ценностей, моделей вербального и невербального поведения их представителей.

Содержание этнокоммуникативной компетентности детерминруется опытом общения, степенью его интенсивности, реализуется оно в формировании определенного отношения к той или иной группе. Исследования, проведенные в этнопсихолингвистическом контексте [В.Ф.Петренко, Э.Н.Аллахвердяни], показали, что чем выше уровень этнокоммуникативной компетентности личности, тем позитивнее и ценностнее будет ее отношение к той или иной национально-этнической группе.

В связи с этим сегодня появилась острая необходимость поиска новых путей кросс-культурного анализа этнокультурной коммуникации, осуществляемой между представителями различных национально-этнических групп.

В последние годы в рамках этно- и психолингвистики, психологии общения начали разрабатываться теоретические и прикладные аспекты этой проблемы, которые, однако не в состоянии представить саму теоретико-методологическую парадигму исследования межэтнической коммуникации. На наш взгляд, эти исследования должны определяться тем, что образы сознания, стереотипы мышления представителей одной национально-этнической группы необходимо анализировать в процессе контрастного сравнения с образами сознания и особенностями мышления представителей другой культуры.

Психолингвистическое исследование этнокоммуникативной компетентности, в первую очередь, детерминировано языковым сознанием [Тарасов, 1996, с.7-20]. Языковое сознание, рассматриваемое Е. Ф.Тарасовым как «языковой образ мира», «языковая картина мира» носителя определенной этнической культуры, формируясь в процессе этнокультурации, «вхождения» в данную культуру, отличается определенными качествами. В контексте современной когнитивной психологии они подразделяются на перцептивные, которые сформированы в результате переработки перцептивных данных,

полученных от органов чувств; концептуальные, которые формируются в ходе мыслительной деятельности и процедурные, описывающие способы и последовательность использования перцептивных и концептуальных данных. Вследствие этого, каждый индивид как представитель конкретной национально-этнической группы имеет сознание, состоящее из образов и представлений, присущих данной культуре, отличное от сознания представителей других культур.

Образы и представления, возникающие в сознании и ассоциированные со словами, используются коммуникантами для построения мыслей при кодировании и декодировании речевых сообщений. Специфика общения при использовании национального языка заключается в особенностях построения речевой цепи, осуществляемого по правилам грамматики этого языка и в специфике образов сознания.

Как отмечает Г.М.Андреева, «коммуникативное влияние как результат обмена информацией возможно лишь тогда, когда человек, направляющий информацию (коммуникатор) и человек, принимающий ее (реципиент), обладают единой или сходной системой кодификации и декодификации [Андреева, 1996, с.85].

Следовательно, для достижения взаимопонимания между представителями разных национально-этнических групп необходимо, чтобы коммуниканты обладали, во-первых, общностью знаний об используемом языке и, во-вторых, общностью знаний о мире в форме образов сознания.

Язык, с одной стороны, выступая как этноинтегрирующий фактор, способствует формированию общности чувств и сознания представителей одной национально-этнической группы, а с другой – его можно рассматривать как фактор этнодифференциации с представителями других групп.

Для А.А.Потебни, понимавшего язык как главный не только этнодифференцирующий, но и этноформирующий признак любого народа, обуславливающий само существование этноса, все языки представляют собой системы символов, служащих выражению мысли. Язык, он определяет не как средство обозначения готовой мысли, а как ее творение, преобразование первоначальных доязычных элементов. Исходя из этих рассуждений, А.А.Потебня приходит к выводу, что язык представляет разные народы посредством своих национальных способов формирования мысли [Павленко, Таглин, 1994].

Согласно гипотезе Сепира-Уорфа, больше известной в психологии как гипотеза лингвистической относительности, люди как представители различных этносов говорят на разных языках и думают по-разному. Причины этого Э.Сепир и Б.Уорф видят в природе, структуре и функционировании языка.

Мыслительные процессы, их ассоциации, способы интерпретации мира - даже восприятие одних и тех же событий могут быть разными и потому что они говорят на другом языке, этот язык способствует формированию их структуры мышления [Мацумото, 2004]. Следовательно, языковые формы оказывая существенное обратное воздействие на перцептивные, мыслительные и когнитивные процессы вообще, формируют свою «этническую картину мира». Вследствие этого, получило развитие предположение, что люди, владеющие более, чем одним языком, могут в действительности руководствоваться разными структурами мышления, когда говорят на разных языках.

В соответствии с таким подходом к пониманию психологической сущности языка, он представляется не только средством выражения, но и формой, определяющей образ мыслей человека, то есть «грамматика сама формирует мысль, является программой и руководством мыслительной деятельности индивида» [Кочетков, 2002]. Через язык структурируется система морально-этнических, ценностных, идеологических установок в обществе, и при этом, наш лингвистически детерминированный мыслительный мир не только соотносится с нашими культурными идеалами и установками, но захватывает даже наши собственно подсознательные действия в сферу своего влияния» [Кочетков, там же].

В связи с этим в контексте исследования этнокоммуникативной компетентности нас интересует взаимосвязь языка и культуры, реализующаяся в которая позволяет рассматривать язык, прежде всего, как специфическую область национальной культуры, как средство хранения и передачи от поколения к поколению этнокультурной информации. Более того, большую ценность для нас представляет мнение Д. Мацумото, Е.Ф.Тарасова, В.В.Кочеткова, считающих, что язык является условием культуры, обладающей схожей с ним архитектурой и ее основой, на которую нередко накладываются более сложные структуры того же типа, соответствующие различным аспектам культуры.

Следовательно, язык – это не только средство общения, средство передачи мыслей и чувств, реально существующее и связанное с действительностью. Это, прежде всего семиотический код, знаковая система для шифровки информации, это инструмент коммуникации, средство оформления и регулирования информационных потоков, это инструмент мышления и познания. Одновременно язык является неотъемлемой частью и выражением культуры. Носители двух культур будут понимать друг друга в той мере, в какой образы их сознаний обладают общностью, пересекаются; несовпадение этих образов будет служить причиной неизбежного непонимания при межкультурном общении.

Определяя особенности развития этнокоммуникативной компетентности, необходимо исходить из понимания существования тесной взаимосвязи между языком и культурой. Культура влияет на структуру и функциональное использование языка и сам язык является проявлением культуры. Как отмечает Д. Мацумото, язык подкрепляет наши культурные ценности, осуществляя таким образом, обратную связь. Ни одну культуру нельзя полностью понять без понимания ее языка. И поскольку язык оказывает влияние на наше мышление и наши взгляды на мир, понимание того, как воздействует на язык культура, имеет важное приложение в области понимания культурных различий в точках зрения на мир [Мацумото, 2004, с. 257].

Этнокоммуникативная компетентность во многом детерминруется знанием особенностей использования средств коммуникации представителями различных национально-этнических групп. Например, в вербальной коммуникации одних народов большое значение уделяется содержанию сообщения, тому, что сказано, а не тому, как сказано. Как правило, коммуникация в таких культурах в слабой степени зависит от контекста и ситуации. Вследствие этого, здесь превалирует когнитивный стиль обмена информацией, в первую очередь, ценится беглость речи, точность использования понятий, логичность высказываний, развитые речевые навыки. Такую культуру в психологии определяют как низкоконтекстную [Лебедева, 1999, с.149].

В других культурах, наоборот, большее внимание уделяется тому с кем и при какой ситуации, с какой интонацией и скрытым смыслом происходит общение. Процесс вербальной коммуникации, осу-

ществляемой здесь, в первую очередь, характеризуется подчеркнуто вежливым обращением, неконкретностью речи, избытком некатегорических форм высказываний, очень часто используются неопределенные слова «может быть», «вероятно» и др. Такие культуры в психологии рассматриваются как высококонтекстные.

Российские психологи В.С.Кукушкин, Л.Д.Столяренко, Н.М.Лебедева, Т.Г.Стефаненко, анализируя русскую культуру, пришли к выводу, что она является высококонтекстной, потому что здесь ярко прослеживается зависимость коммуникации от контекста, проявляющаяся не только в открытости и эмоциональности, но при этом выбор эмоционально окрашенных слов зависит от ситуационного настроения, от особого отношения, которое человек хочет выразить именно в этот момент.

Этнолингвист И. Стернин, изучая этнокоммуникативное поведение русской лингвокультурной общности, отмечает следующие ее характерные особенности, как бескомпромиссность в споре, толерантность и конформизм во внутригрупповом общении и нетолерантность в межгрупповом, большую долю оценочных суждений, отсутствие антиконфликтной стратегии общения. Кроме того, по его мнению, для этнокоммуникативного поведения русских свойственна высокая искренность и эмоциональность общения, большое тематическое разнообразие, характерно стремление быстрее перейти от формального к неформальному общению и др. [Тарасов, 1996, с. 7-20].

Еще одной важной особенностью русского языка является то, что поле неопределенности гораздо богаче, чем в других языках, здесь наиболее часто используется множество неопределенных сочетаний: что-нибудь, что-то, почему-то, как - бы, некто и др. [Вежбицкая, 1997; Стефаненко, 2006].

Если говорить об этнокоммуникативной культуре казахов, то следует отметить, что в казахском языке, в первую очередь, обращают внимание на контекст сообщения, особо ценится то, какими словами оно выражено.

Вследствие этого, для казахской этнокоммуникативной культуры характерно особое отношение к слову, основанное на представлении о слове как о сакральном объекте или даже субъекте. Здесь считается, что слово может быть более действенным, чем само действие, слово материально и поэтому с ним необходимо обращаться очень

осторожно. Особое отношение к слову в казахской культуре коррелирует с высокой степенью стереотипизированности действий, тщательной разработанностью формы сообщения.

Поэтому отличительными характеристиками казахского языка является особая образность, многозначность и мозаичность. Не зря у казахов издавна особым почетом и уважением пользовались люди, обладающие даром красиво и образно говорить и петь. По великим торжествам устраивались айтысы, которые стали выражением своеобразной этнокоммуникативной культуры казахов, являющейся отражением их мировосприятия и мироощущения.

Анализируя этнокоммуникативную культуру представителей русского этноса, мы пришли к выводу, что русском языке для большей выразительности часто допускается произвольность расположения членов предложения, характерна большая вариативность грамматической и интонационной формы мысли, нежесткая регламентация правил коммуникации, большая эмоциональность и выразительность чувств. При этом русский язык имеет исключительно богатый репертуар лексических и грамматических выражений для разграничения эмоций и придания особой окраски межличностным отношениям [Вежбицкая, 1997, с.43].

Отличительными особенностями казахского языка, напротив, является стабильность расположения членов предложения и их четкая закреплённость в строго определенных местах. Подлежащее в предложении здесь всегда находится на первом месте, а сказуемое - на последнем, что, на наш взгляд, дает возможность, исходя из реакций слушающего, не только смягчить фразу, но и иногда полностью изменить ее смысл. Вербальная коммуникация казахов больше определяется не эмоциональностью участвующих во взаимодействии, а в первую очередь возрастным и социальным статусом участвующих в общении.

В этнокоммуникативном поведении казахов прослеживается повышенное внимание к прагматической стороне коммуникации, когда человек свои поступки рассматривает, прежде всего, с точки зрения того, какой смысл они имеют для партнера по взаимодействию, как они будут им интерпретированы. Такого же рефлексивного поведения казахи ожидают и от своих партнеров по общению. Исходя из этого, можно сделать вывод, что такая форма этнокоммуникативно-

го поведения казахов способствует не только удовлетворению самой потребности в общении, но и достижению групповой гармонии, что служит удовлетворению потребности в объединении. Следовательно, для казахской этнокоммуникативной культуры свойственен приспособляющийся стиль общения.

Как показывают исследования такой стиль общения характерен для многих восточных культур. У европейских народов чаще всего встречается инструментальный стиль этнокоммуникативного поведения, направленный на цель общения, на самого говорящего, его самовыражение и самопрезентацию. При этом, говорящий строит свое сообщение таким образом, чтобы можно было убедить собеседника в чем-либо или изменить его отношение к чему-либо. Как правило, он пытается убедить в чем-либо слушающих, совершенно не интересуясь, как воспринимает его собеседник, какую личность он в нем видит. Используя такой стиль общения убеждены, что они могут сами что-то изменить в окружающем мире и управлять им [Лебедева, 1999].

Одной из важных характеристик этнокоммуникативного поведения является использование прямого или непрямого коммуникативного стиля общения, детерминирующих степень выражения человеком своих внутренних побуждений. Для прямого стиля общения характерно четкое выражение истинных намерений говорящего в виде его желаний, ожиданий и, наоборот, для непрямого стиля общения «камуфлирование» истинных желаний и потребностей говорящего в ситуации общения с использованием определенных метафор, иносказаний.

В контексте такого понимания основных детерминант, характеризующих прямой и непрямой стили общения, мы можем констатировать, что характерной особенностью этнокоммуникативного поведения казахов является непрямой стиль общения, специфика которого проявляется в использовании участвующих в общении двойственного значения слов и выражений. В качестве примера можно привести известную казахскую пословицу: «Қызым, саған айтамын, келінім, сен тында» («Доченька, тебе я говорю, а ты, невестка, слушай»). Для того, чтобы сохранить гармонию отношений в семье, не ухудшить межличностное взаимодействие ошибки невестки фиксируются не напрямую, а опосредованно, через высказывание своего недовольс-

тва родной дочерью. Используя не прямое высказывание в адрес своей невестки, свекровь щадит ее чувства. При этом в высказывании четко вычленились три исходных момента: критическое восприятие поведения невестки, словесное оформление этой критики, поступок. Они кажутся парадоксальными по своему результату: думать об отрицательных качествах невестки, облечь эти мысли в слово и адресовать их своей же дочери в присутствии той же невестки, включает обязательность присутствия третьего лица. Воспитывая невестку, казахская женщина одновременно воспитывает и свою дочь.

В силу распространения такого непрямого стиля вербального общения любое критическое высказывание в адрес отсутствующего человека казах относит и к себе.

Свойственная для непрямого стиля двойственная или амбивалентная по смыслу коммуникация является средством многократного усиления передаваемых чувств или эмоций. Например, в казахском языке слово «кок» имеет два значения - голубой или зеленый. Небо - голубое – «кок» и в то же время «кок» - это зеленый цвет, цвет травы. С одной стороны, голубое небо - это символ бесконечности, а с другой, зеленая трава - это возраст человека - символ конечности. Это пример амбивалентности смысловых значений одного и того же слова, характерная для этнокоммуникативного поведения казахов. Как отмечает Ж.Каракузова : «Амбивалентность проявляется не только в соединении цветовых оттенков, но и в том, что четко разграничивая понятие голубого как верхнего и зеленого как нижнего миров, которые кочевники объединяют воедино. Такое явление заставляет вновь вспомнить то мифологическое представление, когда «небо» и «Земля» еще не были разделены» [Каракузова, 1997, с. 86]. Двойственная или амбивалентная по смыслу коммуникация, характерная для казахского языка, служит средством многократного усиления передаваемых чувств или эмоций казахов.

Таким образом, можно сформулировать вывод, что этнокоммуникативное поведение – это мощный конструкт, регулирующий общение представителей различных национально-этнических групп, выполняющий не только коммуникативные функции, но и являющийся своеобразным способом взаимодействия с окружающим миром.

Логика дальнейшего исследования межэтнического общения направляет нас к изучению невербальных средств коммуникации, ко-

которые еще в большей степени определяют особенности этнокоммуникативной компетентности.

Этнически и культурно обусловленные различия в невербальной коммуникации неоднократно становились предметом как научного, так и художественного анализа [*Бердовистла*, 1963; *Экмана*, 1972; *Бодалева*, 1983; *Сухарева*, 1997; *Лебедевой*, 1997; *Стефаненко*, 2006 и др.]. Неповторимый и специфический набор движений, поз, мимики, жестов четко дифференцирует невербальное этнокоммуникативное поведение представителей различных национально-этнических групп. Поэтому нам представляется актуальной точка зрения Д.Мацумото, что понимание культурных различий в невербальном поведении – это первый шаг к истинному пониманию культурных различий в сфере общения. Особую значимость имеет для нас его вывод, что «изучать межкультурное общение только с точки зрения вербального языка – значит исключать из рассмотрения очень важный процесс коммуникации» [*Мацумото*, 2002, с.292].

Сам вопрос о том, являются ли средства невербальной коммуникации универсальными, не имеющими этнических и культурных различий или же они обладают особой этнической спецификой долгое время являлся предметом научных дискуссий. Согласно «натуралистической» точке зрения, берущей начало от Ч.Дарвина и В.М.Бехтерева, невербальные явления связаны и определяются, прежде всего, биологическими процессами организма, а не этническими особенностями.

Сторонники «конвенционального подхода», напротив, считают, что все формы невербальной коммуникации этнически и культурно обусловлены.

Сегодня существует компромиссная точка зрения, согласно которой влияние этнической культуры, обычаев, воспитания отражаются на выборе форм невербальной коммуникации. И, если через словесный канал передается чистая информация, то через невербальный - отношение к партнеру по общению, к происходящим событиям, к обсуждаемым проблемам. Так, исследователь невербальных средств коммуникации А.Мейерабиан доказал, что 93% информации в процессе межкультурного взаимодействия передается по каналам невербальной коммуникации; из них 55% - мимикой, жестами, позами и 38% - высотой, тембром и интонацией голоса [*Лавриенко*, 1999, с.101].

Всего же невербальная система общения включает более 700000 мимических, жестовых движений и поз, многие из которых, как показали исследования, являются врожденными и позволяют человеку не только активно взаимодействовать друг с другом, но и добиться взаимопонимания как на эмоциональном, так и на поведенческом уровнях [Андреева, 1996]. На основе невербального общения соответственно не только раскрывается внутренний мир личности, но и осуществляется психологическое содержание общения и взаимодействия. Следовательно, невербальное поведение выступает показателем скрытых для непосредственного наблюдения не только индивидуально-психологических, социально-психологических, но и этнических характеристик личности как представителя определенной национально-этнической группы.

Если рассматривать все невербальные средства общения в контексте формирования этнокоммуникативной компетентности, то наибольшую значимость представляют оптико-кинестические, пространственно-временные и тактильные средства общения.

Из психологии общения известно, что контакт глазами представляет собой специфически знаковую систему, используемую в процессе коммуникации. Контакт глаз сообщает о готовности партнера поддержать коммуникацию или прекратить ее, поощрять партнера к продолжению диалога. Поэтому в социально-психологических исследованиях изучается не только частота обмена взглядом, длительность, но и смена статики и динамики взгляда, избегание его и др. [Андреева, 1996]. Различные культуры по-разному используют взгляд в общении. У каждой из них свое присущее, только им понимание взгляда. В этом смысле интерес представляет изучение контакта глазами у русских, которых Э.Эриксон назвал «глазеющей нацией». Изучая русскую литературу, в частности «Войну и мир» Л.Н.Толстого, он отметил особую выразительность глаз, присущую русским, их использование ими «как эмоционального рецептора, как алчного захватчика и как органа взаимной душевной капитуляции» [Стефаненко, 2004, с.173].

У казахов контакт глазами также играет огромную роль в общении. Так, традиционно младший по возрасту не должен смотреть прямо в глаза старшему. В то же время женщинам, в отличие от других мусульманских культур, с самых давних времен не возбранялось смотреть в глаза мужчине, равному или младшему по возрасту. Они

чаще, чем мужчины используют прямой взгляд, в котором женщине позволено передать не только свое отношение, но и свои чувства.

Вступая в межэтническое общение, представители различных этносов пытаются регулировать межличностную дистанцию путем отделения пространства для себя, согласно тем нормам, которые приняты в их культуре.

Э.Холл, занимаясь изучением правил, определяющих пространство и пространственные ресурсы, пришел к выводу, что каждая культура имеет свои сугубо специфические правила и нормы пространственной и временной организации общения, которые позволяют соблюдать межличностную дистанцию и помогают регулировать степень близости, держа под контролем проявление эмоций и чувств [Сухарев, 1998].

Поэтому распределение пространства в межэтническом общении также является важным аспектом, определяющим особенности этнокоммуникативной компетентности, который несет существенную информацию о вступающих в общение представителях того или иного этноса.

Андерсен, изучая психологию пространства в контексте культуры, пришел к выводу, что те народы, которые исторически проживали в южных местах с теплым климатом, придерживаются в общении более тесного контакта, включающего, в том числе, и тактильное взаимодействие. Народы, занимающие более северные территории, с более холодным климатом, предпочитают общаться на расстоянии и при этом меньше соприкасаются физически. И соответственно, если для первых - основной целью общения является установление межличностных отношений, пронизанных включенностью, то отличительной особенностью общения «северных» народов является, прежде всего, ориентация на достижение цели и выполнение конкретной задачи. Поэтому они не стремятся проявлять и демонстрировать свои чувства и переживания [Лебедева, 1999].

В 2001 году в Казахстане было проведено кросс-культурное исследование межэтнической дистанции среди представителей казахского и корейского этносов, которое показало, что корейцы в процессе общения предпочитают соблюдать более близкую дистанцию с казахами и русскими, чем с представителями других национально-этнических групп (в исследовании это были чеченцы, татары).

Что касается представителей казахского этноса, то изучение межличностной дистанции при их общении, позволило рассматривать казахов как среднеконтактную, открытую для общения культуру. Казахи, как правило, ведут разговор на расстоянии не ближе 50 см друг от друга, при этом расстояние при общении зависит от степени знакомства, от ситуации. Для женщин-казашек характерно общение на более близком расстоянии, чем для мужчин.

Важно обратить внимание на то, что «казахоязычные» казахи общаются друг с другом на более близком расстоянии, чем с «русскоязычными» казахами или с представителями других национально-этнических групп. Относительно общения «русскоязычных» казахов исследования показали, что в свою личностную зону общения, они допускают только таких же как они «русскоязычных» казахов. Как правило, они, плохо владеющие своим родным языком, ощущают чувство неуверенности и стыда, определенный дискомфорт, находящие свое выражение в агрессии при общении со своими соплеменниками. Поэтому при общении с «казахоязычными» казахами, они, бессознательно, стремятся увеличить большую межличностную дистанцию.

Более того, эмпирическое исследование этнической идентичности «русскоязычных казахов», проведенное в 2005 году Т.К Райымбековой показало, что они испытывают чувство стыда и раздражаются, когда двое казахов беседуют на русском языке; когда двое казахов беседуют на двух языках одновременно, они испытывают больше отрицательных эмоций и считают, что в этом случае лучше говорить на русском языке.

С этими выводами соотносятся выводы исследований, проведенных А.И.Донцовым, Т.Г.Стефаненко и Ж.Т.Уталиевой, что казахи-билингвы эмоционально нейтральны по отношению ко всем трем вариантам общения. У трети «русскоязычных» респондентов раздражение вызывает беседа двух казахов на русском языке - единственно возможная для них самих. Почти половину из них раздражает и беседа на двух языках, а общение на казахском языке вызывает чувство горечи и зависти. Исследование также показало, что наиболее радикальными в отношении этнического казахского языка оказались не владеющие им студенты. И наоборот, студенты, свободно владеющие двумя языками, при общем предпочтении казахского, оказались наиболее толерантными к использованию русского языка [Донцов, Стефаненко, Уталиева, 1997, с.75].

Среди невербальных средств, определяющих этнокоммуникативное поведение представителей различных этносов, большая роль отводится тактическим средствам, отражающим не только статусно-ролевые позиции, но и степень эмоциональной близости участников общения.

Исследования западных психологов показали, что представители коллективистских высококонтактных культур, стремясь к проявлению чувства близости, испытывают большую потребность в тактильном взаимодействии, чем представители индивидуалистических культур.

Что касается представителей казахского этноса, то, как показывают наблюдения, они более склонны к сдержанности в проявлении чувств. Однако в последнее время у мужчин, особенно молодых, практикуется прикосновение друг с другом при приветствии. Подобное тактильное взаимодействие при приветствии в настоящее время так же часто используется и среди представителей других национально-этнических групп, проживающих сегодня в Казахстане.

Таким образом, изучение и осмысление основных форм невербальной коммуникации, определяющей особенности этнокоммуникативной компетентности, показало, что они играют не только вспомогательную, но порой и главную в общении роль, поскольку в условиях непосредственного контакта между представителями различных национально-этнических групп большое значение имеет именно невербальное сопровождение.

В настоящее время характерная для Казахстана полиэтничность и мультикультурность, детерминируемая многообразием народов и культур, способствует развитию этнокоммуникативной компетентности в контексте межэтнического общения. И, если представители моноэтнических государств, попадая в другую этнокультурную среду, ощущают определенный психологический дискомфорт, неудовлетворенность, растерянность, а порой чувство страха, то казахстанцы, благодаря опыту повседневного межэтнического общения с представителями многих этнокультур, проживающих в Казахстане, чувствуют себя более комфортно и быстрее адаптируются к условиям инокультурного и иноязычного окружения. Как вспоминают бывшие воины-афганцы, именно казахстанцам (независимо от их этнической принадлежности) удалось быстрее других представителей бывшего Союза адаптироваться к условиям полиэтнического Афганистана и

найти общий язык с местными жителями. Сами воины-интернационалисты причину такой быстрой адаптации видят в том, что они имели большой опыт межэтнического общения у себя на Родине.

В реальности индивиды, оказавшиеся в инокультурной среде, вступая во взаимодействие с представителями других национально-этнических групп, часто сталкиваются с целым рядом проблем, вызванными непривычным для них образом жизни, особенностями языка, культуры, обычаев и традиций. Для того, чтобы это взаимодействие было более успешным и человек смог безболезненно войти в новую для него этносреду, важно определить те условия, которые детерминируют успешность этого взаимодействия.

Прежде всего, это территория, которая может быть общей или «своей» лишь для одной из групп; продолжительность взаимодействия; цель, раскрывающаяся в совместной деятельности, совместном проживании; тип вовлеченности в жизнь общества; частота и глубина контактов; относительное равенство статуса и прав; численное соотношение (большинство-меньшинство); явные различительные признаки (язык, религия, раса).

Тем не менее, как показывают исследования, в реальности, несмотря на реализацию всех этих условий, определяющих успешность межэтнического взаимодействия с представителями других национально-этнических групп, успешную деятельность, установившиеся глубокие психологические контакты, относительное равенство полученного статуса, отсутствие явных различительных признаков, у индивида появляется психологическая напряженность во взаимодействии, мешающая адаптации к условиям инокультуры.

В связи с этим особую значимость приобретает исследование проблем межэтнической адаптации, которая рассматривается как одна из стратегий межэтнической интеграции и которую в современной психологии понимают как процесс приспособления к новой культуре, процесс, в результате которого человек может достигнуть относительного психологического равновесия и совместимости с другой инокультурной средой, когда происходит изменение этнических стереотипов и идентификация себя с новым обществом. В целом процесс межэтнической адаптации сегодня рассматривают как конечный результат аккультурации, способствующий изменениям в культуре этноса, в его ценностных ориентациях, нормах, традициях.

В связи с усилением межэтнических контактов и взаимодействия, начиная с 50-х годов XX века, проблема аккультурации превратилось в одно из приоритетных направлений современной западной кросс-культурной психологии.

Что касается стран постсоветского пространства, где сегодня эта проблема приобрела особую значимость и, на наш взгляд, должна рассматриваться не только в контексте научных исследований, но и на уровне государственной политики регулирования межэтнических отношений, то здесь, к сожалению, можно констатировать отсутствие подобных исследований. Лишь отдельные аспекты проблемы аккультурации представителей русского этноса, проживающих в странах бывшего Советского Союза, рассматривались в кросс-культурных исследованиях Н.М.Лебедевой, В.Г.Крысько, Т.Г.Стефаненко.

В Республике Казахстан эта проблема до сих пор остается мало изученной. Сегодня мы можем выделить лишь отдельные исследования Н.Ж.Байтеновой, А.Нысынбаева, Р.Б.Абсатарова, которые были проведены в контексте философии и политологии.

Что касается изучения проблем аккультурации и адаптации в ракурсе социально-психологического знания, то этот пласт исследований, который в силу полиэтничности и мультикультурности Казахстана должен стать приоритетным, к сожалению, остается совсем не изученным.

В современной социальной психологии аккультурация рассматривается как социально-психологический феномен, проявляющийся тогда, когда представители различных национально-этнических групп вступают в непосредственный и продолжительный контакт, в результате которого происходят изменения в культурах одной или обеих групп вместе [Berry, 1997, p.7]. Однако бóльший интерес представляют не только те культурные изменения, которые происходят в контексте группы, а те, которые прежде, всего, реализуются на уровне психологии отдельной личности как представителя той или иной национально-этнической группы.

По мнению Дж.Берри процесс аккультурации личности, попавшей в другую культуру детерминирован такими проблемами, как поддержание своей культуры (т.е сохранение своей культурной идентичности) и участие в межэтническом взаимодействии (в какой степени личность включается в «чужую» культуру или остается среди своих).

Исходя из вариантов решения этих проблем, исследователи (М.Херсковиц, Дж.Бери, С.Брокнер) выделяют следующие стратегии аккультурации, которые реализуются в межэтническом взаимодействии:

- ассимиляцию – понимаемую как вид аккультурации, при которой происходит естественное или насильственное растворение и подавление этнического меньшинства, проявляющуюся в принятии языка, обычаев, норм доминантной группы;
- сепарацию – как вид аккультурации, при которой происходит отрицание представителями этнического меньшинства культуры большинства при сохранении своих этнических и культурных особенностей;
- маргинализацию - как вид аккультурации, при которой человек не идентифицирует себя ни со своей культурой, ни с культурой этнического большинства;
- интеграцию – при которой этническими группами сохраняется своей национально-этнической и культурной идентичности и объединение их в единое новое сообщество [Крысько, 2002].

Выделяя эти стратегии, исследователи в течение долгого времени считали, что наилучшей из них является ассимиляция с доминирующей национально-этнической группой. Однако в последний период, когда у многих этносов появилась потребность в сохранении своей этнической самобытности и этнического своеобразия, наиболее предпочитаемой и успешной стратегией аккультурации становится интеграция, проявляющаяся в идентификации, как со своей национально-этнической группой, так и с другими. Одним из условий реализации этой стратегии является взаимное приспособление, раскрывающееся в принятии представителями национально-этнических групп полиэтнического государства права всех жить как этнически и культурно различные народы, что возможно при условии адаптации нетитульной группы к основным культурным, мировоззренческим, нравственным ценностям титульного этноса, который, в свою очередь, должен быть открытым для всех этнических групп.

Изучение процесса психологической адаптации как результата долговременной аккультурации дало возможность выделить несколько ее видов, среди которых выделяются социокультурная, экономическая и психологическая.

Социокультурная адаптация рассматривается как процесс приспособления личности к новым социальным и культурным условиям другой этнической среды. Экономическая адаптация, в первую очередь, определяется тем, насколько быстро личности удастся приспособиться к новым условиям профессиональной деятельности, добиться в ней определенных результатов. Психологическая адаптация определяется тем, насколько быстро и безболезненно личности удалось достичь психологической удовлетворенности и комфорта в новой для нее национально-этнической и культурной среде.

Следует отметить, что все виды адаптации не только взаимосвязаны, взаимодополняют, но и взаимопределяют друг друга. Например, успешная психологическая адаптация определяется не только индивидуально - психологическими особенностями самой личности, но и социальной, культурной и экономической средой, в которой она живет, а удачная социокультурная адаптация, в свою очередь, определяется не только социальными, культурными и экономическими условиями, но и индивидуально - психологическими особенностями самой личности, определяющими ее умение входить в новые контакты и отношения с представителями другой этнической и культурной среды.

Однако, как отмечают западные исследователи (М.Херсковиц, Р.Линтон) адаптация не всегда приводит к взаимному соответствию личности и новой этнокультурной среды. В определенных ситуациях личность может оказывать сопротивление и даже может стремиться к изменению своей среды или измениться взаимно. В этом случае исследователи отмечают явления декультурации, транскультурации, неокультурации.

В ракурсе такого понимания процесса адаптации можно констатировать, что она не всегда может быть позитивно направленной. Это позволяет рассматривать ее как некий биполярный континуум, на концах которого расположены позитивные и негативные значения, выбор которых определяется успешностью приспособления личности к новым условиям этнокультурной среды.

В контексте выделения позитивных и негативных значений аккультурации Дж.Берри предложил несколько ее моделей, в соответствии с которыми, интеграция определяется позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью; ассимиляции соответствует негативная этническая идентичность

и этническая толерантность; сепарации - позитивная этническая идентичность и интолерантность, а маргинализации определяется негативной этнической идентичностью и интолерантностью [Berry, 1997].

Следовательно, основными социально-психологическими показателями позитивной аккультурации являются позитивная этническая идентичность и этническая толерантность и, наоборот, социально-психологическими показателями негативной аккультурации являются негативная этническая идентичность и этническая интолерантность.

Изучение проблем аккультурации русских жителей ближнего зарубежья, проводившееся Н.М.Лебедевой в 1995, 1997 годах, показало, что для русских новых независимых государств характерен так называемый «стресс аккультурации», вызванный процессом психологической адаптации к быстроидущим социально-политическим и особенно этнокультурным изменениям.

По мнению Н.М.Лебедевой, основным психологическим стержнем «стресса аккультурации» русских в новых независимых государствах явился кризис социальной идентичности, прежде всего, этнической и гражданской, а психологической основой «стресса аккультурации» стало нарушение связи между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью, лежащей в основе сбалансированной и непротиворечивой этнической идентичности. В результате произошедших трансформаций в постсоветском обществе выявленная связь была разрушена или перешла в обратную, что явилось причиной возникновения кризиса социальной (этнической) идентичности и привела к ее частному варианту, в случае с русскими ближнего зарубежья – «синдрому навязанной этничности». В этом случае выбираются две стратегии аккультурации: сепаратизм и интеграция, цель которых сводится к восстановлению баланса между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью [Лебедева, 2003, с.185].

Результаты социально-политического исследования, проведенные Г.У. Солдатовой, Н.М.Лебедевой, Т.Г. Стефаненко среди русских, проживающих в Эстонии, Узбекистане, Татарстане, Туве, Северном Кавказе и других бывших республиках Советского Союза, показали, что в психосемантических структурах идентичности русских, выбравших интеграцию или сепарацию (выбор сепарации часто явля-

ется следствием отвержения доминирующим обществом), наглядно прослеживаются психологические механизмы «совладения» с кризисом идентичности и «ухода» от него в результате действия механизмов психологической защиты [Г.У. Солдатова, 1998; Лебедева, 1999; Т.Г. Стефаненко, 2006].

Вследствие этого, российские психологи пришли к выводу, что психологической основой желания уехать в Россию явилась в основном утрата позитивной этнической идентичности и невозможность выстроить новую сбалансированную и непротиворечивую идентичность, адекватную новой социальной реальности. По их мнению, психологический настрой на миграцию – это, прежде всего, поиск выхода из кризиса социальной (этнической) идентичности русских в новом зарубежье, а точнее отказ от аккультурации на предложенных условиях (сегрегации, ассимиляции или маргинализации). Исходя из этих выводов, российские психологи пришли к мнению, что психологические механизмы «сближения-отдаления» культурных и социальных дистанций являются определяющими в построении новых типов идентичностей.

Что касается Республики Казахстан, то одним из направлений исследования проблем психологической аккультурации должно стать исследование процесса аккультурации и адаптации представителей русского и других этносов, проживающих сегодня здесь.

Во-первых, нужно исходить из понимания, что русские, проживающие в Казахстане, не представляют собой однородную национально-этническую группу. Среди них выделяются те, кто живет здесь не одном поколении, у которых все родственные и дружеские связи сосредоточены здесь, и для которых Казахстан действительно стал Родиной, а Россия далекой и «чужой» страной. Впитав в себя обычаи и традиции, культурные особенности многих национально-этнических групп, проживающих в Казахстане, они отличаются от основной массы своего этноса, проживающего в России, по многим параметрам. Они, отличаясь «казахстанским менталитетом», особенностью которого является, с одной стороны, наличие позитивной этнической идентичности, а с другой – этнической толерантности к представителям многих национально-этнических групп, в том числе, и к титульной, выбрав стратегию на интеграцию, предпочли остаться в Казахстане. Это русские уже не совсем «те» русские в обычном понимании [А.Малаева, 2000].

Вторую группу составили те представители русского этноса, которые приехали в Казахстан после войны, в годы освоения целинных земель, строительства крупных объектов. Это те, кто приехал «временно» с установкой «помогать», потом осели здесь, но, тем не менее, продолжают считать Россию своей Родиной. В первые годы независимости Казахстана именно они, выбрав стратегию сепарации, стали эмигрировать на свою Родину – в Россию.

Следовательно, у нацеленных на интеграцию представителей русского этноса через позитивную локальную идентичность формируется установка на позитивную этническую идентичность. В этом случае она приводит не только к достойной социально-экономической, психологической интеграции, но и становится источником для формирования бикультурализма, направленного на сближение этнокультурной и социальной дистанции с представителями не только казахского, но и других этносов, проживающих здесь.

Вследствие этого, структура их идентичности строится на уменьшении этнокультурной и психологической дистанции с «титulyным» этносом и страной проживания и на увеличение психологического отдаления от России. Структура идентичности русских, предпочитающих стратегию сепарации, направлена с одной стороны на увеличение этнокультурной и психологической дистанции с республикой проживания, с другой – на уменьшение этнокультурной и психологической дистанции с Россией.

Сегодня настоящего решения требует проблема исследования психологической аккультурации и адаптации не только представителей русского и других этносов, проживающим здесь, которым необходимо адаптироваться к новым этническим реалиям, вызванными изменениями в политической, социально-экономической, духовной сфере, в образе жизни современного Казахстана, но и особенно самих казахов, которые с «младшего брата» превратились в титульный этнос. Незамедлительного решения требует проблема психологической адаптации и аккультурации казахов-оралманов из ближнего и дальнего зарубежья, проблема психологической адаптации выходцев из соседних стран Средней Азии.

На основании этого строятся идентичности, соответствующие условиям новой уже не только этнокультурной, а в условиях Республики Казахстан мультикультурной реальности существования суверен-

ного и независимого государства. В результате этого формируется новая метаэтническая общность с особым евразийским менталитетом, вобравшим в себя особенности не только двух исследуемых национально-этнических групп, но и всех остальных, проживающих здесь.

Взаимодействие и взаимовлияния разных культур создает позитивные условия для их взаимоотражения, взаиморефлексии, определяющимися тем что, представители различных этнических общностей обладают возможностью не только сохранить свои национально-этнические, культурные, языковые различия, но при этом оставаться гражданами суверенного государства, подчиняться его законам, правилам и нормам жизни. В такой ситуации взаимодействия каждый этнос привносит что-то в общее, и что-то вбирает от других. Следовательно, совершенно прав был Ш.Монтескье, утверждавший «чем более народы общаются друг с другом, тем легче изменяют свои обычаи, так как они чаще видят друг друга и лучше замечают особенности отдельных людей» [*Монтескье, 1955*].

В связи с этим проблема психологического изучения межэтнической адаптации является не только чрезвычайно значимой и актуальной для полиэтнического и мультикультурного государства, каким является Республика Казахстан, но она должна стать одной из приоритетных.

Зарубежные психологи А.Фанхем и С.Бочнер пришли к выводу, что проблемы мультикультурализма могут быть разрешены только в том случае, если на государственном уровне будет определено, что все национально-этнические группы являются различными и каждая из них отличается своими этнокультурными особенностями, которые при желании можно сохранить.

Этот принцип, определяющий политику мультикультурализма, лежит в основе создания отношений не только между государствами, но и - в основе взаимодействия этнически и культурно различных групп внутри одного полиэтнического общества.

Описывая ситуации межэтнического взаимодействия, характерные для современного Казахстана, ученые подчеркивают, что «ситуация в межнациональной сфере в настоящее время в корне изменилась. Созданы основы казахстанской государственности, причем при сознательном и в целом лояльном отношении к этому процессу со стороны диаспор» [*Сейдуманов, Калмыков, Шаукенова, 2002, с.3*].

Этот процесс затрагивает, прежде всего, сферу психологического восприятия, мировоззренческих ценностей, ориентаций и этномобилизационного поведения представителей различных национально-этнических групп, проживающих здесь. Вследствие этого, в качестве важнейшей задачи кросс-культурной исследований межэтнических отношений в Республике Казахстан является изучение тех факторов, которые позволяют развивать и поднять на более высокий уровень межэтническое взаимодействие между национально-этническими группами, проживающими здесь без ущерба ни для одной из них.

Если рассматривать эту задачу в контексте формирования всей теории мультикультурализма, то можно сделать вывод, что только уверенность в своей собственной позитивной групповой идентичности может явиться той основой, которая вызывает уважение у представителей других групп. Поэтому для того, чтобы понять и принять другую культуру нужно, прежде всего, научиться уважать свою собственную, воспринимать ее ценности, гордиться ею. Не соперничать с представителями других национально-этнических групп, не стремиться переделать их на свой лад, а уважать их право оставаться самим собой. В этом заключается основная идея развития межэтнического взаимодействия и мультикультурного сосуществования представителей различных национально-этнических групп в едином национально-государственном контексте.

Небольшой опыт существования полиэтнического и мультикультурного государства Казахстан доказывает, что в реальности возможно такое развитие национальной политики, которое не принуждает представителей нетитульных этносов ассимилироваться и не заставляет сегрегироваться, а стремиться к созданию условий для развития их самостоятельности в контексте всех других этнических культур.

Вследствие этого, по нашему представлению, самой приемлемой стратегией аккультурации является мультикультурализм, реализующийся, с одной стороны, в политике формирования позитивного отношения ко всем существующим в обществе национально-этническим группам, а с другой - в адаптации всех социальных институтов к их потребностям. Нет сомнений, что только политика мультикультурализма способствует как сохранению собственной культурной принадлежности, так и помогает в овладении культурой других на-

ционально-этнических групп, проживающих сегодня в Республике Казахстан.

Для практической реализации этих целей в условиях полиэтнического и мультикультурного Казахстана, мы считаем необходимым проведение кросс-культурных исследований этнопсихологических особенностей представителей различных национально-этнических групп, проживающих здесь, изучения их психологического отношения друг к другу в контексте межэтнических отношений, выявление ориентаций и установок на мультикультурализм. Подобные социально-психологические исследования будут способствовать развитию толерантности, формированию понимания необходимости и ценности мультикультурного сосуществования различных национально-этнических групп в условиях единого государства.

4.4 Кросс-культурное эмпирическое исследование межэтнического взаимодействия

Изучение межэтнического взаимодействия осуществлялось в рамках представленной в предыдущих главах комплексной программы кросс-культурного изучения структуры межэтнических отношений, цель этого этапа исследования заключалась в выявлении направленности межэтнического взаимодействия, как социально-психологического феномена, являющегося одной из важных детерминант развития полиэтнического Казахстана.

Основные методологические принципы и предположения, высказанные в предыдущем разделе, были конкретизированы относительно предмета исследования, в качестве которого выступили основные содержательные характеристики, определяющие социально-психологические особенности межэтнического взаимодействия.

Объектом исследования выступили студенты, социализация и личностное становление которых в условиях мультикультурного Казахстана происходит в атмосфере смешения и взаимодействия различных национально-этнических культур.

В пилотажном и основном этапах исследования приняли участие 350 студентов КазНУ им. аль-Фараби, Южно-казахстанского университета им. М.О.Ауезова и Актюбинского государственного педагогического института.

Для диагностики основных характеристик межэтнического взаимодействия, определяющего межэтнические отношения между представителями казахской и русской национально-этнических групп, был использован модифицированный вариант «Методики семантической оценки характера межэтнических отношений» Л.И.Науменко, представляющий собой один из вариантов методов семантического дифференциала Ч.Осгуда. При выборе этого метода мы исходили из положения, что именно он даст нам возможность измерить «...те состояния, которые следуют за восприятием символа-раздражителя и предшествуют осмыслению операциям с символами» [Стефаненко, 2006, с.63]. Вследствие этого, методика позволяет определить преобладание положительной или отрицательной окрашенности межэтнического взаимодействия, свойственной той или другой выборке.

Данная методика представляет собой набор биполярных шкал, содержащих характеристики, из которых студентам казахской и русской выборки предлагалось по 7-бальной шкале выбрать те, которые, на их взгляд, наиболее соответствуют отражению реального межэтнического взаимодействия, сложившегося в настоящее время между представителями исследуемых национально-этнических групп.

На первом этапе исследования оценка средних статистических показателей характера межэтнического взаимодействия по биполярным шкалам обрабатывалась с использованием пакета прикладных компьютерных программ универсальной обработки табличных данных Microsoft Excel XP «SPSS».

На втором этапе полученные оценки социально-психологических характеристик, определяющие особенности межэтнического взаимодействия, были подвергнуты корреляционному анализу, результаты которого показали наличие значимых связей в их оценке. Для подсчета использовался коэффициент линейной корреляции Пирсона, который дал возможность провести качественный анализ и содержательную интерпретацию полученных результатов.

Проделанный подсчет по биполярным шкалам показал, что в казахской выборке студентов КазНУ позитивные психологические характеристики межэтнического взаимодействия распределились следующим образом: на первые позиции у казахов вышли стабильные (2,22%), сотрудничество (2,16%), взаимопонимание (2,08%), дружественные (2,06%), терпимые (2,06%), простые (2,04%), хорошие (1,98%), доверительные (1,92%), теплые (1,50%), спокойные (0,94);

негативные характеристики расположились следующим образом: напряженные (0,40%), неприязненные (0,06%), подозрительные (0,06%), сложные (0,06%), непонимание (0,06%), холодные (0,04%), конфронтация (0,04%).

У русских респондентов социально-психологические характеристики, определяющие содержание межэтнического взаимодействия, расположились в следующем порядке: терпимые (2,30%), стабильные (2,02%), взаимопонимание (1,92%), сотрудничество (1,90%), простые (1,90%), дружественные (1,82%), хорошие (1,80%), доверительные (1,52%), теплые (1,38%), спокойные (1,16%); негативные - напряженные (0,60%), подозрительные (0,16%), непонимание (0,16%), сложные (0,12%), враждебные (0,04%).

В казахской выборке студентов ЮКГУ позитивные качества, характеризующие межэтническое взаимодействие между представителями исследуемых групп, распределились следующим образом: простые (2,68%), стабильные (2,62%), терпимые (2,54%), хорошие (2,24%), спокойные (2,12%), сотрудничество (2,06%), дружественные (1,94%), взаимопонимание (1,72%), теплые (1,62%), доверительные (1,14%), негативные характеристики: подозрительные (0,38%), непонимание (0,24%), напряженные (0,20%). Относительно русской выборки студентов ЮКГУ было зафиксировано следующее: сотрудничество (2,58%), стабильные (2,42%), простые (2,24%), хорошие (2,08%), терпимые (2,08%), дружественные (1,98%), взаимопонимании (1,98%), спокойные (1,90%), теплые (1,90%), доверительные (1,76%); негативные - напряженные (0,08%), непонимание (0,06%), сложные (0,04%).

Что касается казахской выборки студентов АГПИ, то позитивные качества, детерминирующие основные характеристики межэтнического взаимодействия, расположились в таком порядке: доверительные (2,64%), хорошие (1,98%), простые (1,96%), доверительные (1,90%), терпимые (1,84%), стабильные (1,82%), спокойные (1,82%), взаимопонимание (1,76%), дружелюбные (1,68%), теплые (1,42%); негативные: напряженные (0,84%), непонимание (0,32%), сложные (0,16%), подозрительные (0,08%), неприязненные (0,04%).

У русских респондентов АГПИ среди позитивных качеств отмечены: сотрудничество (2,04%), стабильные (2,02%), терпимые (1,98%), простые (1,82%), взаимопонимание (1,78%), хорошие (1,76%), доверительные (1,62%), теплые (1,50%), дружественные (1,50%), спо-

койные (0,52%); среди негативных характеристик отмечено только напряженные (0,52%).

Таким образом, исследование показало, что для русской выборки респондентов Шымкентского региона существующее межэтническое взаимодействие представляется более позитивным, чем для остальных групп исследуемых; более негативно оценили сложившееся межэтническое взаимодействие респонденты казахской национальности, проживающие в Актюбинском регионе. В целом респондентами казахской выборки по всем трем городам реальное межэтническое взаимодействие оценивается положительно (2% против 1,8% в русской выборке) и отрицательно (1,59% против 0,27% русской выборки). Эти результаты являются свидетельством существования позитивной направленности на межэтническое взаимодействие.

Использование коэффициента линейной корреляции Пирсона показало, что наиболее значимые положительные корреляционные связи, определяющие оценки социально-психологических характеристик межэтнического взаимодействия в группе респондентов казахов г.Алматы (КазНУ), были обнаружены в оценках таких качеств как простые и теплые ($r=0,60$), тогда как в русской выборке студентов г. Алматы качество простые значимо коррелирует с хорошими ($r=0,53$) и дружественными ($r=0,57$). Для казахских выборок г.Шымкента (ЮКГУ) и г.Актобе (АГПИ) и русской выборки г.Актобе это качество вообще не значимо.

Что касается русской выборки г.Шымкента, то здесь обнаружены значимые отрицательные корреляции между оценками качеств простые и напряженные ($r=-0,63$) и значимые положительные корреляции между простыми и теплыми ($r=0,70$).

Значимые положительные корреляционные связи между оценками качеств, характеризующих межэтническое взаимодействие в казахской выборке г.Алматы, обнаружены между качествами терпимые и стабильные ($r=0,55$), в казахской выборке г.Шымкента терпимые также значимо коррелирует со стабильными ($r=0,76$). Относительно остальных выборок казахов г.Актобе и русских г.Алматы, Шымкента и Актобе следует отметить, что для них это качество не значимо.

В казахской выборке г.Алматы положительные значимые корреляционные связи обнаружены между качествами доверительные и простые ($r=0,79$); в русской выборке г.Алматы доверительные значимо

коррелирует с терпимыми ($r=0,60$), в казахской выборке г.Шымкента значительные отрицательные корреляции обнаружены между доверительными и напряженными ($r=-0,68$). Для группы респондентов русской выборки г.Актобе значимые корреляционные связи обнаружены в оценках качеств доверительные и дружественные ($r=0,52$).

Что касается русской выборки г.Шымкента и казахской выборки г.Актобе, то качество доверительные для них не значимо.

Значимые корреляционные связи при определении основных детерминант межэтнического взаимодействия в казахской выборке г.Алматы обнаружены между качествами сотрудничество и теплые ($r=0,52$), сотрудничество и доверительные ($r=0,63$). В русской выборке г.Актобе оценка качества сотрудничество значимо коррелирует с простыми ($r=0,69$) и доверительными ($r=0,50$). Что касается казахских выборок г.Шымкента и Актобе, русских выборок г.Алматы и Шымкента, то для них качество доверительные вообще не значимо.

В казахской выборке респондентов г.Алматы значимые положительные корреляционные связи обнаружены между качествами - взаимопонимание и теплые ($r=0,65$), простые ($r=0,78$), доверительные ($r=0,60$), а также с сотрудничеством ($r=0,70$). В русской выборке г.Алматы качество взаимопонимание коррелирует с доверительными ($r=0,76$), с сотрудничеством ($r=0,56$). В казахской выборке г.Шымкента качество взаимопонимание значимо отрицательно коррелирует с напряженными ($r=-0,51$) и значимо позитивно коррелирует с дружественными ($r=0,63$).

В русской выборке студентов ЮКГУ им.Ауезова между качествами взаимопонимание и напряженные выявлены значительные отрицательные корреляционные связи ($r=-0,62$). Значимые положительные корреляционные связи обнаружены между взаимопониманием и теплые ($r=0,77$); между взаимопониманием и простыми ($r=0,68$). В казахской выборке студентов АГПИ качество взаимопонимание значимо коррелирует с простыми ($r=0,66$). Для русской выборки г.Актобе это качество не значимо.

Значимые отрицательные корреляционные связи в русской выборке ЮКГУ им.М.О.Ауезова характерны для оценки качеств напряженные и хорошие ($r=-0,57$); для русской выборки КазНУ им. аль Фараби дружественные и напряженные ($r=-0,69$); для казахской выборки г.Шымкента доверительные и напряженные ($r=-0,68$), а

также для качеств взаимопонимание и напряженные ($r=-0,51$); для русской выборки г.Шымкента напряженные и хорошие ($r=-0,57$), простые и напряженные ($r=0,63$), взаимопонимание и напряженные ($r=-0,62$).

Самый высокий положительный коэффициент корреляции выявлен при корреляции качеств взаимопонимание и теплые ($r=0,77$), характерный для русской выборки ЮКГУ (г.Шымкент). Самая значимая отрицательная корреляция характерна для качеств теплые – напряженные ($r=-0,84$), выявленная также у студентов ЮКГУ.

Следовательно, проведенный корреляционный анализ показал наличие значимых корреляционных связей между социально-психологическими качествами, определяющими характер межэтнического взаимодействия.

Таким образом, проведенное исследование оценки средних статистических показателей межэтнического взаимодействия по биполярным шкалам и корреляционный анализ оценки социально-психологических характеристик, определяющих особенности межэтнического взаимодействия, показало, что для представителей казахской и русской национально-этнических групп в целом свойственно одинаковое восприятие и совпадение в понимании основных характеристик межэтнического взаимодействия, что свидетельствует об их направленности на взаимодействие. Это позволило нам утверждать, что в Республике Казахстан имеются широкие возможности для развития и укрепления межэтнической интеграции, что центральной стратегией, определяющей поведение казахстанского студенчества, является стремление к межэтническому сотрудничеству и кооперации.

Теоретический анализ и проведенное кросс-культурное исследование характера межэтнического взаимодействия как значимого концепта, детерминирующего структуру межэтнических отношений, позволяет сделать следующие выводы.

1. Межэтническое взаимодействие определяется дезинтегрирующими и интегрирующими дискурсами жизнедеятельности полиэтнического и мультикультурного государства.

2. Основными причинами межэтнических конфликтов являются неудовлетворенность существующим социально-политическим, экономическим положением, утрата доверия к центральным властям, рост пессимизма, возникновение атмосферы массового беспокойс-

тва, активизация различных общественно-политических движений, усиление борьбы за власть.

3. Межэтнические конфликты представляют собой одну из ситуаций в диапазоне изучения межэтнического взаимодействия как социально-психологического механизма отражения реальных межэтнических отношений. Там, где удалось избежать межэтнических конфликтов, наиболее актуальным становится понятие «межэтническая напряженность».

4. Социально-психологическое исследование межэтнического взаимодействия в условиях Республики Казахстан будет более продуктивным в ракурсе методологии межэтнической напряженности, потому что она не имеет такого негативного содержания, как конфликт и может реализоваться в том обществе, где адекватно представлены как позитивная, так и негативная направленность на межэтнические отношения.

5. Степень межэтнической напряженности, детерминируемая этнической дистанцией и агрессивностью, является отражением реальных межэтнических отношений.

6. Степень этнической приемлемости определяет проявление межэтнической напряженности; чем выше уровень этнической приемлемости, тем ниже уровень межэтнической напряженности, чем ниже уровень этнической приемлемости, тем ниже уровень межэтнической напряженности.

7. Этнокоммуникативная компетентность проявляется в готовности личности вступать в общение с представителями других этнических общностей, реализующейся в понимании и усвоении этноспецифического значения норм и ценностей, моделей их вербального и невербального поведения.

8. Вербальная коммуникация в контексте межэтнического взаимодействия представляет собой социально-психологический конструкт, выполняющий не только коммуникативные функции, но и своеобразный способ взаимодействия с окружающим миром.

9. Невербальная коммуникация, осуществляемая в контексте межэтнического взаимодействия, выполняет не только вспомогательную, но и главную роль; в условиях непосредственного межэтнического общения представителей различных национально-этнических групп большое значение имеет невербальное сопровождение.

10. Аккультурация - это социально-психологический феномен, проявляющийся в условиях непосредственного и продолжительного контакта между представителями различных национально-этнических групп, результатом которого являются изменения в культурах одной или обеих групп.

11. Наиболее успешной стратегией аккультурации является мультикультурализм, реализующийся, с одной стороны, в политике формирования позитивного отношения ко всем существующим в обществе национально-этническим группам, а с другой - в адаптации всех социальных институтов к их потребностям. Мультикультурализм способствует сохранению собственной этнокультурной принадлежности и овладению культурой других национально-этнических групп.

12. Проблемы мультикультурализма разрешаются, когда на государственном уровне четко определено, что все национально-этнические группы имеют свои отличительные этнокультурные особенности. Этот принцип является основой формирования отношений не только между государствами, но между национально-этническими группами внутри одного общества.

13. Для представителей казахской и русской национально-этнических групп свойственна позитивная направленность на межэтническое взаимодействие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Актуальность исследований сущности механизмов и процессов, тенденций развития современной этничности в контексте кросс-культурных исследований очевидна. Во-первых, она детерминирована самой историей освоения евразийского ареала; во-вторых, она тесно переплетена с историей казахской и казахстанской государственности; в - третьих, она акцентирована расширением пространства мультикультурности казахстанского общества в условиях глобализации. Новейшие формы коммуникации, развитие систем образования, унификация технологического опыта, другие процессы приобретают черты стереотипизации общецивилизационных закономерностей, быстро усваиваются в рамках национальных культурных форм. В этих условиях этносы не могут существовать вне контекста мировой цивилизации, вне глобализационного духа эпохи.

С учетом поставленной политической цели – достижения Казахстаном статуса конкурентноспособного государства, – нам представляется, что успех в реализации комплекса связанных с ней задач будет предопределяться реальным процессом взаимодействия этносов на основе современных принципов сотрудничества. В условиях поиска и обретения политического суверенитета, созидания суверенного государства возрастает акцентирование роли государствообразующего этноса. Это проявляется в дискуссиях о развитии государственного языка, и в вопросах миграции (внутренней и внешней), и дискуссиях об утраченной личностью (и этносом) идентичности.

Одним из макроуровней, вызывающих огромный теоретический и прикладной интерес, является исследование межэтнических отношений.

В теоретическом плане здесь наиболее ярко проявляется зависимость личности от социума, взаимозависимость между психологическими и этнокультурными переменными.

В прикладном плане в последнее время все большее значение приобретают проблемы последствий и результатов межэтнических контактов. Значение этих контактов – социальное, экономическое, культурное – важно для каждой отдельной этнической общности, и в целом для мирового сообщества.

Возрастает и ответственность ученых, непосредственно занимающихся исследованием межэтнических отношений. Психология

лишь одна из наук, вплотную изучающая закономерности и последствия межэтнических отношений. Значение социально-психологических исследований в этой области представляется нам очень важным. Мы хотели бы это подчеркнуть со всей определенностью, поскольку именно дефицит психологических знаний, отсутствие специальных исследований и разработок, недооценка роли психологических закономерностей в этой области приводили и приводят к нежелательным, порой к трагическим последствиям.

На наш взгляд, значение психологических факторов в регуляции межэтнических отношений будет постоянно возрастать в условиях усиления межэтнических контактов, вызванных глобализацией, и интеграцией мирового пространства.

В связи с этим возрастают требования к качеству той научной информации, которая детерминирует, прежде всего, психологические аспекты межэтнических отношений.

Создавая основу для междисциплинарного синтеза, кросс-культурное исследование структуры межэтнических отношений может явиться тем катализатором, способным не только повысить академически статус этой новой научной отрасли знания, но и ее социальную релевантность.

Литература

1. *Агеев В.С.* Психология межгрупповых отношений: Автореф. дис. д-р. психол. наук. - М., 1989.
2. *Агеев В.С.* Межгрупповое взаимодействие (социально-психологические проблемы). - М.: Изд-во Моск.ун-та, 1990.
3. *Аймаганбетова О.Х.* Основы этнопсихологии. – Алматы: Литера, 2003.
4. *Айтилиев А.А.* Евразийская идея и М.Ауэзов // Сб. материалов респ. научно-теоретической конференции, посвященной 100-летию М.А.Ауэзова. - Актобинск: Актобинский унив-т, 1997. - С. 17.
5. *Александренков Э.Г.* «Этническое самосознание» или «этническая идентичность» // Этнографическое обозрение, 1996. - № 3. - С.13-23.
6. *Андреева Г.М.* Социальная психология. - М.: Аспект Пресс, 1996.
7. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. - М.: Аспект Пресс, 1997.
8. *Анцупов А.Я., Шипилов А.И.* Конфликтология. - М.:ЮНИТИ, 1999.
9. *Асмолов А.Г.* Психология личности. – М.: Смысл, 2001, С.297-318.
10. *Ауэзов М.М.* Наедине со всеми // Мегаполис, 2001. - № 46(54). 21 ноября. - С.9.
11. *Байтенова Н.Ж.* Межэтническая интеграция. – Алматы: Санат, 1998.
12. *Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г.* Этническая социализация подростка. М.: Моск.психол-соц. инст-т, Воронеж: Изд-во НПО «Модек», 2000.
13. *Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г.* Социально-психологические методы анализа особенностей этнической социализации // Этническая психология. Хрестоматия. - СПб.: Речь, 2003. – С.106-114.
14. *Бодалев А.А.* О характеристиках идентификации и идентичности на ступенях взрослости // Мир психологии, 2004. - № 2. - С.93-98.
15. *Бодалев А.А., Куницына В.Н., Панферов В.Н.* О социальных эталонах и стереотипах и их роли в оценке личности // Учен. Зап. Ленинг. ун-та: НИИ комплекс. социал. исслед, 1971. - С.86-138.

16. Брунер Дж. Психология познания. М.: Прогресс, 1977.
17. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. С.33-88.
18. Виленский М.Я. Содержательные и процессуальные характеристики формирования ценностного сознания студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия философия, 2003. - № 2. - С. 5-6.
19. Винер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // Этнографическое обозрение, 1998. - № 4. - С.3-26.
20. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Собр. соч. в 6 т. – М.: Педагогика, 1983. - Т.3. - С. 5-338.
21. Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации // СоЦис, 2002. - № 1. - С.101.
22. Гостев А.А., Соснин В.А., Степанов Е.И. На путях становления отечественной конфликтологии // Психологический журнал, 1996. - Т.17. - № 2. - С.110-128.
23. Гришина Н.В. Психология социальных ситуаций // Вопросы психологии, 1977. - № 1. - С.129.
24. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Ди Дик, 1997.
25. Гусельцева М.С. Культурно-историческая психология и вызовы постмодернизма // Вопросы психологии, 2002. - №3. – С.119-131.
26. Гусельцева М.С. Культурно-историческая психология: от неклассической к постнеклассической картине мира // Вопросы психологии, 2003. - № 1. – С.99-115.
27. Давыдов А.А. Измерение социальной напряженности - М.: Смысл, 1992.
28. Дашидамиров А.Ф. Актуальным проблемам – комплексный реалистический подход // Современная этнография, 1983. - № 3. - С.84.
29. Дейкер Х, Фрейда Н. Национальный характер и национальные стереотипы // Современная зарубежная этнопсихология. – М.: ИНИОН, 1979. - С.35-44.
30. Джакупов С.М. Развитие экспериментальной этнопсихологии в Казахстане // Вестник КазНУ. Серия психология и социология, 2004. - № 2 (13). - С.6-7.
31. Джеймс У. Психология. - М.: Педагогика, 1991.

32. *Донцов А.И., Стефаненко Т.Г., Уталиева Ж.Т.* Язык как фактор этнической идентичности // Вопросы психологии, 1997. - № 4. - С.75-86.

33. *Дробижеева Л.М.* Этническое самосознание русских в современных условиях: идеология и практика // Советская этнография, 1991. - № 1. - С.3-16.

34. *Дробижеева Л.М.* Толерантность и рост этнического сознания: пределы совместимости // Толерантность и согласие. - М.: ИЭА РАН, 1997. - С.61-68.

35. *Дуйсенбеков Д.Д.* Психодиагностическое исследование этнически детерминированных компонентов структуры личности // Қазақстандағы этнопсихология мәселелері. Ғылыми мақалалар жинағы. – Алматы: АГУ, 1997. – С.73-79.

36. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. - М.: Наука, 1991. - С.63.

37. *Жарикбаев К.Б.* Психологическая наука в Казахстане XX веке (история и этапы развития). - Алматы: КазНУ, 2002.

38. *Жайшибекова К.* Формирование культуры межэтнического общения как социальный процесс: Автореф. дис.канд...социол. наук. – Алматы, 2001. - С.21.

39. *Здравомыслов А.Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. – М.: Аспект Пресс, 1997.

40. *Каракузова Ж.К.* Логика орнамента // Традиционная культура кочевников. – Алматы: КазНАИ, 2000. - С.18-29.

41. *Касымжанов А.Х., Касымжанова С.А.* Духовное наследие казахского народа. – Алматы: Респ. Изд. Кабинет по уч.и метод. лит-ре. 1991.

42. *Кон И.С.* К проблеме национального характера //История и психология. – М.: Наука, 1971. - С.122-158.

43. *Кон И.С.* Социология личности. – М.: Политиздат, 1967. - С.57.

44. *Кон И.С.* Философские проблемы теории и практики национальных отношений при социализме. Материалы круглого стола // Вопросы философии, 1988. - № 9. - С.64.

45. *Кон И.С.* Психология предрассудка // Психология национальной нетерпимости. Хрестоматия. - Мн.: Харвест, 1998. С.5-48.

46. *Кон И.С.* К проблеме национального характера // Социологическая психология. – Москва-Воронеж, 1999. - С.321.

47. Коул М. Культурно-историческая психология. – М.: Когито-Центр, 1997.
48. Кочетков В.В. Психология межкультурных различий. – М.: Смысл, 2002.
49. Крысько В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. – М.: Изд-во «Экзамен», 2002.
50. Кцоева Г.У. Опыт эмпирического исследования этнических стереотипов // Психологический журнал, 1986. – Т.7. – № 2.
51. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. – М.: Ключ - С, 1999.
52. Лебедева Н.М. «Синдром навязанной этничности» и способы его преодоления // Этническая психология. Хрестоматия. – СПб.: Речь, 2003. – С.182-189.
53. Лебедева Н.М. Социально-психологические закономерности аккультурации этнических групп // Этническая психология. Хрестоматия. – СПб.: Речь, 2003. – С. 229-237.
54. Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб. 1995.
55. Левкович В.П., Панкова Н.Г. Социально-психологические аспекты проблемы этнического сознания // Этническая психология. Хрестоматия. – СПб.: Речь, 2003.
56. Леонтьев А.А. Этнопсихоллингвистика // Этническая психология. Хрестоматия. – СПб.: Речь, 2003. – С.237-243.
57. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психол. произведения в 2-х томах. – М.: Педагогика, 1983. Т.2. С.251-261.
58. Лоренц К. Агрессия (так называемое Зло) // Вопросы философии, 1992. – № 3. – С. 7-38.
59. Малаева А. Надэтническая идентичность или казахи русские в Казахстане. – Алматы, 2000.
60. Мацумото Д. Психология и культура. – СПб: «Прайм-ЕВРОЗ-НАК» «Изд.дом Нева» - Москва «Олма-Пресс», 2002.
61. Монтескье Ш. О духе законов // Избр.произв. – М.: Гос.изд-во полит.л-ры, 1995. – С.157-733.
62. Наенко Н.И. Психическая напряженность. – М.: МГУ, 1976.
63. Налчаджян А.А. Этнопсихология. – СПб: Питер, 2004.
64. Нарымбетов Е. Я питаю ненависть... // Мегаполис, 2000. – № 6. – 13 декабря. – С.5.
65. Павленко В.Н., Таглин С.А. Введение в этническую психологию. – Харьков: ХГУ, 1994.

66. *Парыгин Б.Д.* Основы социально-психологической теории. – М.: Наука, 1971.
67. *Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
68. *Петренко В.Ф., Митина О.В. и др.* Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости. – М.: Смысл, 2000.
69. *Петигрю Т.Ф.* Расовые отношения в США // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. – М.: Прогресс, 1972. – С.314-330.
70. *Платонов Ю.В.* Основы этнической психологии. – СПб.: Речь, 2003.
71. *Поршнев Б.Ф.* Противопоставление как компонент этнического самосознания. – М.: Наука, 1973.
72. *Почебут Л.Г.* Социальная психология толпы. – СПб.: Речь, 2004.
73. *Рукавишников В.О.* Социальная напряженность // Диалог, 1990. – № 8. – С. 7-11.
74. *Сатыбалдина Н.К.* Специфика этнических установок и социальной дистанции казахов и русских как компонента этнического сознания // Мат. науч-теор. конф. «Состояние и перспективы развития этнопсихологии и этнопедагогики в странах СНГ» – Алматы: КазГУ, 1998. – С.40-43.
75. *Сатыбалдина Н.К.* Социальные установки по отношению к иностранцам как проявление этнического стереотипа // Актуальные проблемы психол. науки Казахстана. Материалы респ. научно-теор. к-ции. – Алматы: КазГУ, 1999. – С.44-46.
76. *Сикевич З.В.* Социология и психология национальных отношений. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1999.
77. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998.
78. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности: Автореф. дис. д-р. психол. наук. – М., 2001.
79. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С.299.
80. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. – М.: Аспект Пресс, 2004.
81. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. – М.: Аспект Пресс, 2006.

82. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. Практикум. – М.: Аспект Пресс, 2006.

83. *Стоунквист Э.В.* Маргинальный человек. Исследование личности и культурного конфликта // Современная зарубежная этнопсихология. – М.: ИНИОН АН СССР, 1979. – С.90-112.

84. *Сухарев В.А.* Этнофункциональная психология: исследования, психотерапия. – М.: ИЭА РАН. 1998.

85. *Сушков И.Р.* Самокатегоризация теории и групповые феномены // Психологический журнал, 1994.-Т.15. -№1. – С.156-167.

86. *Тернер Дж. и др.* Социальная идентичность, самокатегоризация и группа // Иностранная лит-ра, 1994. – Т.2. – № 2. – С. 10.-17.

87. *Тарасов Е. Ф.* Межкультурное общение - новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 7-20.

88. *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997.

89. *Тишков В.А.* О феномене этничности // Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. – М.: ИЭА РАН, 1997. – С.46-76.

90. *Тишков В.А.* Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. – М.: ИЭА РАН, 1997. – С.15-44.

91. *Трусов В.П. и Л.Х.Стрикленд.* Социальная психология в Канаде // Психологический журнал, 1983. – №5. – С.22-32.

92. *Трусов В.П., А.С.Филиппов.* Этнические стереотипы // Этническая психология. – М.: Ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы, 1984. – С. 3-21.

93. *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого «Я». – М.: Госиздат, 1925.

94. *Фромм Э.* Бегство от свободы // Фромм Э. Догмат о Христе. – М.: Олимп, «Аст-ЛТД», 1998.

95. *Хотинец В.Ю.* О содержании и соотношении понятий этническая самоидентификация и этническое самосознание // СоЦис, 1999. – № 9. – С. 72.

96. *Шанин А.Н., Тавадов Г. Т.* Личность в системе национальных отношений // Вестник МГУ. Серия12. Социально-политические исследования, 1992. – № 2. – С.17.

97. *Шибутани Т.* Социальная психология. – Ростов на Дону: Феникс, 1998. - С.422- 534.

98. *Шихирев П.Н.* Современная социальная психология в США. - М.: Наука, 1979. - С.88-171.

99. *Шихирев П.Н.* Современная социальная психология. – М: Изд-во «КСП +», 2000.

100. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. - М.: Изд.группа «Прогресс», 1996. - С.308-333.

101. *Ядов В.А.* Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Социальная идентификация личности. - М.: Институт социологии РАН, 1993. - Т.1.

102. *Ямсков А.Н.* Этнический конфликт: проблемы дефиниции и типологии // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. - М.: Моск. Центр Карнеги, 1997. С.205-224.

103. *Berry J.W.* Immigration, acculturation and adaptation // Applied Psychology: An International Review. 1997. Vol.46. P.5-34.

104. *Cambell D.T.* Ethnocentrism and other altruistic motives. Lincoln: University of Nebraska Press, 1965. P.283-301.

105. *Osgood C.E., May M.* Cross-cultural universals of affectiv meaning, Urbana: University of Illinois Press, 1975.

106. *Stangor C., Lange J.* Mental representation of social groups.// Advances in experimental social psychology. Vol.26.San Diego, 1994, P.357.

107. *Tajfel H.et all.* Social categorization and intergroup behavior \\\ European J. of Social Psychology/ 1981. Vol. 1. P.7-24.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Исследование основных компонентов этнической идентичности

Казахи				Русские		
№	чувство э. принадлежности	значимость этнич.принадл.	Мнение о меж. отн.	чувство э. принадлежности	значимость этнич.принадл.	Мнение о меж. отн.
1	6	8	-2	10	10	-2
2	10	4	1	9	8	-2
3	8	14	0	8	8	-2
4	6	16	-2	6	10	-4
5	10	16	2	8	10	-1
6	8	8	0	8	10	-2
7	6	10	1	9	12	-2
8	8	7	-4	8	11	-2
9	4	12	-2	8	10	-2
10	0	0	0	8	8	-2
11	1	1	-1	9	12	-2
12	6	14	-1	8	12	-2
13	5	-5	-5	6	8	-1
14	4	3	0	8	8	-2
15	10	12	1	9	12	-2
16	10	14	2	8	6	-2
17	10	8	-1	8	10	-2
18	8	6	-3	8	10	-2
19	2	-1	-1	8	10	-2
20	0	0	0	8	10	-2
21	8	16	1	6	8	-2
22	7	10	1	0	0	0

Продолжение таблицы

23	6	8	1	6	8	-2
24	8	8	-4	5	6	-2
25	10	6	-3	8	10	-4
26	2	-3	-1	10	14	-2
27	8	14	-1	9	12	-2
28	8	7	2	4	8	-3
29	10	8	1	8	12	-1
30	0	0	0	8	10	-2
31	5	6	-1	9	14	-2
32	8	14	1	10	12	-2
33	6	8	-2	6	8	-2
34	6	8	-1	8	10	-2
35	8	6	-1	8	10	-2
36	2	2	-2	6	12	-3
37	8	14	1	6	12	-4
38	8	14	1	6	10	-3
39	-1	2	-2	8	12	-2
40	6	12	1	4	6	-4
41	8	16	-2	0	0	0
2	8	10	-2	6	10	-2
43	8	14	1	8	12	-1
44	-3	0	-2	8	12	-2
45	6	16	1	8	12	-2
46	10	14	1	6	14	-2
47	6	12	-1	10	10	-2
48	8	16	-2	8	12	-2
49	8	10	-2	6	12	-2
50	8	12	-2	8	10	-2
Σ	6,24	8,54	-0,66	7,3	9,86	-2,06

Таблица 2

**Средние расчетные статистические показатели
автостереотипов и гетеростереотипов казахов
по биполярным шкалам в %**

№	Автостереотип «каз- каз»	Гетеростереотип «рус-каз»
1	1,67	2,97
2	1,54	2,59
3	2	3,00
4	1,79	2,67
5	1,33	1,53
6	2,17	2,74
7	2,62	2,90
8	2,5	3,01
9	2	2,52
10	1,96	2,30
11	2,5	2,52
12	1,83	2,51
13	2,17	2,36
14	2,38	2,56
15	1,92	2,27
16	1,92	2,95
17	1,88	3,08
18	2,33	2,47
19	1,88	2,60
20	2,25	2,62
21	1,88	2,52
22	2,21	2,53
23	2,42	2,55
24	2,12	2,73
25	1,79	2,49
26	2,38	2,24
27	2,42	2,30
28	1,88	2,77
29	1,63	2,78
30	1,63	3,03
Σ	2,03	2,48

Таблица 3

**Средние расчетные статистические показатели автостереотипов
и гетеростереотипов русских по биполярным шкалам в %**

№	Автостереотип «рус- рус»	Гетеростереотип «каз-рус»
1	1,45	2,42
2	1,99	2,26
3	1,41	2,60
4	1,43	2,84
5	2,46	2,62
6	1,50	3,98
7	1,58	2,49
8	1,49	3,20
9	1,37	3,63
10	1,70	2,44
11	1,42	4,02
12	1,29	2,10
13	1,54	2,16
14	1,49	2,67
15	1,49	2,16
16	1,63	2,34
17	1,66	2,76
18	2,11	3,78
19	1,81	2,20
20	1,75	1,98
21	1,73	2,22
22	1,59	3,55
23	1,49	1,82
24	1,43	1,94
25	1,30	1,92
26	1,89	2,34
27	1,81	2,20
28	1,32	1,96
29	1,26	3,34
30	1,29	3,62
Σ	1,59	2,65

Исследование эмоционально-оценочного компонента этнического стереотипа на основе
«Диагностического теста отношений»
(респонденты – казахи, г. Алматы)

Я сам			Мой идеал			Типичный казах			Типичный русский		
0,4	0,19	0,44	0,33	0,23	0,55	0,52	0,23	0,31	0,6	0,23	0,25
0,36	0,35	0,47	0,27	0,22	0,59	0,59	0,21	0,28	0,48	0,19	0,36
0,68	0,11	0,18	0,32	0,32	0,52	0,51	0,18	0,33	0,5	0,19	0,36
0,5	0,22	0,32	0,25	0,27	0,6	0,42	0,23	0,41	0,6	0,22	0,27
0,56	0,09	0,22	0,28	0,27	0,57	0,49	0,19	0,36	0,5	0,24	0,3
0,61	0,17	0,26	0,42	0,32	0,5	0,61	0,14	0,27	0,53	0,28	0,27
0,58	0,18	0,3	0,35	0,31	0,54	0,56	0,2	0,29	0,49	0,21	0,35
0,58	0,13	0,29	0,31	0,32	0,53	0,5	0,26	0,33	0,54	0,21	0,3
0,56	0,33	0,3	0,35	0,28	0,54	0,54	0,21	0,3	0,5	0,22	0,33
0,56	0,21	0,29	0,27	0,22	0,59	0,53	0,2	0,31	0,56	0,26	0,29
0,49	0,15	0,35	0,33	0,17	0,55	0,58	0,2	0,27	0,56	0,24	0,29
0,53	0,27	0,32	0,27	0,22	0,59	0,54	0,24	0,3	0,53	0,27	0,31
0,51	0,23	0,32	0,31	0,2	0,58	0,53	0,19	0,35	0,56	0,2	0,29
0,46	0,24	0,37	0,28	0,29	0,58	0,57	0,19	0,29	0,53	0,27	0,27
0,53	0,27	0,2	0,31	0,2	0,58	0,49	0,25	0,35	0,53	0,27	0,31
0,49	0,26	0,28	0,29	0,27	0,57	0,51	0,2	0,28	0,54	0,26	0,31
1	0	0	1	0	0	1	0	0	1	0	0
0,51	0,14	0,33	0,38	0,24	0,47	0,53	0,18	0,32	0,46	0,14	0,37

0,53	0,27	0,31	0,4	0,32	0,42	0,53	0,18	0,33	0,56	0,15	0,29
0,51	0,23	0,33	0,25	0,27	0,6	0,5	0,3	0,33	0,47	0,28	0,36
0,54	0,24	0,3	0,26	0,24	0,59	0,49	0,21	0,35	0,53	0,26	0,27
0,5	0,25	0,33	0,38	0,28	0,5	0,38	0,25	0,46	0,48	0,34	0,37
0,52	0,19	0,32	0,27	0,22	0,59	0,44	0,17	0,41	0,44	0,27	0,39
0,4	0,19	0,43	0,27	0,3	0,57	0,57	0,27	0,27	0,47	0,27	0,37
0,4	0,17	0,48	0,31	0,2	0,58	0,38	0,18	0,5	0,35	0,29	0,48
0,44	0,17	0,4	0,25	0,27	0,6	0,42	0,23	0,4	0,5	0,37	0,36
0,46	0,16	0,38	0,25	0,27	0,6	0,45	0,16	0,37	0,5	0,22	0,34
0,5	0,21	0,33	0,29	0,19	0,56	0,57	0,16	0,3	0,62	0,23	0,27
0,47	0,15	0,36	0,38	0,13	0,54	0,65	0,12	0,24	0,67	0,16	0,18
0,47	0,34	0,39	0,36	0,12	0,52	0,49	0,17	0,37	0,63	0,2	0,2
0,49	0,24	0,33	0,38	0,13	0,56	0,51	0,24	0,33	0,49	0,28	0,35
0,52	0,33	0,27	0,44	0,2	0,43	0,58	0,1	0,31	0,5	0,22	0,35
0,61	0,19	0,2	0,31	0,2	0,58	0,58	0,15	0,28	0,43	0,37	0,33
0,58	0,16	0,18	0,31	0,2	0,58	0,54	0,25	0,33	0,49	0,29	0,36
0,51	0,21	0,33	0,34	0,15	0,54	0,46	0,17	0,38	0,43	0,27	0,36
0,47	0,2	0,36	0,4	0,24	0,44	0,45	0,14	0,39	0,5	0,3	0,33
0,56	0,19	0,25	0,27	0,24	0,58	0,57	0,24	0,27	0,6	0,2	0,25
0,47	0,11	0,39	0,42	0,19	0,49	0,6	0,04	0,28	0,68	0,13	0,2

0,42	0,16	0,42	0,31	0,2	0,58	0,51	0,05	0,39	0,44	0,24	0,41
0,42	0,16	0,37	0,33	0,15	0,56	0,49	0,25	0,35	0,54	0,2	0,27
0,42	0,18	0,42	0,4	0,24	0,53	0,52	0,19	0,31	0,49	0,28	0,36
0,45	0,13	0,38	0,5	0,17	0,41	0,6	0,08	0,28	0,78	0,11	0,1
0,58	0,04	0,18	0,61	0,23	0,31	0,63	0,04	0,11	0,63	0,2	0,11
0,58	0	0,13	0,47	0,24	0,37	0,4	0,24	0,44	0,66	0,09	0,15
0,59	0,08	0,31	0,61	0,12	0,27	0,63	0,03	0,24	0,63	0,27	0,24
0,48	0,29	0,36	0,41	0,19	0,46	0,49	0,28	0,36	0,54	0,33	0,32
0,47	0,36	0,27	0,25	0,27	0,6	0,29	0,19	0,56	0,32	0,24	0,53
0,65	0,12	0,25	0,48	0,09	0,42	0,55	0,21	0,3	0,41	0,28	0,39
0,74	0,11	0,08	0,81	0,02	0,02	0,94	0	0	0,88	-0,09	0,02
0,45	0,11	0,38	0,4	0,22	0,5	0,5	0,18	0,33	0,5	0,25	0,39
0,522	0,19	0,309	0,369	0,217	0,507	0,535	0,179	0,318	0,543	0,228	0,299

Исследование уровня самооценки по В.П. Павленко (респ. - казахи)

Алматы			Шымкент			Актобе		
0,07	0,04	0,11	0,23	0,09	0,20	0,26	0,12	0,24
0,09	-0,13	0,12	0,17	0,14	0,17	0,09	0,24	0,09
0,36	0,21	0,34	0,16	0,13	0,20	0,19	0,08	0,40
0,25	0,05	0,28	0,12	0,23	0,17	0,03	0,34	0,00
0,28	0,18	0,35	0,21	0,28	0,18	0,13	0,19	0,42
0,19	0,15	0,24	0,13	0,21	0,12	0,24	0,17	0,29
0,23	0,13	0,24	0,04	0,08	0,11	0,15	0,12	0,30
0,27	0,19	0,24	0,04	0,09	0,13	0,28	0,19	0,41
0,21	-0,05	0,24	0,13	0,19	0,08	0,48	0,24	0,46
0,29	0,01	0,30	0,15	0,15	0,12	0,22	0,04	0,25
0,16	0,02	0,20	0,10	0,10	0,13	0,14	0,23	0,24
0,26	-0,05	0,27	0,13	0,17	0,17	0,12	0,22	0,11
0,20	-0,03	0,26	0,09	0,12	0,05	-0,06	0,19	-0,06
0,18	0,05	0,21	0,13	0,06	0,05	0,24	0,19	0,23
0,22	-0,07	0,38	0,00	0,08	-0,06	0,05	0,14	0,04
0,20	0,01	0,29	0,18	0,29	0,12	0,15	0,16	0,16
0,00	0,00	0,00	0,18	0,26	0,12	0,11	0,16	0,15

0,13	0,10	0,14	0,28	0,24	0,24	0,25	0,23	0,18
0,13	0,05	0,11	-0,14	-0,06	-0,06	0,08	0,11	0,02
0,26	0,04	0,27	0,13	0,01	0,16	0,26	0,27	0,31
0,28	0,00	0,29	-0,10	0,16	-0,08	0,07	0,13	0,02
0,12	0,03	0,17	-0,11	0,01	-0,13	0,05	0,26	0,18
0,25	0,03	0,27	0,19	0,23	0,21	0,10	0,17	0,19
0,13	0,11	0,14	0,06	0,32	0,14	0,12	0,17	0,21
0,09	0,03	0,10	0,13	-0,08	0,17	0,24	0,29	0,28
0,19	0,10	0,20	0,09	0,00	0,15	0,10	0,13	0,18
0,21	0,11	0,22	0,24	0,11	0,22	0,09	0,32	0,22
0,21	-0,02	0,23	0,16	0,05	0,10	0,19	0,34	0,28
0,09	-0,02	0,18	-0,01	0,19	0,03	0,14	0,31	0,20
0,11	-0,22	0,13	0,03	0,12	0,15	0,03	0,17	0,18
0,11	-0,11	0,23	-0,01	0,24	-0,09	0,04	0,14	0,14
0,08	-0,13	0,16	0,02	0,20	-0,06	0,12	0,22	0,22
0,30	0,01	0,38	0,29	0,33	0,15	0,16	0,24	0,26
0,27	0,04	0,40	0,00	0,31	-0,08	0,15	0,04	0,15
0,17	-0,06	0,21	0,14	0,27	0,02	0,18	0,17	0,25
0,07	0,04	0,08	0,11	0,14	-0,01	0,14	0,00	0,25
0,29	0,05	0,33	0,15	0,39	0,07	0,02	-0,01	0,07
0,05	0,08	0,10	0,08	0,30	0,05	0,03	0,05	0,09

0,11	0,04	0,16	0,07	0,20	0,07	0,16	0,22
0,09	-0,01	0,19	0,13	0,23	0,07	0,18	0,15
0,02	0,06	0,11	0,04	0,19	0,04	0,15	0,24
-0,05	0,04	0,03	0,03	0,25	0,01	0,21	0,17
-0,03	0,19	0,13	0,00	0,28	0,00	0,20	0,24
0,11	0,24	0,24	0,09	0,32	0,12	-0,01	-0,04
-0,02	0,04	-0,04	0,08	0,20	0,13	0,33	0,21
0,07	-0,10	0,10	0,09	0,28	0,21	0,15	0,04
0,22	-0,09	0,33	0,08	0,27	0,20	0,21	0,15
0,17	-0,03	0,17	0,03	0,21	0,15	0,15	-0,02
-0,07	-0,09	-0,06	0,11	0,22	0,08	0,31	0,33
0,05	0,11	0,12	0,11	-0,10	0,14	0,21	0,16
0,15	0,03	0,20	0,10	0,17	0,09	0,18	0,19

Исследование уровня самооценки по В.П. Павленко (resp. - русские)

Алматы		Шымкент			Актобе			
0,18	-0,10	0,20	0,27	0,08	0,20	0,09	0,03	0,12
0,00	-0,07	0,01	0,36	0,05	0,34	0,32	0,17	0,31
0,07	0,09	0,07	0,70	0,19	0,54	0,06	0,18	0,13
0,12	0,08	0,14	0,16	0,06	0,16	0,18	0,09	0,27
0,27	0,15	0,25	0,34	-0,02	0,29	0,41	0,17	0,41
0,12	-0,02	0,12	0,19	0,27	0,23	0,03	0,18	0,09
0,27	0,12	0,25	0,24	0,02	0,23	0,20	0,04	0,20
0,22	0,05	0,22	0,20	0,00	0,19	0,22	0,21	0,29
0,09	-0,09	0,11	0,26	0,16	0,26	0,22	0,21	0,29
0,15	0,11	0,17	0,11	0,03	0,21	0,17	0,02	0,18
0,34	0,21	0,34	0,15	0,15	0,14	0,27	0,03	0,30
0,28	0,18	0,33	0,22	0,08	0,17	0,14	0,06	0,21
0,19	0,12	0,23	0,31	0,16	0,28	0,18	-0,01	0,19
0,07	0,17	0,07	0,19	0,06	0,28	0,12	-0,07	0,12
0,24	0,19	0,23	0,22	0,03	0,17	0,29	-0,03	0,27
0,18	0,18	0,24	0,16	0,21	0,15	0,25	0,08	0,23
0,18	0,18	0,24	0,23	0,11	0,26	0,22	-0,01	0,24
0,37	0,23	0,33	0,22	0,20	0,30	0,19	-0,01	0,23

0,17	0,06	0,25	0,15	0,16	0,19	0,13	0,06	0,22
0,10	0,22	0,12	0,25	0,24	0,36	0,34	0,10	0,28
0,35	0,11	0,31	0,23	0,04	0,22	0,21	0,13	0,17
0,23	0,40	0,16	0,14	0,17	0,18	0,29	0,00	0,24
0,58	0,19	0,54	0,12	0,12	0,12	0,18	0,21	0,14
0,24	0,11	0,23	0,20	0,26	0,19	0,15	-0,02	0,30
0,26	-0,09	0,24	0,04	0,17	0,04	0,22	0,12	0,20
0,28	0,22	0,28	0,11	0,19	0,11	0,15	0,07	0,14
0,21	-0,01	0,29	0,08	0,10	0,07	0,20	0,05	0,18
0,15	0,23	0,20	0,27	0,12	0,24	0,27	0,29	0,26
0,24	0,12	0,40	0,00	0,08	-0,01	0,18	0,10	0,20
0,14	0,06	0,16	0,23	0,01	0,21	0,22	-0,05	0,24
0,21	0,21	0,19	0,07	0,05	0,07	0,27	0,07	0,25
0,31	0,11	0,32	0,17	0,05	0,20	0,18	0,17	0,18
0,22	-0,03	0,23	0,11	0,10	0,09	0,23	0,13	0,18
0,17	0,11	0,23	0,13	0,12	0,11	0,29	0,05	0,26
0,15	0,06	0,15	0,24	0,06	0,24	0,20	0,00	0,27
0,13	-0,03	0,21	0,19	0,17	0,21	0,13	0,09	0,13
0,32	0,06	0,34	0,19	0,02	0,19	0,15	0,02	0,12
0,33	0,05	0,38	0,13	0,12	0,11	0,20	0,00	0,19

0,12	0,10	0,13	0,06	0,02	0,10	0,28	0,15	0,28
0,20	-0,04	0,21	0,15	0,10	0,16	0,54	0,17	0,42
0,19	0,02	0,18	0,21	0,03	0,23	0,28	-0,03	0,28
0,14	-0,01	0,16	0,18	-0,05	0,21	0,21	0,07	0,20
0,29	0,09	0,34	0,09	-0,11	0,11	0,22	-0,01	0,22
0,18	0,06	0,21	-0,02	-0,02	0,01	0,35	0,06	0,32
0,26	0,08	0,25	0,13	-0,13	0,13	0,31	0,10	0,33
0,11	0,10	0,12	0,17	-0,05	0,22	0,15	-0,17	0,18
0,23	0,01	0,23	0,12	-0,01	0,12	0,27	-0,02	0,26
0,08	0,13	0,09	0,21	-0,04	0,22	0,29	0,09	0,33
0,11	0,13	0,11	0,13	0,03	0,07	0,24	-0,06	0,24
0,19	0,04	0,24	0,10	-0,01	0,15	0,32	0,05	0,27
0,20	0,09	0,22	0,18	0,08	0,19	0,22	0,07	0,23

Таблица 7

**Исследование системы этнических предпочтений (степень совпадения образов этнических групп с образом
“Мой идеал”; г. Алматы)**

казахи					русские				
Мой идеал - типичный казах			Мой идеал - типичный русский		Мой идеал - типичный казах			Мой идеал - типичный русский	
0,19	0,00	0,24	0,27	0,00	0,30	0,10	0,03	0,11	0,12
0,32	0,01	0,31	0,21	0,03	0,23	-0,07	0,08	-0,07	-0,02
0,19	0,14	0,19	0,18	0,13	0,16	0,00	0,14	-0,01	-0,02
0,17	0,04	0,19	0,35	0,05	0,33	0,05	0,18	0,06	0,01
0,21	0,08	0,21	0,22	0,03	0,27	0,32	0,15	0,35	0,27
0,19	0,18	0,23	0,11	0,04	0,23	0,38	0,08	0,36	0,32
0,21	0,11	0,25	0,14	0,10	0,19	0,43	0,04	0,37	0,30
0,19	0,06	0,20	0,23	0,11	0,23	0,29	0,05	0,27	0,31
0,19	0,07	0,24	0,15	0,06	0,21	0,13	-0,04	0,14	0,04
0,26	0,02	0,28	0,29	-0,04	0,30	0,33	0,22	0,32	0,21
0,25	-0,03	0,28	0,23	-0,07	0,26	0,31	0,11	0,36	0,16
0,27	-0,02	0,29	0,26	-0,05	0,28	0,55	0,25	0,53	0,33
0,22	0,01	0,23	0,25	0,00	0,29	0,51	0,16	0,50	0,29
0,29	0,10	0,29	0,25	0,02	0,31	0,20	0,13	0,25	-0,01
0,18	-0,05	0,23	0,22	-0,07	0,27	0,35	0,20	0,39	0,04
0,22	0,07	0,29	0,25	0,01	0,26	0,16	0,04	0,16	-0,02
0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,16	0,04	0,16	-0,02
									0,10
									0,01

0,15	0,06	0,15	0,08	0,10	0,10	0,13	0,22	0,29	0,12	0,06	0,15
0,13	0,14	0,09	0,16	0,17	0,13	0,75	0,27	0,60	0,53	0,14	0,47
0,25	-0,03	0,27	0,22	-0,01	0,24	0,23	0,15	0,20	0,05	0,06	0,08
0,23	0,03	0,24	0,27	-0,02	0,32	0,33	0,04	0,29	0,27	0,04	0,21
0,00	0,03	0,04	0,10	-0,06	0,13	0,42	0,22	0,31	0,16	0,13	0,18
0,17	0,05	0,18	0,17	-0,05	0,20	0,33	-0,04	0,34	0,39	0,04	0,38
0,30	0,03	0,30	0,20	0,03	0,20	0,35	0,10	0,33	0,22	-0,03	0,24
0,07	0,02	0,08	0,04	-0,09	0,10	0,25	-0,06	0,23	0,19	-0,16	0,19
0,17	0,04	0,20	0,25	-0,10	0,24	0,33	0,00	0,34	0,23	-0,01	0,26
0,20	0,11	0,23	0,25	0,05	0,26	0,29	0,04	0,41	0,18	0,04	0,20
0,28	0,03	0,26	0,33	-0,04	0,29	0,33	0,00	0,32	0,11	0,07	0,12
0,27	0,01	0,30	0,29	-0,03	0,36	0,32	0,17	0,37	0,21	0,09	0,26
0,13	-0,05	0,15	0,27	-0,08	0,32	0,48	0,24	0,41	0,47	0,19	0,40
0,13	-0,11	0,23	0,11	-0,15	0,21	0,40	0,14	0,37	0,23	0,07	0,26
0,14	0,10	0,12	0,06	-0,02	0,08	0,24	0,06	0,24	0,22	0,07	0,24
0,27	0,05	0,30	0,12	-0,17	0,25	0,59	0,28	0,51	0,22	0,08	0,25
0,23	-0,05	0,25	0,18	-0,09	0,22	0,74	0,29	0,59	0,21	0,05	0,23
0,12	-0,02	0,16	0,09	-0,12	0,18	0,22	0,02	0,28	0,18	0,03	0,20
0,05	0,10	0,05	0,10	-0,06	0,11	0,15	0,08	0,21	0,19	0,10	0,22
0,30	0,00	0,31	0,33	0,04	0,33	0,28	0,00	0,32	0,32	0,01	0,31
0,18	0,15	0,21	0,26	0,06	0,29	0,39	0,15	0,41	0,29	0,08	0,29
0,20	0,15	0,19	0,13	-0,04	0,17	0,23	0,04	0,27	0,23	0,04	0,24
0,16	-0,10	0,21	0,21	-0,05	0,29	0,34	0,09	0,33	0,20	0,04	0,21

0,12	0,05	0,22	0,09	-0,04	0,17	0,31	0,04	0,32	0,13	-0,15	0,12
0,10	0,09	0,13	0,28	0,06	0,31	0,22	0,02	0,22	0,11	-0,11	0,12
0,02	0,19	0,20	0,02	0,03	0,20	0,28	0,02	0,29	0,21	-0,01	0,22
-0,07	0,00	-0,07	0,19	0,15	0,22	0,26	0,16	0,28	0,20	0,07	0,27
0,02	0,09	0,03	0,02	-0,15	0,03	0,23	0,03	0,24	0,29	0,03	0,29
0,08	-0,09	0,10	0,13	-0,14	0,14	0,30	0,10	0,29	0,08	0,03	0,09
0,04	0,08	0,04	0,07	0,03	0,07	0,19	0,12	0,20	0,16	0,06	0,18
0,07	-0,12	0,12	-0,07	-0,19	0,03	0,20	0,05	0,20	0,19	0,02	0,18
0,13	0,02	0,02	0,07	0,11	0,00	0,25	0,00	0,26	0,25	-0,06	0,25
0,10	0,04	0,17	0,10	-0,03	0,11	0,16	0,06	0,21	0,18	0,03	0,23
0,17	0,04	0,19	0,17	-0,01	0,21	0,29	0,10	0,29	0,19	0,03	0,20

Таблица 8

**Исследование динамики социальной дистанции и определение уровня
этнической толерантности студенческой молодежи**

Степень приемлимости казахами русских (г.Алматы)	Степень приемлимости казахами казахов (г.Алматы)	Степень приемлимости казахами русских (г.Актобе)	Степень приемлимости казахами казахов (г.Актобе)	Степень приемлимости казахами русских (г.Шымкент)	Степень приемлимости казахами казахов (г.Шымкент)	Степень приемлимости русскими казахов (г. Алматы)	Степень приемлимости русскими русских (г.Алматы)	Степень приемлимости русскими казахов (г. Актобе)	Степень приемлимости русскими русских (г.Актобе)	Степень приемлимости русскими казахов (г.Шымкент)	Степень приемлимости русскими русских (г.Шымкент)
0	3	3	3	1	3	1	2	1	3	3	3
1	3	1	2	1	2	1	0	1	2	1	3
2	2	2	2	1	3	1	1	-1	2	1	2
0	2	2	0	1	2	3	2	-1	2	2	2
1	2	2	3	1	2	1	2	-1	2	1	2
2	2	2	1	1	3	1	2	2	2	1	2
1	2	1	2	1	3	2	2	1	2	2	3

0	3	2	2	1	0	0	2	1	3	3	3
0	0	2	3	0	3	1	1	1	3	2	2
2	-1	2	3	1	1	1	0	1	3	2	2
1	2	1	3	0	3	1	0	2	3	0	2
1	2	0	3	1	1	1	0	1	2	1	3
3	2	2	2	1	2	-1	1	0	3	2	3
2	2	1	0	1	2	0	1	1	2	1	3
2	2	1	3	1	2	1	-1	1	0	1	3
2	2	1	-1	1	3	1	-1	1	2	1	3
2	2	1	2	1	3	1	2	1	2	1	2
1	2	1	2	1	3	1	2	1	2	2	3
2	2	0	2	1	3	1	3	2	2	2	3
1	3	1	2	2	3	1	0	0	2	0	2
1	2	1	3	0	3	2	0	1	2	1	3
0	1	1	3	2	3	1	0	-3	3	1	3
1	3	2	3	1	3	1	3	1	2	1	3
2	3	1	2	1	3	1	3	2	2	1	3

0	1	1	1	2	1	3	2	3	1	2	2	2
1	2	0	0	0	1	3	2	3	1	2	2	2
0	2	2	2	-1	1	3	1	3	2	2	0	3
1	3	2	2	2	1	3	2	3	2	3	3	3
1	2	2	2	2	1	3	1	3	0	3	2	3
0	2	2	2	2	1	3	3	3	0	2	1	2
0	2	1	1	2	2	3	2	3	1	2	1	3
1	2	1	1	3	2	3	1	3	1	2	1	3
0	2	1	1	1	1	3	2	3	1	1	1	3
0	2	1	1	3	1	3	2	3	1	0	1	3
0	1	1	1	0	1	3	1	3	1	3	1	3
1	0	-1	-1	2	1	3	1	3	1	3	1	3
1	-1	-1	-1	2	1	3	1	3	1	2	1	3
2	3	-3	2	2	2	3	1	3	1	2	1	3
2	3	2	2	2	2	3	1	3	2	2	1	2
0	2	1	1	2	1	3	1	3	2	3	1	2
0	2	1	1	1	1	3	1	3	1	3	1	3
2	2	1	1	3	1	3	2	3	1	3	1	2
0	3	-1	3	3	0	3	1	3	0	3	0	3

2	3	2	2	1	2	-1	3	1	3	1	3
2	3	1	3	1	2	-1	3	2	3	1	2
2	0	-1	2	2	0	0	3	2	3	1	0
2	2	-3	2	2	3	2	3	1	3	1	2
2	-1	1	2	1	3	1	3	1	3	1	2
2	1	1	3	-1	1	1	3	1	3	1	2
2	2	1	2	0	2	1	3	0	3	1	2

Таблица 9

Определение этнокультурной приемлемости

№ испытуемых	Степень приемлемости казахов русских (г.Алматы)	Степень приемлемости казахов (г.Алматы)	Степень приемлемости казахов русских (г.Актобе)	Степень приемлемости казахов русских (г.Шымкент)	Степень приемлемости казахов (г.Алматы)	Степень приемлемости русских казахов (г.Алматы)	Степень приемлемости русских казахов (г.Актобе)	Степень приемлемости русских казахов (г.Шымкент)	Степень приемлемости русских казахов (г.Актобе)	Степень приемлемости русских казахов (г.Шымкент)	Степень приемлемости русских русских (г.Шымкент)
1	0	3	3	1	3	1	2	1	3	3	3
2	1	3	1	1	2	1	0	1	2	1	3
3	2	2	2	-1	3	1	1	-1	2	1	2
4	0	2	2	1	2	3	2	-1	2	2	2
5	1	2	2	1	2	1	2	-1	2	1	2
6	2	2	2	1	3	1	2	2	2	1	2
7	1	2	1	1	3	2	2	1	2	2	3
8	0	3	2	1	0	0	2	1	3	3	3
9	0	0	2	0	3	1	1	1	3	2	2

10	2	-1	2	3	1	1	1	0	1	3	2	2
11	1	2	1	3	0	3	1	0	2	3	0	2
12	1	2	0	3	1	1	1	0	1	2	1	3
13	3	2	2	2	1	2	-1	1	0	3	2	3
14	2	2	1	0	1	2	0	1	1	2	1	3
15	2	2	1	3	1	2	1	-1	1	0	1	3
16	2	2	1	-1	1	3	1	-1	1	2	1	3
17	2	2	1	2	1	3	1	2	1	2	1	2
18	1	2	1	2	1	3	1	2	1	2	2	3
19	2	2	0	2	1	3	1	3	2	2	2	3
20	1	3	1	2	2	3	1	0	0	2	0	2
21	1	2	1	3	0	3	2	0	1	2	1	3
22	0	1	1	3	2	3	1	0	-3	3	1	3
23	1	3	2	3	1	3	1	3	1	2	1	3
24	2	3	1	2	1	3	1	3	2	2	1	3
25	0	1	1	2	1	3	2	3	1	2	2	2
26	1	2	0	0	1	3	2	3	1	2	2	2
27	0	2	2	-1	1	3	1	3	2	2	0	3

28	1	3	2	2	1	3	2	3	3	2	3	3
29	1	2	2	2	1	3	1	3	3	0	2	3
30	0	2	2	2	1	3	3	3	0	0	1	2
31	0	2	1	2	2	3	2	3	1	1	1	3
32	1	2	1	3	2	3	1	3	1	1	1	3
33	0	2	1	1	1	3	2	3	1	1	1	3
34	0	2	1	3	1	3	2	3	1	1	1	3
35	0	1	1	0	1	3	1	3	1	3	1	3
36	1	0	-1	2	1	3	1	3	1	1	1	3
37	1	-1	-1	2	1	3	1	3	1	1	1	3
38	2	3	-3	2	2	3	1	3	1	1	1	3
39	2	3	2	2	2	3	1	3	2	2	1	2
40	0	2	1	2	1	3	1	3	2	2	1	2
41	0	2	1	1	1	3	1	3	1	3	1	3
42	2	2	1	3	1	3	2	3	1	1	1	2
43	0	3	-1	3	0	3	1	3	0	3	0	3
44	2	3	2	2	1	2	-1	3	1	3	1	3
45	2	3	1	3	1	2	-1	3	2	3	1	2
46	2	0	-1	2	2	0	0	3	2	3	1	0

47	2	2	-3	2	2	3	2	3	1	3	1	2
48	2	-1	1	2	1	3	1	3	1	3	1	2
49	2	1	1	3	-1	1	1	3	1	3	1	2
50	2	2	1	2	0	2	1	3	0	3	1	2
св	1,02	1,02	1,02	1,02	1,02	1,02	1,02	1,02	1,02	1,02	1,02	1,02
СПР	0,38	0,63	0,33	0,67	0,34	0,88	0,37	0,71	0,30	0,80	0,42	0,86
про- центы	37,3	62,0	32,0	66,0	33,3	86,0	36,6	70,0	29,3	78,0	41,3	84,6

Таблица 10

Исследование степени агрессивности у представителей казахского и русского этноса

№	Степень агрессивности у представителей казахского этноса (г.Алматы)	Степень агрессивности у представителей казахского этноса (г.Шымкент)	Степень агрессивности у представителей казахского этноса (г.Актобе)	Степень агрессивности у представителей русского этноса (г.Алматы)	Степень агрессивности у представителей русского этноса (г.Шымкент)	Степень агрессивности у представителей русского этноса (г.Актобе)
1	6	25	2	5	4	11
2	22	11	7	11	18	25
3	17	23	23	17	26	14
4	25	8	24	9	12	18
5	15	4	6	12	5	13
6	8	7	9	26	8	20
7	6	11	11	12	9	13
8	9	13	17	8	0	21
9	10	22	4	24	5	16
10	6	3	5	13	3	19
11	4	18	11	10	22	22

12	16	21	25	7	11	19
13	12	8	21	4	2	22
14	4	16	8	9	6	21
15	11	12	13	17	12	19
16	9	2	22	19	21	13
17	7	19	20	8	7	16
18	4	16	22	6	18	7
19	10	5	4	22	11	9
20	9	7	10	19	5	17
21	3	12	13	20	2	8
22	25	9	11	23	3	11
23	4	3	8	10	10	6
24	0	14	15	7	13	12
25	13	21	24	20	25	17
X	10,2	12,4	13,4	13,5	10,3	15,6
t эмп.	0,84	0,55	0,47	0,84	0,55	0,47

Таблица 11

Исследование степени выраженности агрессивности у представителей студенческой молодежи

№	Степень агрессивности у этноса (г.Алматы)	ранг	Степень агрессивности у представителей казахского этноса (г.Шымкент)	ранг	Степень агрессивности у представителей казахского этноса (г.Актобе)	ранг	Степень агрессивности у представителей русского этноса (г.Алматы)	ранг	Степень агрессивности у представителей русского этноса (г.Шымкент)	ранг	Степень агрессивности у представителей русского этноса (г.Актобе)	ранг
1	6	17,5	25	73,5	2	21,5	5	9,5	4	6,5	11	32
2	22	65,5	11	39,5	7	68,5	11	32	18	53	25	72,5
3	17	56,5	23	68,5	23	70,5	17	49,5	26	74,5	14	45
4	25	73,5	8	26	24	17,5	9	24,5	12	37	18	53
5	15	51,5	4	10	6	31	12	37	5	9,5	13	42
6	8	26	7	21,5	9	39,5	26	74,5	8	20,5	20	61
7	6	17,5	11	39,5	11	56,5	12	37	9	24,5	13	42
8	9	31	13	47,5	17	10	8	20,5	0	1	21	64
9	10	35	22	65,5	4	10	24	71	5	9,5	16	46,5

10	6	17,5	3	5	5	14,5	13	42	3	4,5	19	57
11	4	10	18	58	11	39,5	10	28	22	67,5	22	67,5
12	16	54	21	62	25	73,5	7	16,5	11	32	19	57
13	12	44	8	26	21	62	4	6,5	2	2,5	22	67,5
14	4	10	16	54	8	26	9	24,5	6	13	21	64
15	11	39,5	12	44	13	47,5	17	49,5	12	37	19	57
16	9	31	2	2,5	22	65,5	19	57	21	64	13	42
17	7	21,5	19	59	20	60	8	20,5	7	16,5	16	46,5
18	4	10	16	54	22	65,5	6	13	18	53	7	16,5
19	10	35	5	14,5	4	10	22	67,5	11	32	9	24,5
20	9	31	7	21,5	10	35	19	57	5	9,5	17	49,5
21	3	5	12	44	13	47,5	20	61	2	2,5	8	20,5
22	25	73,5	9	31	11	39,5	23	70	3	4,5	11	32
23	4	10	3	5	8	26	10	28	10	28	6	13
24	0	1	14	50	15	51,5	7	16,5	13	42	12	37
25	13	47,5	21	62	24	70,5	20	61	25	72,5	17	49,5
Σ рангов		814,5		984		1051,5		974		717		1159

Таблица 12

Средние статистические показатели характера межэтнического взаимодействия в казахской и русской выборках по биполярным шкалам (г.Алматы)

№	Казахи		Русские	
	позитивные	негативные	позитивные	негативные
1	2,22	0,40	2,30	0,60
2	2,16	0,06	2,02	0,16
3	2,08	0,06	1,92	0,16
4	2,06	0,06	1,90	0,12
5	2,06	0,06	1,90	0,04
6	2,04	0,04	1,82	0,04
7	1,98	0,04	1,80	0,04
8	1,92		1,52	
9	1,50		1,38	
10	0,94		1,16	
Σ	1,9	0,07	1,7	0,2

Таблица 13

Средние статистические показатели характера межэтнического взаимодействия в казахской и русской выборках по биполярным шкалам (г.Шымкент)

№	Казахи		Русские	
	позитивные	негативные	позитивные	негативные
1	2,68	0,38	2,58	0,08
2	2,62	0,24	2,42	0,06
3	2,54	0,20	2,24	0,04
4	2,24		2,08	
5	2,12		2,08	
6	2,06		1,98	
7	1,94		1,98	
8	1,72		1,90	
9	1,62		1,90	
10	1,14		1,76	
Σ	2,06	0,08	2,09	0,09

Таблица 14

**Средние статистические показатели характера межэтнического
взаимодействия в казахской и русской выборках
по биполярным шкалам (г.Актобе)**

№	Казахи		Русские	
	позитивные	негативные	позитивные	негативные
1	2,64	0,84	2,04	0,52
2	1,98	0,32	2,02	
3	1,96	0,16	1,98	
4	1,90	0,08	1,82	
5	1,84	0,04	1,78	
6	1,82		1,76	
7	1,82		1,62	
8	1,76		1,50	
9	1,68		1,50	
10	1,42		0,52	
Σ	2,06	1,44	1, 65	0,52

СОДЕРЖАНИЕ

	ВВЕДЕНИЕ.....	3
I	МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	8
2	ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СИСТЕМЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ.....	24
2.1	Этническая идентичность как центральный конструкт феноменологического поля межэтнических отношений.....	24
2.2	Кросс-культурное эмпирическое исследование этнической идентичности на основе групповых идентификационных матриц.....	37
2.3	Социально-психологическое обоснование содержания, уровней проявления и основных типов этнической идентичности.....	51
2.4	Кросс-культурное эмпирическое исследование содержания, основных типов и уровней этнической идентичности в контексте их трансформаций.....	67
3	СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В КОНТЕКСТЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ.....	83
3.1	Психологические механизмы межэтнического восприятия.....	83
3.2	Современные подходы к исследованию этнических стереотипов	92
3.3	Кросс-культурное эмпирическое исследование специфики проявления этнических стереотипов.....	108
4	ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ОТ ПАРАДИГМЫ КОНФЛИКТА, НАПРЯЖЕННОСТИ К ТОЛЕРАНТНОСТИ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМУ.....	141
4.1	Социально-психологические показатели межэтнических конфликтов и напряженности в контексте межэтнического взаимодействия.....	141
4.2	Кросс-культурное эмпирическое исследование межэтнической напряженности как психологического механизма межэтнического взаимодействия.....	152
4.3	Социально-психологическое исследование теоретических и прикладных аспектов межэтнического общения и адаптации.....	165
4.4	Кросс-культурное эмпирическое исследование межэтнического взаимодействия.....	188
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	196
	ЛИТЕРАТУРА.....	198
	ПРИЛОЖЕНИЕ.....	205

Ольга Хабижановна Аймаганбетова

КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

(СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

*Генеральный директор
ТОО “Нур-пресс” Н. Жансеитов*

Технические редакторы: Г. К. Омаркожаева, Г. А. Туребаева

Компьютерная верстка: Г. А. Туребаева

Дизайнер: А. О. Савельев

Оператор: Г. О. Умурова

Подписано в печать 13.10.2006 г.

Формат 60х90_{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”.

Усл. печ. л. 14,75.

Тираж 500 экз. Заказ N 32.

ТОО “Нур-пресс”
050057 г. Алматы, ул. М. Озтюрка, 12,
Тел./факс: (3272) 747-833, 742-650
E-mail: law-literature2006@rambler.ru

Отпечатано в типографии
ТОО “Нур-пресс”